

Шарль-Виктор Ланглуа

par
vus
libellus

ФИЛИПП КРАСИВЫЙ И ЕГО СЫНОВЬЯ

ФРАНЦИЯ В КОНЦЕ XIII – НАЧАЛЕ XIV ВЕКА

е в р а з и я

Charles-Victor Langlois

LES ÉVÉNEMENTS
POLITIQUES
DE 1286 À 1328

Шарль-Виктор Ланглуа
ФИЛИПП КРАСИВЫЙ
И ЕГО СЫНОВЬЯ
Франция в конце XIII —
начале XIV века

2-е издание, электронное

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(44).024

ББК 63.3(0)4

Л22

Ланглуа, Шарль-Виктор.

Л22 Филипп Красивый и его сыновья. Франция в конце XIII — начале XIV века / Ш.-В. Ланглуа ; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. — 2-е изд., эл. — 1 файл pdf : 320 с. — Санкт-Петербург : Евразия, 2025. — (Parvus libellus). — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-8071-0742-8

Эпоха последних Капетингов (1285—1328) — время великих свершений французской монархии. Главным действующим лицом этой эпохи по праву является французский король Филипп IV Красивый — суровый и могущественный правитель, который был загадкой уже для своих современников. Его называли «железным королем» и «королем из мрамора». Именно в его царствование Франция достигла вершины своего могущества. Филипп IV боролся с папством, отказавшись признать верховенство духовной власти над светской и положив начало «Авиньонскому пленению пап»; расширил владения французской короны, подавив сопротивление крупных сеньоров. При Филиппе блистательное французское рыцарство впервые потерпело поражение от пехотинцев, фламандских ткачей и ремесленников, в знаменитой битве при Куртре. И именно по распоряжению Филиппа в центре Парижа стали строить Собор Парижской Богоматери, впоследствии превратившийся в главный символ французской столицы. Наконец, правление Филиппа отмечено громким событием, оставившим по себе долгую память, — арестом, судом и казнью рыцарей-монахов из ордена тамплиеров.

УДК 94(44).024

ББК 63.3(0)4

Электронное издание на основе печатного издания: Филипп Красивый и его сыновья. Франция в конце XIII — начале XIV века / Ш.-В. Ланглуа ; пер. с фр. М. Ю. Некрасова. — Санкт-Петербург : Евразия, 2022. — 320 с. — (Parvus libellus). — ISBN 978-5-8071-0514-1. — Текст : непосредственный.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации.

ISBN 978-5-8071-0742-8

© Некрасов М. Ю., перевод, 2020

© Юрченко К. А., дизайн обложки, 2022

© Оформление, ООО «Издательство
«Евразия», 2022

Глава I

Последние Капетинги по прямой линии

I. Филипп Красивый и его сыновья. —

II. Окружение последних Капетингов

I. Филипп Красивый и его сыновья

Что известно о Филиппе Красивом

В текстах времен Филиппа Красивого и его сыновей о личностях королей не сказано ничего или почти ничего. Так что придется смириться — о том, каким был Филипп Красивый, никто не узнает; одни говорят: «Это был великий человек», другие — «Он пустил все на самотек», и выяснить, кто прав, никогда не удастся. Эта проблема неразрешима.

Источники, позволяющие составить представление о человеке, — это тексты, рассказы людей, знавших его, или людей, которые, не зная его, собирали слухи, ходившие о нем в обществе.

Письма

А ведь письма Филиппа Красивого и его сыновей насчитываются тысячами. Может возникнуть сильное искушение выбрать из них какие-то фразы (среди них есть звучные) и приписать Филиппу или его сыновьям чувства, которые эти фразы выражают. Но такому искушению надо противиться, потому что письма и указания, какие в ту эпоху рассылались от имени королей из королевских канцелярий, короли не диктовали. Писали их

нотарии, и основные суждения, какие в них можно прочесть, — это по большей части расхожие формулы¹. Правда, некоторые тексты отличались своеобразием, но нет оснований думать, что монарх был автором или хотя бы вдохновителем тех редких документов, стиль которых по-настоящему оригинален; во всяком случае, у нас нет возможности отличить то, что было вкладом короля, от вклада его министров. Короче говоря, ради того, о чем здесь идет речь, обращаться к дипломатическим документам нет никакого смысла.

Портреты того времени

Ни у Филиппа Красивого, ни у его сыновей не было своего Жуанвиля; никто из тех, кто с ними постоянно общался, не записывал за ними ни слова, ни действия, ни жесты. Среди их приближенных один только Гильом де Ногаре кратко описал Филиппа Красивого, но его очерк — это панегирик, апологетический, напыщенный и расплывчатый: «Государь король, — писал Ногаре в одной из „Записок“, какие составлял в связи с делом Бонифация, — принадлежит к династии французских

---

¹ Это, например, относится к знаменитой преамбуле к хартии Людовика X об освобождении сервов королевского домена, ссылающейся на то, что любое человеческое существо имеет право на свободу. То же утверждение есть и в хартии Карла Валуа от 9 апреля 1311 г. (*Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. Vol. XII: contenant un supplément depuis l'an 1187, jusqu'à la fin du règne de Charles VI. Paris: Imprimerie Royale, 1777. 387*). Впрочем, это было общим местом в средневековой риторике: *Histoire de France. T. III. 1re partie. Paris: Hachette et Cie, 1901. P. 78.*

королей, которые все, со времен короля Пипина, были набожны, которые были рьяными поборниками веры, могучими защитниками Святой Матери Церкви... До, во время и после своего брака он был целомудренным, смиренным, скромным в выражении лица и в речи; он никогда не впадает в гнев; он не питает ни к кому ненависти; он никому не завидует; он всех любит. Исполненный милости и человеколюбия, благочестивый, милосердный, он неуклонно следует правде и справедливости, и его уста никогда не произносят поношений. Ревностный в вере, набожный в жизни, возводящий церкви, творящий благие дела, красивый лицом и очаровательный с виду, приятный для всех, даже для врагов, когда они находятся в его присутствии, и Бог совершает его руками очевидные чудеса в отношении больных».

Анекдоты

Люди, видевшие собственными глазами последних Капетингов по прямой линии, рассказали о них несколько анекдотов, но не слишком интересных. Один из свидетелей, заслушанных по делу Бернара Сессе, епископа Памьерского, показал, что епископ, говоря о Филиппе Красивом, сказал ему: «Наш король похож на филина, самую красивую из птиц, ни на что не годную: это самый красивый человек на свете, но он умеет лишь пристально смотреть на других, не говоря ни слова». Епископ якобы добавил: «Это не человек и не зверь, это статуя». Тосканец Франческо да Барберино, приезжавший во Францию по своим делам с 1309 по 1313 г., был поражен благожелательностью французского короля, который однажды на его глазах ответил на приветствие трем бродягам (*vilissimi*

*ribaldi*²), позволил им приблизиться и терпеливо выслушал их жалобы. Ив, монах из Сен-Дени, присутствовавший при последних минутах жизни Филиппа, описал его благочестивую кончину, сходную со всеми благочестивыми кончинами. Как и Людовик Святой, Филипп Красивый якобы отказался выпить гоголь-моголь, хоть и умирал, потому что день был постным. Он якобы произнес назидательные слова: призвал старшего сына любить Бога, чтить церковь, защищать ее, усердно молиться, окружать себя добрыми людьми, одеваться скромно. Он якобы высказал также «печальные соображения», очень банальные, «о тщете людского величия». Тот же монах даже осмелился набросать портрет короля во весь рост — того самого короля, смерть которого он видел, но с которым, впрочем, был знаком очень плохо; его бесцветные и слащавые определения мало что позволяют узнать: «Этот король, — пишет он, — был очень красивым, достаточно ученым, приветливым с виду, очень честным по характеру, смиренным, кротким, чересчур смиренным, чересчур кротким, прилежно молился Богу. Он избегал злоречия. Он соблюдал посты, носил власяницу; он требовал от своего духовника, чтобы тот сек его цепочкой, *cum quadam catēnula*. Простодушный и благожелательный, он думал, что все движимы наилучшими намерениями; это делало его слишком доверчивым; его советники этим злоупотребляли».

Слухи, ходившие в народе

Все остальные сведения, которые содержатся в хрониках как того времени, так и позднейших, —

---

² Гнуснейшим мошенникам (*итал.*).

это пересказ слухов, ходивших в народе. Они имеют ценность как отражение представлений общества.

Современники Филиппа Красивого считали, судя по совпадающим заявлениям Виллани, Годфруа Парижского и многих анонимных авторов, что у короля слабый характер; автор вставок к «Роману о Фовеле» охарактеризовал его как «благодушного», в чем нельзя усмотреть оригинальность, что бы об этом ни говорили. Все дружно твердят, что он был красивым, светлокожим и белокурым, высоким и сильным, «исполненным милости, кротости и прямоты» и что он слепо доверялся тем, кто снискал его доверие. Один аноним в латинской обличительной речи, датированной первыми годами царствования, обвиняет короля в том, что тот неводержан, чрезмерно пристрастился к охоте и окружил себя «негодями», предателями, ворами, наглецами; король ими поработан (*quasi servus obedit*) и пренебрегает своим долгом. Годфруа Парижский, хронист (его хроника начинается 1300 годом), тоже не обошел молчанием эту тему. Наш король, — пишет он, — равнодушен, это «сокол-балобан»; в то время как фламандцы действуют, он проводит время за охотой:

И король, когда его рога трубят
По лесам, гонит кабанов
И птиц, летящих в небе,
А фламандцы берут заложников...

Это дитя; он не замечает, что окружение его обманывает и обирает:

Деньги получают сборщики налогов,
А народ считает, что их берет король...

Королевский совет берет их и делит,
А королю достается меньше всех...
Но король не должен дольше оставаться
Ребенком; он вполне мог бы понять,
Камень ему дадут или хлеб...

После катастрофического поражения при Куртре появились новые упреки Филиппу — в вялости, в чрезмерной слабости к дурным советникам низкого происхождения, которые его окружают и которых теперь считают преступниками:

Вас предают, все так думают
Насчет ваших рыцарей из кухни,
Стоящих близ вас при пробуждении...
Черное представляют вам белым
Те, кто и справа, и слева
Находятся близ вас; и щипать траву,
Государь, вас понуждают, и орла выдают
за решку.

Позже автор сочинения под названием «Сон» так подытожил царствование Филиппа IV: это было время, когда охотились...

Когда охотились многими способами,
И было добыто много крупной дичи —
Евреи, тамплиеры и христиане
Были пойманы и ввергнуты в узы...
Охотиться можно было повсюду...
Король же, что царствовал тогда,
Участвовал в охоте весьма ретиво,
Но получал мало добычи,
Потому что плохо понимал игру...
Из ста су ему доставалось не более денье...

Что известно о сыновьях Филиппа Красивого

Суждения в приведенных текстах подтверждаются многими другими; тех, которые бы им противоречили, нет. Если и были современники, считавшие Филиппа Красивого человеком энергичным и усердным, следов это мнение не оставило.

Что касается трех сыновей Филиппа Красивого, наследовавших ему, Людовика, Филиппа и Карла, то они выглядят еще более неприметно. Как объяснить прозвище *hutin* («сварливый»), данное Людовику? Филипп и Карл, по словам хронистов, были высокими, красивыми, благочестивыми, кроткими, мудрыми, щедрыми. Сведения из первых рук и подробности напрочь отсутствуют.

Можно ли в отсутствие прямых свидетельств сделать выводы о характерах этих королей из событий, произошедших во время их правления? На первый взгляд, это кажется естественным. Как допустить, что противник Бонифация VIII был благочестивым и даже суеверным, а преследователь тамплиеров — кротким и неосторожным? При Филиппе IV случилось столько трагических событий, что непреодолимо тянет считать его человеком мрачным и жестким. Но от соблазна рассуждать таким образом надо удерживаться. В самом деле, допущение (совершенно произвольное), что Филипп Красивый обладал «сильным духом» и был «очень твердым человеком», легко начинает выглядеть обоснованной истиной. И если убедить себя в его непреложной правильности, будешь систематически усматривать последовательность и глубину там, где современники событий (похоже, не без оснований) видели только оплошности

и растерянность³. Для некоторых авторов Нового времени такое допущение оказалось даже убедительней реальных документов: «У статуи на гробнице Филиппа Красивого в Сен-Дени, — говорится в одном тексте, — лицо сурового, очень энергичного человека». Между тем в этом широком и простодушном бритом лице, обрамленном прядями длинных волос, нет ни суровости, ни энергичности. К тому же не факт, что это изображение имеет портретный характер: надгробные статуи Филиппа IV, Людовика X, Филиппа V, Карла IV были выполнены с 1327 по 1329 г. в одной и той же мастерской; они чрезвычайно похожи — одна и та же поза, одни и те же черты; «трое сыновей, если скульптура не лжет, — пишет де Гийерми, — имели с отцом сходство, убедительно подтверждающее» добродетель их матери. Ваятель, начавший работу над статуями через тринадцать лет после смерти Филиппа Красивого, мог его даже никогда не видеть.

---

³ Предвзятые мнения такого рода долго искажали представления об истории XIII века. Раз Людовик IX приобрел репутацию прекрасного монарха, его хвалили за решения, которые (якобы) соответствовали общему духу его политики, но которые на самом деле имели совсем иной характер. Раз Филипп Красивый приобрел репутацию монарха, склонного к новшествам и беззастенчивого, его упрекали за введение многих обычаев (например, налоговых поборов), которые существовали и до него.

II. Окружение последних Капетингов

Принцы крови

Мало сведений мы имеем и о лицах, игравших главные роли при дворах Филиппа Красивого и его сыновей, — о принцах крови и советниках.

При дворах Филиппа Красивого и его сыновей случился не один скандал, но их подробности неизвестны. С трудом можно различить, что у королевы Жанны Наваррской, жены Филиппа Красивого, были протеже и враги и что в окружении короля Наварры (будущего Людовика X) накануне 1314 г. и в окружении Карла Маршского (будущего Карла IV) накануне 1322 г. возникали очаги интриг. Единственным принцем крови, о котором нельзя сказать, что его обличье абсолютно неразлично, был Карл Валуа, брат Филиппа IV, который стал родоначальником династии Валуа и который в течение четырех царствований благодаря происхождению был в королевстве первым человеком после короля⁴.

Карл Валуа

Карл Валуа тоже считался красивым мужчиной: он был высоким и сильным, имел грубые черты лица — если статуя, когда-то располагавшаяся на

---

⁴ *Petit J. Charles de Valois (1270–1325). Paris: A. Picard et fils, 1900.*

его гробнице, верно отражала его облик. Он был трижды женат и произвел на свет четырнадцать детей, в том числе десять дочерей. Он претендовал на короны Арагона, Священной Римской империи и Византийской империи. Поскольку, кроме того, он любил пышность, он постоянно нуждался в милостях короны и Святого престола и зависел от них, чтобы пристраивать детей, вести себя соответственно положению и выплачивать (частично) долги. Его поведение не раз было продиктовано стремлением раздобыть денег, которое сопровождало его всю жизнь. При Филиппе Красивом он командовал армиями и возглавлял важнейшие переговоры — он был верным слугой, получал щедрые награды и не создавал затруднений. Какие чувства он испытывал по отношению к министрам брата? Известно только, что он не любил Ангеррана де Мариньи. В 1310 г. Карл обменял свою землю Гайефонтен на землю Шампрон, принадлежавшую Мариньи, и в ходе этой сделки был обманут. Наглость Мариньи задевала его при разных обстоятельствах. После смерти Филиппа Красивого он наряду с Людовиком д'Эврё — своим единокровным братом, Ги де Шатильоном, графами де Фуа, д'Арманьяком и другими стал одним из вельмож, организовавших падение и казнь фаворита. Но он ради этого не изменил политической позиции, какую занимал в предыдущее царствование. При Людовике X он вовсе не был, как утверждалось, «главой феодальной оппозиции»; он не поддерживал лиг, какие создавала знать, — напротив, он помогал племяннику защищаться от них, а один из его любимых клириков, Этьен де Морне, получил должность хранителя печатей Франции. При Филиппе V он принял обиженный вид лишь затем, чтобы подороже продать

поддержку и содействие монарху, права которого не были очевидными: «Мы надеемся, — писал ему 13 декабря 1316 г. папа Иоанн XXII, — что король раскроет объятия своей щедрости вашим нуждам; мы надеемся побудить его к этому нашими отеческими советами». Он служил и выпрашивал королевской милости как при Карле IV, так и при трех предшествующих королях. В общей сложности Карл Валуа получил и промотал значительные суммы; но его влияние никогда не вносило смуту и не было глубоким — это был человек посредственный, имевший слишком много дочерей на выданье.

Советники короны

Недовольные при Филиппе Красивом говорили, что страна управлялась бы лучше, если бы король больше прислушивался к вельможам, «достойным мужам» из своего окружения, а не доверялся советам всех этих ничтожеств, адвокатов, новоиспеченных дворян, чужих для Франции как таковой, которые ему льстят и не выпускают его из-под контроля. Недостойность королевских советников и слабость короля к этим недостойным советникам были любимым коньком всех полемистов того времени и Годфруа Парижского в частности:

Так что король черств и нежен —
Черств со своими и мягок с чужаками...
Франция обращена в рабство,
Потому что французов не слушают
Те, кто рядом с их настоящей матерью;
Сегодня они оттеснены назад...

В самом деле, несомненно, что у Филиппа Красивого были министры довольно низкого происхождения, в отношении которых не только общество,

но даже принцы и папы, осаждающие их просьбами и осыпающие милостями, были уверены, что король им всецело подчинен. Но как эти люди достигли власти? Как они себя вели? Какими были их характеры? Почти ни на один из этих вопросов у нас нет ответа. Перечень министров Филиппа Красивого и его сыновей известен, и хорошо заметно, что некоторые, а именно Пьер Флот, Гильом де Ногаре и Ангерран де Мариньи (основатели первых трех семейств знати из министерялов, позже столь многочисленной во Франции), поочередно пользовались исключительным доверием монарха. Но сколько остается людей, о которых толком не ясно, в какой мере они были исполнителями или инициаторами, «колесиками» или «двигателями»? Что мы знаем о Пьере де Шамбли и о Юге де Бувиле, единственных королевских советниках, снискавших милость Годфруа Парижского; о Жане де Вассуане, Этьене де Сюизи, о Пьере и Этьене де Морне, о Пьере де Бельперше, о Жиле Эйселене, о Пьере де Латийи, о Пьере д'Аррабле, о Пьере де Шаппе и Жане де Шершемоне, — если перечислить только тех, которые, как Флот и Ногаре, исполняли обязанности канцлера? Поскольку адвокат Пьер Дюбуа писал королю докладные записки, которые сохранились до наших дней, обычно считается, что он был важным человеком; и если бы он не позаботился сообщить об этом сам, мы бы не узнали, что он имел меньше влияния, чем мэтры Ришар Леневё и Жан де ла Форэ, имена которых сегодня говорят нам очень мало. Объем и характер функций людей короля, игравших самые активные роли, уточнить трудно. Эрудиты с большим трудом восстанавливают список поручений, какие этим людям давали, вознаграждений, какие те получали,

и имущества, какое те приобрели. Не более того: лица, так сказать, стерты, как и лица самих королей. Все советники Филиппа Красивого, не оставившие письменных текстов, — загадки для историка, как и сам Филипп Красивый⁵.

Флот, Ногаре, Мариньи

От Флота и от Мариньи, которые вместе с Гильомом де Ногаре занимали самое высокое положение, остались деловые письма и тексты речей, но, чтобы судить о них, этого слишком мало. Пьер Флот был одним из тех тонких и неистовых юристов школ Монпелье и Алеса, проникнутых имперскими традициями болонских глоссаторов, из-за которых Филипп Красивый первым из французских королей позавидовал князьям долины Роны. Нормандец Ангерран де Мариньи начал поприще в качестве оруженосца Юга де Бувиля; в 1298 г. он был хлебодаром в доме королевы Жанны; именно

---

⁵ Тем не менее почти обо всех в наши дни написали монографии: об итальянце Мушатто де'Францези, которого называли «монсеньор Муш», о Пьере де Бельперше, о Жиле Эйселене, об обоих Морне, о Жоффруа дю Плесси и об обоих главных помощниках Ногаре, южанах, как и он, — о Понсе д'Омеласе и Гильоме де Плезиане. Но даже в итоге самых углубленных изысканий удалось только воссоздать, художественно, *curriculae vitae* [краткие жизнеописания (*лат.*)]. Биографию Ангеррана де Мариньи пересказал П. Клеман: *Clement P. Trois drames historiques*. Paris: Didier, 1857, биографию Ногаре — Э. Пенан: *Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste // Histoire littéraire de la France*. 1877 (27). P. 233–371 и Р. Хольцман: *Holtzmann R. Wilhelm von Nogaret*. Freiburg im Breisgau: J. C. B. Mohr, 1898.

королева, неизвестно как и почему, помогла ему «вступить в стремя»; но фигура, несомненно, интересная, этого смелого финансиста, знавшего «все секреты королевства» и пользовавшегося безграничным авторитетом в последние годы великого царствования, отчетливо не вырисовывается, — по-прежнему остаются вопросы, как справились с ним современники после его падения, был ли он «амбициозным и нечестным» или «более несчастным, чем виновным». Что касается Гильома де Ногаре, то из его защиты в деле Бонифация можно узнать о нем все. Он происходил из Сен-Феликс-ан-Лораге близ Тулузы, был доктором и профессором права; с Пьером Флотом, своим покровителем, и с Жилем Эйселеном он, возможно, познакомился в Монпелье; в 1294 г. он вступил в должность королевского судьи в сенешальстве Бокер; через три года, в 1296 г., он приехал в Париж и принял титул «рыцаря короля Франции»; после гибели П. Флота в сражении при Куртре он несколько лет был верным рабом короля, его «секирой». Но набрасывать здесь портрет этого человека, — чьи причудливая фантазия, отвратительная риторика и лицемерные грубости значительно омрачили память о его повелителе и время, в какое он жил, — не имеет смысла. Лучше показать его за делом.

Его и других мы увидим за делом в важных эпизодах, выделяющихся на темном фоне, какой история Франции приобрела с конца XIII века.

Глава II

Филипп IV

и Бонифаций VIII

I. Филипп Красивый и предшественники Бонифация. Вступление Бонифация на Святой престол. — II. Первая распря между Филиппом и Бонифацием. — III. Истоки второй распри. Разрыв. — IV. Дело Бернара Сессе. — V. Вторая распря (по ноябрь 1302 г.). — VI. Вторая распря, с ноября 1302 г. по июнь 1303 г. — VII. Покушение в Ананьи. — VIII. Эпизод распри при Бенедикте XI и Клименте V

Важнейшим эпизодом истории конца XIII и первых лет XIV века стала трагическая «распря» между Филиппом и Бонифацием, из-за которой римская церковь попала в зависимость от французского короля.

Именно благодаря союзу с Капетингами папы XIII века смогли окончательно сформулировать теорию о верховной власти Святого престола над национальными церквями, в частности над французской, и успешно бороться со своими противниками в Италии. Со времен Иннокентия III римская курия неизменно старалась не задевать королей Франции, которые, со своей стороны, активно не оспаривали ее теоретические претензии. Но для Святого престола могла возникнуть реальная опасность, если бы папа, забыв об условиях, от которых зависит его хрупкое всемогущество, с большим шумом перенес вопрос своего верховенства, доселе подразумевавшегося как результат взаимного согласия, в сферу принципов. Он рисковал столкнуться с тем, что права, какими дозволялось пользоваться его предшественникам, в его отношении будут оспорены, и вызвать уже назревавшую повсюду¹ реакцию протеста против политической и финансовой гегемонии Рима. Это и случилось с папой Бонифацием VIII, исключительная гордыня которого навлекла при Филиппе Красивом громы и молнии на Рим.

---

¹ В Германии и в Англии, как и во Франции. *Gottlob A. O. c. P. 135 et suiv.*

I. Филипп Красивый и предшественники Бонифация. Вступление Бонифация на Святой престол

Когда Филипп Красивый стал королем, папой был римлянин Гонорий IV, верный примирительной политике предшественников и союзу с Францией. В феврале 1288 г. его сменил брат Джироламо д'Асколи, генерал ордена францисканцев, принявший имя Николая IV.

Бенедетто Гаэтани в Париже в 1290 г.

25 сентября 1288 г. Николай пожаловал королю Франции право сбора десятины на три года, велел собрать с продуктов труда налоги на двести тысяч ливров для Святого престола и усилил французскую партию в Священной коллегии, введя в ее состав доминиканца Юга Эйселена, брата Жиля Эйселена — одного из королевских клириков. В марте 1290 г. он послал в Париж двух легатов, назвав их в верительных грамотах «мирными и преданными друзьями Франции», *regni Franciae pacifici zelatores*; одним из них был Бенедетто Гаэтани, кардинал церкви Сан-Никола-ин-карчере-Туллиано — будущий Бонифаций VIII, который двадцатью пятью годами раньше, когда готовился поход Карла Анжуйского, сопровождал во Францию кардинала церкви Санта-Чечилия.

Собрание в аббатстве Сент-Женевьев

Бенедетто Гаэтани и его коллега получили полномочия на то, чтобы форсировать переговоры между Францией, Англией, Арагоном и империей в расчете на всеобщий мир; чтобы добиться возмещения несправедливостей, которые королевские чиновники в Шартре, Пуатье и Лионе причинили духовным лицам², и чтобы организовать расследование нареканий прелатов на королевскую власть. В самом деле, с 11 по 29 ноября в парижском аббатстве Сент-Женевьев состоялось собрание духовенства под председательством Бенедетто; оно сформулировало указы, на основе которых был выпущен королевский ордонанс 1290 г. о привилегиях церкви. Но прошел слух, что главная цель миссии легатов состоит в том, чтобы официально отозвать буллу Мартина IV «*Ad fructus uberes*»,

---

² Конфликты между людьми короля, с одной стороны, епископом Пуатевинским и капитулами Шартра и Лиона — с другой уже с начала царствования Филиппа Красивого привели к обращениям в римскую курию. Сохранилась записка, представленная Николаю IV от имени короля осенью 1289 г. в связи с шартрским делом; она выдержана в развязном, дерзком тоне; она предвещает Распря задолго до начала таковой: «Наш Святейший Отец, несомненно, сжалился над нашей крайней молодостью. Он описал нам в своих письмах, как в отношении некоторых лиц мы ущемляем права и вольности церкви Шартра. Нас весьма радует, что, когда речь идет о нас, он проявляет больше усердия, следя за правильностью нашего поведения из-за простого подозрения, чем следя за другими королями...» И далее: «Был в нашем королевстве хороший пророк, бедный бродяга, сказавший: „Лихоимства клириков прекратятся не прежде, чем они сведут на нет самоотверженность французов“».

вызвавшую девять лет назад яростные протесты в Парижском университете и во всем церковном мире. Булла «Ad fructus uberes» (от 13 декабря 1281 г.) довела до предела раздражение белого, то есть национального, духовенства против духовенства черного, то есть римского, предоставив монахам нищенствующих орденов право исповедовать, проповедовать и хоронить без разрешения епископов. И при Мартине IV, и после пришествия Гонория IV, и после пришествия Николая IV во Франции предпринимались энергичные кампании против «буллы», но они ничего не давали. Белые клирики, собравшиеся в 1290 г. в аббатстве Сент-Женевьев, рассчитывали, что им пойдут навстречу. Тем не менее настал день, когда собрание должно было закрыться, а легаты не сказали ничего. Тогда Вильгельм Маконский, епископ Амьенский, в свое время ездивший в Рим, чтобы от имени французской церкви протестовать против привилегии для монахов, воскликнул: «Сир Бенуа, вы получили от Святого престола право отменить привилегию!» Бенедетто Гаэтани с иронией ответил: «Епископы, братья мои, рекомендую вам сира Вильгельма, вашего уполномоченного, присутствующего здесь. Он приложил много стараний в римской курии, выступая против буллы, и ничего не добился; он хочет наверстать упущенное. Вы видите, что он изнурен заботами и расходами. Но я должен вам сказать: мы приехали затем, чтобы не отменить, а подтвердить привилегию, против которой вы шумите. Единственный здоровый член церкви — это орденские братья». Потом он добавил: «Парижские магистры позволяют себе толковать привилегию, данную папой. Они, несомненно, предполагают, что римская курия без здравого обсуждения пре-

доставила им такое право. Но да будет им известно, что у римской курии свинцовые ноги»³.

Однако у Николая IV, охотно пользовавшегося услугами кардинала Бенедетто, нрав был не столь жестким. Когда король передал ему в декабре 1291 г. просьбу о новой десятинае, на шесть лет, тот сопровождал свой отказ всевозможными оговорками, заверениями и извинениями. Филипп, несомненно, стал бы настаивать, но его смерть в апреле 1292 г. вывела папу из затруднительного положения.

«Великое отречение» Целестина V

Далее последовало жалкое зрелище папских выборов. Священная коллегия раскололась на две группировки, объединившихся соответственно вокруг семьи Орсини и вокруг семьи Колонна. Месяцами в Риме, сжигаемом солнцем и лихорадкой, суетились приверженцы обеих семей и лилась кровь. В октябре 1293 г. кардиналы удалились в Перуджу. Летом 1294 г. они там избрали Пьетро, крестьянина из Абрुцци, простого и ограниченного старика, который жил в скиту на вершине горы Маелла близ Сульмоны и считался святым. Этот романический выбор, вызвавший восторг мистиков и удивление политиков, не помог решить никаких проблем. Бедный отшельник с горы Маелла, превратившийся в Целестина V, попал под власть Карла II, анжуйского короля Обеих Сицилий, который побудил его

---

³ Подробный отчет о собрании в аббатстве Сент-Женевьев в 1290 г. был опубликован Г. Финке: *Finke H. Der Pariser Nationalkonzil vom Jahre 1290. Ein Beitrag zur Geschichte Bonifaz VIII und der Pariser Universität // Römische Quartalschrift für christliche Altertumskunde und für Kirchengeschichte. 1895 (9). S. 171–182. Ср. рецензию [Л. Делия]: Journal des savants. 1895. P. 240–244.*

назначить двенадцать новых кардиналов, в том числе семь французов и трех неаполитанцев, и, вместо того чтобы сопроводить в Рим, поселил папу в Неаполе. У Целестина мутился разум; сан, в какой его облекли просто чудом, внушал ему ужас. Говорили, что Бенедетто Газтани (деятельность которого в Риме, Перудже и Неаполе в течение двух лет после смерти Николая IV была, несомненно, столь же активной, сколь и скрытной) не пренебрегал ничем, чтобы отбить у него желание остаться папой⁴.

Избрание Бонифация

В декабре Целестин V отрекся, по собственной воле или под нажимом, и через несколько дней на его место избрали кардинала Бенедетто. Он принял имя Бонифация VIII.

Бонифаций VIII

Новый папа, уроженец Ананьи, был каноником в Тоди, консисториальным адвокатом, потом апостольским нотарием. По матери, происходившей из семейства Конти, он приходился племянником Александру IV. Он был вскормлен в курии и всю жизнь принимал участие в масштабных мирских предприятиях Святого престола. За их счет он разбогател; на свои сбережения он купил в Стране вольсков, в окрестностях вотчинных земель собственного семейства, большое имение Сельва-молле. Возраст не смягчил его резкого характера,

---

⁴ Понтификату Целестина V посвятили ряд работ, которые собрали в книгу под названием: *Celestino V ed il VI centenario della sua incoronazione*. Aquila: Giuseppe Mèle, 1894. Cp.: *Schulz H. Peter von Murrhone als Papst Cölestin V // Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1897 (17), S. 363–397, 477–507.

часто подталкивавшего его произносить дерзкие и смелые слова, не заботясь о том, что об этом скажут. Совершенно исключено, чтобы он был материалистом, кощунником, хулителем веры и обычных добродетелей, в чем его обвиняли враги. Но он не отличался ни скромностью, ни умеренностью, ни хладнокровием. Некоторые люди, знакомые с ним, говорили, что он иногда проводил целые часы в полном одиночестве и что из-за стен доносились страстные монологи. Поэт-францисканец Якопоне да Тоди, «жонглер Божий», который, как и все идеалисты из его ордена, так никогда и не утешился после «великого отречения» Целестина, сказал о Бонифации VIII, что тот наслаждается пребыванием в атмосфере скандала, как саламандра — пребыванием в огне. Это был человек действия, властный, расчетливый, равно презиравший резонёров и мистиков. Он с величайшей энергией организовал уничтожение предшественника, рискуя отпугнуть благодушных. Отшельника с горы Маелла, бежавшего в Апулию, откуда он попытался переправиться в Грецию, схватил и выдал чиновник Карла II, и бывший папа был заключен в замок в Кампании, где весной 1296 г. умер. Бонифаций устроил себе посвящение в сан с непривычной пышностью, в базилике Святого Петра, в окружении представителей римской знати, Орсини и Колонна. Ни один монарх не выразил протеста против этих событий, доселе неслыханных: отречения папы, единственное преступление которого состояло в святости, и роскошной интронизации папы, который держал предшественника в тюрьме и отменил все его акты. Филипп Красивый и семья Колонна станут оспаривать легитимность власти Бонифация только после нескольких лет повиновения, когда поссорятся с ним.

II. Первая распря между Филиппом и Бонифацием

Первая распря между Филиппом и Бонифацием продлилась почти год. Победа короля над папой была быстрой и решительной.

Чрезвычайные налоги на духовенство Франции, или десятины, право сбора которых папы жаловали Филиппу III и Филиппу IV, были в принципе предназначены для покрытия расходов на крестовый поход — на крестовый поход против Арагона, то есть расходов на войну с соседним королевством. Таким образом, короли привыкли рассчитывать на церковный налог, чтобы оплачивать войну.

Декреталия «Clericis laicos»

А ведь в 1295 г. на конгрессе в Ананьи был восстановлен мир между Францией и Арагоном; зато в 1294 г. началась война между Францией и Англией. Королевское правительство хотело получать в борьбе с Англией те же субсидии от духовенства, какие получало для борьбы с Арагоном. Провинциальные соборы, созванные по указаниям правительства, вотировали сбор десятины начиная с праздника Всех Святых 1294 г. Они его вотировали, но строптивное меньшинство заявило против него протест в Рим; большинство в некоторых провинциях (например, в Орийяке) обусловило свое одобре-

ние согласиём папы, *salvo in his domini nostri summi pontificis beneplacito voluntario* [если на то будет соизволение нашего господина верховного понтифика (*лат.*)], «разве что нужды королевства окажутся столь неотложными, что его нельзя будет дожидаться без большой опасности». В 1296 г. состоялось новое голосование за обложение духовенства податями — в собрании прелатов, и последовали новые жалобы. Сетования, которые в этой связи донес до папы орден цистерцианцев, были высокопарными: короля там сравнивали с фараоном, а услужливых епископов, соглашающихся по знаку людей короля на сбор налогов, — с «немыми псами» из Священного писания. Двадцать восемь лет назад в сходном случае Климент IV довольствовался тем, что одернул жалобщиков. Бонифаций же издал знаменитую декреталию, начав враждебные действия.

Декреталия «*Clericis laicos*» от 24 февраля 1296 г. категорически запрещала, под страхом отлучения, всем светским государям требовать или получать от духовенства чрезвычайные субсидии (*collectae, talliae*), а духовенству — платить их без разрешения апостольского престола. Эта установка была не новой — ее предписывали Латеранский собор (времен Филиппа Августа) и канонист Вильгельм Дуранд в своем «*Speculum juris*» [Судебном зеркале]; само утверждение о традиционной враждебности между клириками и мирянами, содержащееся в начале документа от 24 февраля 1296 г.: «*Clericis laicos infestos oppido tradit antiquitas*» [С древности известно, что миряне питают вражду к клирикам (*лат.*)] — заимствовано из Декрета Грациана. Но Бонифаций с непривычной жесткостью выдвинул притязания, которые до той поры встречали лишь негласное одобрение.

Ни Филипп, ни Эдуард Английский, в которых декреталия «Clericis laicos» метила в равной мере, подчиняться ей не согласились.

Возмездие

Во Франции для обсуждения буллы было созвано собрание духовенства, пославшее в Рим епископов Невера и Безье⁵. С другой стороны, ордонанс от 17 августа запретил вывоз золота и серебра из королевства, отчего пострадали доходы, которые итальянские банкиры получали во Франции по доверенности папы и кардиналов.

Такого ответного удара папа, видимо, не ожидал, коль скоро, еще прежде чем принять делегатов французского духовенства и получить сообщение об ордонансе от 17 августа, он написал королю несколько очень дружеских писем, словно больше и не думал о февральской декреталии, — склад его ума был таков, что он, похоже, никогда не сомневался во впечатлении, какое решительный тон его манифестов произведет за Альпами. Узнав обо всем, он 20 сентября составил очень резкое обращение.

---

⁵ Со своей стороны архиепископ Реймский и его викарные епископы, встревоженные дерзостью понтифика и опасаящиеся ее последствий, написали Бонифацию, чтобы обратить его внимание на вероятные репрессии: «Король и бароны, — сообщали они, — упрекают нас в том, что мы не способствуем обороне королевства, хотя прелаты должны это делать, некоторые — как держатели фьефов и почти все — поскольку принесли присягу на верность; король грозит лишить нас поддержки, а ведь мы в ней нуждаемся, чтобы жить в безопасности; это гибель для церкви...»

Послание «Ineffabilis amor»

Это была булла, начинавшаяся словами «Ineffabilis amor» [Невыразимая любовь (лат.)]. Ордонанс от 17 августа характеризовался там как абсурдный, тиранический, безумный: «Захотели уязвить папу и кардиналов, его братьев? Как! Поднять дерзкую руку на тех, кто не подчиняется никакой мирской власти!» Папа напоминал королю, что тот испугался собственных подданных, между тем как он, Бонифаций, проводил ночи без сна в заботе о Франции: «Воззри на римского короля, на королев Англии, Испании, которые тебе враги; ты нападал на них, ты оскорблял их. Несчастный! не забывай, что без опоры на церковь ты не смог бы им противостоять. Что бы с тобой было, если бы, тяжело оскорбив Святой престол, ты сделал его союзником своих врагов и своим главным противником?» Переходя далее к толкованию буллы «Clericis laicos», смысл которой, по его словам, дерзостно исказили королевские советники, он высказывается следующим образом: «Мы не заявляли, сын мой, что клирики твоего королевства не смогут в будущем предоставлять тебе денежные субсидии для защиты твоего королевства, *pro defensione regni tui*, а только указали, из-за бесчинств, совершаемых твоими чиновниками, что подобные изъятия не смогут производиться без нашего дозволения. Знаю, что в твоём окружении есть недоброжелатели, нашептывающие: „Прелаты больше не смогут служить королю своими фьефами; они не смогут больше дать ему даже кубок, даже коня“. Это ложь! Мы несколько раз публично объясняли это твоим приближенным». В заключение Бонифаций просил короля выслушать епископа Вивье, своего легата, который устно в подробностях объяснит папскую мысль.

Ответы французских публицистов

Мы никогда не узнаем, ни что объяснил епископ Вивье, ни о чем говорилось в беседах, которые Бонифаций вел в Риме с приближенными короля. Но возмущение, какое вызвало во Франции послание «Ineffabilis», выразилось в нескольких анонимных памфлетах 1296 года, представлявших собой первые образцы антипапистской литературы времен Филиппа Красивого. Возможно, самый интересный из них — это «Диалог между клириком и рыцарем», где отчетливо изложен принцип обложения церковных имуществ королевским налогом «ради обороны королевства», в защиту которого приводятся очень сильные аргументы: «Церковная льгота, пожалованная решениями государей, может быть отозвана государями в общественных интересах, или ее действие может быть приостановлено. И пусть не говорят, что право отзыва принадлежит только императору, а не королям: король Франции имеет право менять императорское законодательство; он выше законов». Самый знаменитый из этих текстов, списанный в реестр Сокровищницы хартий, начинается так, без обращения: «Antequam essent clerici, rex Franciae habebat custodiam regni sui». Не надо думать, как когда-то считали, что этот ответ на послание «Ineffabilis» был послан папе, скрепленный печатью французского короля, — это проект ответа, который, несомненно, отправлен никогда не был; но этот документ, выдержанный в серьезном и холодном тоне, без оскорблений, тем не менее примечателен: «Еще до того, как появились клирики, — прежде всего утверждает анонимный текст (напоминающий циркуляры

Фридриха II⁶), — королям Франции уже причитались охрана их королевства и право издавать законы ради его безопасности. Отсюда — ордонанс за август... Святая Матерь Церковь, супруга Христова, состоит не только из клириков — в ее состав входят и миряне: Христос воскрес не только для клириков... Надо, чтобы клирики, как и все, способствовали защите королевства; они заинтересованы в этом так же, как и миряне, ибо чужеземец, выйдя победителем, щадить их станет не более... Не удивительно ли, что викарий Иисуса Христа запрещает платить дань кесарю и поражает анафемой духовенство, которое как полезный член общества по мере сил помогает королю, королевству и себе самому? Давать деньги жонглерам и им подобным, расточать деньги на облачения, поездки верхом, на пиры и прочие светские роскошества, не обращая внимания на бедняков, — это клирикам позволено. Но если позволено неправомерное, то теперь им запрещено правомерное. Как, клирики разжирили (*incrassati, impinguati et dilatati*) на щедротах государей и не помогут им в их нуждах! Но это значило бы помочь врагу, навлечь на себя обвинение в оскорблении величества, предать защитника общего дела!» Потом король, от имени которого идет речь, рассматривает соображения Бонифация насчет своей внешней политики: он говорит, что почитает Бога, католическую церковь, ее служителей,

---

⁶ Было бы очень интересно сравнить антипапистскую литературу времен Филиппа Красивого и Фридриха II: встречаются поразительные аналогии и, возможно, подражания. Об этом см. *Wenck K. Sägmüller, J. B., Die Thätigkeit und Stellung der Kardinäle bis Papst Bonifas VIII. Freiburg i. Br., Herder, 1896 // Göttingische gelehrte Anzeigen. 1900 (162/1). S. 168.*

по примеру предков, но презирает угрозы, потому что силен своей правотой. Кстати, церковь ему обязана, ему и его дому, более, чем кому-либо еще; проявив неблагодарность, она поступила бы дурно... Такова позиция, какую по желанию легиста французского двора следовало бы занять королю, если король ее и вправду не занял⁷.

Бонифаций не настаивает на своем

Несмотря на этот взрыв ярости, о котором Бонифаций, несомненно, знал, последний на сей раз не стал настаивать на своем, что на первый взгляд удивительно, но тем не менее факт. В булле «*Romana Mater*» от 7 февраля 1297 г. говорилось: «Если духовное лицо в твоём королевстве добровольно предоставит тебе содействие, мы разрешаем тебе

---

⁷ Якобы именно в тот период тайный агент Филиппа Красивого Петр из Паруа, приор аббатства Ла-Шез, с 1295 г. столкнувшийся с врагами Бонифация в Священной коллегии — Югом Эйселеном и членами семьи Колонна, впервые услышал о «заблуждениях, ужасных делах и ересях» папы. Король Франции, получив эти сведения, якобы попросил передать Бонифацию ходившие о нем слухи. Петр из Паруа позже рассказывал, что в самом деле попытался совершить этот неправдоподобный поступок. «Кто это тебе сказал?» — якобы спросил Бонифаций. «Я назвал ему имена Филиппа, сына графа д'Артуа, и монсеньора Жака де Сен-Поля, потому что он не мог ничего им сделать. Он воскликнул: „Эти рыцари — дураки и лезут в то, что их не касается. Вот какова гордыня французов. Поди прочь, бродяга, дурной монах. Да поразит меня Бог, если я не поражу гордыню французов. Я уничтожу род Колонна. Я низложу французского короля. Все остальные христианские короли будут со мной против него“».

его принять в случае настоятельной необходимости, не обращаясь к Святому престолу». Бонифаций еще раз повторил в этом документе в связи с запретом от 17 августа, который он принимал очень близко к сердцу, упреки из послания «Ineffabilis», но сдержанно, с примирительными интонациями. Он смирился, и в течение 1297 г. его канцелярия выпускала буллу за буллой, полностью удовлетворявшие короля Франции.

Он уступает

1 февраля французские прелаты, снова собравшиеся в Париже, написали в римскую курию, что недавняя измена графа Фландрского, вступившего в союз с королем Англии, создала исключительную ситуацию: «Король и его бароны попросили прелатов и всех жителей королевства внести вклад в общую оборону. По мнению многих, недавняя булла («Clericis laicos») в предположении настоятельной необходимости неприменима. Король, наш государь, исполнен такого уважения к римской церкви, что вопреки всему, в чем его убеждали, не позволил предпринять ничего вразрез с означенной буллой, хоть и знал, что в Англии и в других местах с нею совсем не посчитались. Просим вас пожаловать нам в неотложном порядке дозволение предоставить королю пособие, о каком он просит, ибо у нас есть основания опасаться, что бедственное положение королевства и злонамеренность некоторых лиц подтолкнут мирян к грабежу церковных имуществ, если мы посредством таковых не посодеем общей обороне». 28 февраля папа, еще раз заявив о своей особой заботе о Франции, дал запрошенное разрешение. 7 марта он приказал ордену цистерцианцев уступить.

Булла «Etsi de statu»

В июле папа полностью отступился от прежних требований в посланиях, обращенных к духовенству, знати и народу Франции. Эти послания возлагали на короля или его совет необходимость решать, следует ли советоваться с папой по вопросам сбора десятины. Булла «Etsi de statu» от 31 июля содержала официальный отказ от требований, выдвинутых в декретах «Clericis laicos» в защиту церковных имуществ от произвола королей. Это был полный триумф роялистских теорий. Он сопровождался дождем духовных и светских милостей, обильно пролившихся из Рима на Филиппа и его советников, которых недавно столь резко клеймили. Филипп получил половину имуществ, завещанных за последние десять лет для помощи Святой земле, доходы с вакантных бенефициев за первый год и т. д. Бонифаций, уведомивший короля о состоянии своего здоровья и с умилением вспомнивший времена своего пребывания в Париже, в августе торжественно возвестил о канонизации Людовика Святого; он официально разрешил сажать в тюрьму клириков, которые «выдают секреты королевства Франция, пытаются нанести ему ущерб и разжигают смуты»; он делегировал архиепископу Нарбоннскому и епископам Дольскому и Оксерскому право назначать именем короля каноников во все кафедральные и коллегиальные церкви Франции. «Нашему дорогому сыну, знатному мужу Пьеру Флоту, приближенному нашего дражайшего сына Филиппа», он пожаловал «за его заслуги» прибыльное право именем апостольской власти назначать письмоводителей к нотариам.

Бесцеремонность французов и милость к ним в римской курии

Папа, потерпевший поражение во Франции и Англии (где булла «Clericis laicos» имела не больше успеха, чем на континенте), испытал и другие унижения. По примеру предшественников, которых назначали арбитрами в ссорах между христианами, он занялся восстановлением мира между Францией и Англией. Но Филипп согласился на его вмешательство лишь с оговорками. 20 апреля 1297 г. в Крей ко французскому двору прибыли кардиналы Альбано и Пренесте — Бонифаций решил вынудить обоих воинственных королей подписать под его эгидой перемирие до Иванова дня 1298 г. Филипп, прежде чем разрешить легатам зачитать папские послания, велел недвусмысленно провозгласить, что «управление королевством причитается королю и только ему; что в этом он не знает никого вышестоящего; что в отношении мирских дел он не подчинен ни одному живому человеку». В июне 1298 г. представители французского короля согласились на арбитраж Бонифация только при условии, что означенный Бонифаций в данном случае будет выступать не как верховный понтифик, а как частное лицо, как «Бенедетто Гаэтани». В довершение всего, хоть французы совсем с ним не церемонились, Бонифаций позволял им несколько лет, начиная с лета 1297 г., задавать тон в курии. Его намерение угождать им в тот период было очевидным. Приговоры, вынесенные им в 1298 г. в качестве арбитра, были в их пользу: «Государь, — писал из Италии в феврале 1299 г. посланник графа Фландрского, — король (Франции) настолько развратил курию, что здесь едва ли

можно найти кого-то, кто посмеет открыто сказать о нем что-либо, кроме похвалы...»

Эта крайняя благосклонность столь гордого папы, это сердечное согласие, продолжавшиеся несколько лет после сокрушительного поражения, объясняются финансовыми и политическими трудностями Святого престола.

Бонифаций был занят в Италии

Бонифаций в то время глубоко забрался в осиное гнездо итальянских раздоров. Ему приходилось вести две войны, два «крестовых похода», — против Арагонцев Сицилии и против семьи Колонна.

Род Колонна

Семью Колонна, могущественную в бывшей Стране герников, союзную роду Конти в Римской Кампанье, Аннибальди в Мариттине, сеньорам окрестностей Ананьи, Алатри и Ферентино, при восшествии Бонифация VIII на Святой престол представляли в Священной коллегии Джакомо и Пьетро Колонна — дядя и племянник. Эти кардиналы, фавориты Николая IV и Целестина V, в 1294 г., как и члены семьи Орсини, голосовали за Бенедетто — Гаэтани были их клиентами. Но Бонифаций дал понять, что все милости, оказанные Целестином, будут пересмотрены, а его расположение стало распространяться только на выходцев из Тоди и Ананьи и на собственное семейство, благосклонность к которому он оказывал в ущерб роду Колонна. Началась *вендетта*. 29 апреля 1297 г. в Риме Пьетро Гаэтани, новый граф Казерты, купил за 17 тыс. флоринов часть имений семьи Аннибальди в Мариттине, которыми желали завладеть Колонна. 2 мая Стефано Колонна, брат кардинала

Пьетро, устроил засаду на Аппиевой дороге, захватил папскую казну, которую, чтобы оплатить эту покупку, везли из Ананьи в Рим, и увез ее в замок Палестрину. Через несколько дней Бонифаций, обратившись к римскому народу, собравшемуся на паперти собора Святого Петра, заклеил отродье Колонна: «Их дерзость, — сказал он, — разжирела за счет церкви. На что они посягнули! Они совершили ужасное, ужаснейшее преступление, если принять во внимание место и жертву. Место, потому что Стефано Колонна украл нашу казну у врат Рима. Жертву, потому что оскорбление было нанесено римскому народу, как и нам. Совершилось насилие над папой. Чего вы ждете? Бог нам свидетель, мы не сожалеем об украденных деньгах, но если наше терпение или, лучше сказать, небрежение дойдет до того, чтобы оставить такой скандал безнаказанным, то кто остановится перед тем, чтобы сказать нам: „Вы претендуете на то, чтобы судить королей, и не смеете напасть на червей!“» Он напомнил о преступлениях обоих кардиналов: «Пьетро был главой гибеллинов и гонителей церкви; это он, как мы знаем из признаний прелатов, королей и князей и из его писем, подтолкнул Арагонцев к тому, чтобы поднять мятеж против церкви. Именно кардинал Джакомо так надолго затянул в Перудже вакансию Святого Престола, что привело к бесчисленным беспорядкам и человекоубийствам. Оба занимали и похищали у римской церкви земли, принадлежавшие ей. Их погубила гордыня, как дурных ангелов, и вследствие падения они узнают, что только один римский понтифик, имя которого известно всей земле, возвышается над всеми». Со своей стороны, кардиналы Колонна составили манифест, указав, что он вышел в замке

Лонгецца: «Бенедетто Газтани, — написали они, — называющий себя римским понтификом, однажды воскликнул: „В конце концов, я хочу знать, папа ли я, да или нет“. Мы способны ему на это ответить. „Нет, вы не являетесь законным папой, и мы просим Священную коллегия дать совет и средство против этой незаконности“». Целестин V не имел права отречься. «Надо добиваться созыва собора, чтобы он принес спасение церкви, которой угрожают действия тирана». Этот разоблачительный и вызывающий акт, скрепленный подписями францисканцев — единомышленников Якопоне да Тоди, а также сыновей бывшего юстициария Фридриха II — Томмазо и Рикардо ди Монтенеро, был вывешен на дверях римских церквей и возложен на алтарь собора Святого Петра. На Вознесение (23 мая) был обнародован приговор Бонифация, одобренный Священной коллегией: оба кардинала низлагались как схизматики и кощунники; их владения, так же как владения Агапито, Стефано и Джакомо по прозвищу «Шарра» — сыновей Джованни Колонна, — подлежали конфискации; все они отлучались от церкви и изгонялись из числа христиан.

Крестовый поход против рода Колонна

Для Бонифация, который в преамбуле к булле «Ineffabilis amor» столь надменно выдвинул принцип верховенства церкви над всеми народами, навязать силой волю церкви одному лишь семейству Колонна оказалось трудной задачей. Его главным ресурсом были вассалы и наемники семьи Орсини, врагов Колонна. Но Колонна, почти неуязвимые в своих наследных владениях, со своей стороны

рассчитывали на более грозных союзников. В июне они направили записку с оправданием своих действий в Парижский университет, магистры которого, еще остававшиеся под впечатлением резкого обращения к ним Бенедетто Гаэтани в качестве легата в 1290 г., только что составили заключение по делу Целестина. Томмазо ди Монтенеро, архидиакону Руана, было поручено напомнить французскому королю, что Колонна действовали в соответствии с мнением парижских магистров: оба кардинала заслужили ненависть Бонифация, защищая от него честь короля. Этот эмиссар как бы случайно встретился в Тоскане с французским посольством, едущим в Рим. Пьер Флот, возглавлявший посольство, дал агенту Колонна понять, что король тоже вот-вот объявит себя противником Бонифация. Эта новость немедленно распространилась; о ней сообщили Бонифацию; на это Пьер Флот и рассчитывал. Нет сомнений, что папа принял посланцев и просьбы короля Франции с тем большей предупредительностью, чем больше опасался союза между Филиппом и семьей Колонна. Таким образом Пьер Флот, предприняв в некотором роде шантаж, добился канонизации Людовика Святого, буллы «Etsi de statu» и всех прочих писем, датированных июлем и августом, которые привез из Орвьето во Францию. Что касается Колонна, то французы от них отступились: «Пьер Флот, — горько говорил кардинал Пьетро, — дал им знать, что до его отъезда их дело будет достойным образом улажено. И вот как его уладили. В миноритской церкви Орвьето были произнесены слова о примирении между королем и Бонифацием; потом объявили, что кардиналы Колонна, остальные Колонна и их приверженцы — еретики и предатели...»

К концу года Бонифаций пожаловал тем, кто примет крест для борьбы с Колонна, такое же отпущение грехов, как и тем, кто отправится в Святую землю.

Сицилийские Арагонцы

Осенью 1298 г. семья Колонна покорилась. Но страх перед союзом французского короля с Колонна и сторонниками Целестина был не единственной причиной, объяснявшей поведение Бонифация. Не прекращалась война с Арагонцами и гибеллинами Сицилии, ведшаяся за счет Святого престола. 1 октября 1298 г. папа призвал епископа Вьеннского попросить от его имени субсидий у французского духовенства: «От этого зависит восстановление власти церкви на Сицилии, — писал он, — обуславливающее возможность крестового похода за море». Короче говоря, в последние годы XIII в. французский двор воздействовал на Бонифация либо грозя вступить в союз с его внутренними врагами, либо оказывая денежную помощь; и папе было не до того, чтобы за пределами Апеннин принимать вид раздраженного властителя, такое поведение дорого обойдется ему однажды.

III. Истоки второй распри. Разрыв

Филипп Красивый и враги Бонифация

Филипп поддерживал отношения с людьми, которых Бонифаций ненавидел. Побежденные Колонна были интернированы в Тиволи. После того как Бонифаций велел распахать развалины их города Палестрины, «как некогда римляне поступили с Карфагеном», они бежали и нашли убежище в области Нарбонна. В Германии Адольфа Нассауского, короля, признанного Святым престолом, сверг Альбрехт Австрийский. И Бонифаций с горечью узнал, что Филипп 8 декабря 1299 г. встретился в Катрво, близ Туля, с узурпатором Альбрехтом. Посланник графа Фландрского в Риме слышал, как папа при вести об этой встрече воскликнул в присутствии кардиналов: «Они хотят расшатать все!» — и как, когда его к этому поощрили, воспользовался случаем, чтобы посетовать на обращение Филиппа с фламандцами: «Да, — сказал папа, — я хорошо вижу, что король следует дурным советам, и это меня удручает».

Первое посольство Гильома де Ногаре

Именно в тот период Гильом де Ногаре впервые поехал в Италию с французским посольством. Ногаре сам рассказал об этом позже в одной из

«записок»: «Я был послан, — пишет он, — в 1300 году по делам короля к Бонифацию, чтобы сообщить ему, в частности, о дружеских отношениях, установленных между означенным королем и королем Германии во благо мира, римской церкви и ради заморского похода». Было бы наивностью принимать на веру отчеты Ногаре, крайне заинтересованного в том, чтобы факты воспринимались так, как изображает их он. Тем не менее они показательны. По словам этого человека короля, Бонифаций с величайшей горячностью возмущался узурпацией Альбрехта Австрийского. «Он не забывал короля Франции, — добавляет наш легист, — и, чтобы запугать его, осыпал его оскорблениями... Тогда я, Гильом де Ногаре, видя его злобу и печалься о церквях Французского королевства, которые этот Бонифаций пожирал, предупредил его, в частности, о необходимости исправиться; я дал ему знать, что о нем говорят, и почтительно умолял его побереечь свое доброе имя, означенные церкви и означенное королевство. Но он позвал свидетелей и в их присутствии потребовал от меня повторить то, что я сказал. Потом он спросил меня: „Ты говоришь это от имени своего господина или от своего имени?“ Я ответил: „От своего имени, по причине своего усердия в вере и заботы о церквях, которым покровительствует мой господин“. После этого он вышел из себя; он грозил, оскорблял, кощунствовал; я же переносил это терпеливо, ради Христа, усердие которого меня вдохновляло; я даже продолжил в течение нескольких дней вести с ним переговоры о делах, которые были нам поручены, моим спутникам и мне... Тогда я вспомнил то, что часто слышал о нем; мне пронзило сердце посрамление, какое этот человек

учинял Христу; я плакал о римской церкви, Его неверной супруге; я плакал о церкви Галлии, которую он хвалился уничтожить, и, конечно, он прилагал ради этого старания каждый день. Вернувшись к своему господину — королю, я изложил ему все и просил его защитить, наряду с церквями своего королевства, и римскую церковь, его мать. Но он как благочестивый сын отвратил взгляд от этого позора...»

Юбилей 1300 года

В то время как советники, к которым Филипп прислушивался охотнее всего, питали столь злобную враждебность к Святому престолу, Бонифаций, не сознавая опасности, начинал новый век великолепным Юбилеем, привлечшим в Италию массу паломников. Неутомимый старик пребывал тогда в особом возбуждении, которое поддерживалось его окружением. Льстя ему, посланники Фландрии твердили в своих прошениях, что считают его «всеобщим судьей в делах как духовных, так и светских», что он — «наследник небесных и земных прав Христа», что он вправе судить и низлагать императора, а тем более короля Франции. Эгидий Римский и Иаков из Витербо сочиняли трактаты, обосновывая право верховного понтифика вмешиваться в политические дела. Кардинал Матфей из Акваспарты, покровитель фламандцев в римской курии, во время проповеди в Сан-Джованни-ин-Латерано 6 января 1300 г. энергично поддержал этот тезис. Стало ли это следствием подобных подстрекательств или нет — но никогда Бенедетто Гаэтани не был так подвержен химерическим мечтаниям, агрессивен, высокопарен, склонен к мании величия, как в тот период.

Душевное состояние Бонифация

Говорят, что во время Юбилея он появлялся с императорскими инсигниями, что он кричал: «Я кесарь!», что он велел нести перед собой два меча, символ двух властей, в то время как герольд рядом с ним провозглашал: «Ессе duo gladii!» [Вот два меча! (*лат.*)] Этот символический анекдот, популярный среди гибеллинских любителей «цветочков» во францисканском духе, был пересказан хронистом Франческо Пипино; современные историки приняли его всерьез и, приукрашивая, воспроизводят по тексту Пипино; это совершенно мифический рассказ. Но известно, что во время и после юбилейных празднеств Бонифаций неоднократно предпринял резкие обращения к нескольким монархам: он напомнил курфюрстам Священной Римской империи, что это Святой престол в свое время передал империю от греков Карлу Великому; он пригрозил королю Неаполя анафемами и «более суровыми карами», если тот перестанет сражаться на Сицилии с врагами церкви; он запретил венграм выбирать себе короля. Флорентийцам, обидевшим тех, кому покровительствовал Святой престол, он написал: «Римский понтифик, викарий Всевышнего, повелевает королями и королевствами; он осуществляет принципат над всеми людьми. Перед этим верховным иерархом воинствующей церкви все верующие, каким бы ни было их положение, обязаны склонять выю (*colla submittere*). Те, кто думает иначе, — это безумцы, еретики». Холерик по темпераменту, Бонифаций с 1300 г. как будто постоянно находился в сильном раздражении и поэтому, сталкиваясь с малейшим сопротивлением, срывался в театральную декламацию и допу-

скал оскорбительные насмешки: «Что это за Лапо [Сальтарелли], — воскликнул он в разговоре с епископом и инквизитором Флоренции, — этот Лапо, *qui vere dicendus est lapis offensionis et petra scandali* [который, правду сказать, — камень преткновения (*лат.*)] и который раздражается на нас лаем, как пес, чтобы отнять у нас полноту власти, данную нам Богом?» Архиепископ Вейхард фон Польшайм рассказывает в «Продолжении Зальцбургских анналов», что, когда послы короля Германии однажды были допущены поцеловать папе туфлю, он так пнул одного из них, помощника приора страсбургских доминиканцев, ногой в лицо, что потекла кровь. В таком состоянии папа рано или поздно неизбежно должен был снова войти в столкновение с королем Франции.

Мотивы конфликта

Поводов для конфликта хватало, как мы видели. И в Рим стекались жалобы на Филиппа: жалобы фламандцев, жалобы клириков, которых король чрезмерно угнетал, после того как одержал верх в деле в связи с буллой «*Clericis laicos*». Папское послание от 18 июля 1300 г. («*Recordare, rex inclyte*»), направленное Филиппу в защиту прав епископа Магелоннского в Мельгее, уже было кисло-сладким: «Нарекания накапливаются, кротость бесполезна, ошибки не исправлены... Берегись, как бы советы тех, кто тебя обманывает, не погубили тебя... Что из всего этого выйдет? Бог знает». Но в то же время Бонифаций счел уместным использовать против врагов Святого престола в Тоскане меч Карла Валуа, брата короля. В самом деле, 1 ноября 1301 г. французы Карла Валуа, находившиеся

на службе у Бонифация, вступили во Флоренцию. Из этого следует, что, вопреки всему, отношения между Францией и папой до конца 1301 г. оставались достаточно хорошими. Лишь в этом году карты были смешаны.

Поводом для разрыва, говорят, был знаменитый процесс, возбужденный против Бернара Сессе, епископа Памьерского.

IV. Дело Бернара Сессе

Бернар Сессе

Бернар Сессе, бывший аббат монастыря Сент-Антонен в Памье, которому Святой престол после Сицилийской вечерни поручил дипломатическую миссию в Арагоне, поддерживал личные связи с Бенедетто Газтани. Бонифаций VIII создал для него в июле 1295 г. новое епископство Памьерское. Часто утверждают, без доказательств, что этот человек получил в 1300–1301 г. от римской курии приказ потребовать от Филиппа Красивого освобождения графа Фландрского (тогда находившегося в плену во Франции) и в связи с этим публично поддерживал учение о папском верховенстве, что вызвало гнев Филиппа и привело к началу враждебных действий против Бернара и Бонифация. Но, похоже, в 1301 г. тяжелая длань короля опустилась на епископа Памьерского совсем по другим причинам.

Жалобы на Сессе

Сессе, уроженец Лангедока, не любил французов и почти не скрывал этого; он имел очень плохие отношения с соседями — епископом Тулузским (ведь епископство Памьерское было выделено из епископства Тулузского) и графом Фуа (против

которого недавно выдержал долгий процесс). Он стал жертвой ненависти местных жителей: на него донесли в Париж, обвинив в речах, оскорбляющих честь короля, и в попытках вовлечь графов Фуа и Комменжа в заговор с целью вывести Тулузскую область из-под власти французов. Два советника короля, Ришар Леневё, архидиакон Ожа в церкви Лизьё, и Жан де Пикиньи, видам Амьена, которые находились тогда в Лангедоке с общей миссией, летом 1301 г. тайно собрали сведения о поведении епископа. Из вопросов, какие эти комиссары задавали свидетелям, вполне ясно следует, что в то время метили в лангедокского патриота, а не в друга Бонифация.

Расследование жалоб

Бернара Сессе обвиняли в том, что он предрекал скорую гибель династии и королевства, что во время Гасконской войны с англичанами обещал графу Фуа сеньорию на Юге, меж обоих морей, если тот пожелает найти общий язык с Арагоном и с недовольными Лангедока, что он сказал, мол, Памье не Франция, что говорил о короле: «Он чеканит фальшивую монету» и «Это бастард». Показания свидетелей — епископов Тулузы, Безье и Магелонна, графов Фуа и Комменжа, слуг графа Фуа и самого обвиняемого (в том числе полученные под пыткой) — содержат интересные подробности. «Да, — заявил граф Фуа, — епископ сказал мне, что король — фальшивомонетчик, и добавил: „Папа сказал это Пьеру Флоту“». Приор доминиканцев в Памье, друг Бернара, признал, что слышал от него слова: «Людовик Святой считал, что в царствование нынешнего короля Франция достанется иноземцам», а когда приор посоветовал ему из

осторожности помолчать, тот ответил: «Я сказал бы это и самим людям короля». «Я не старался запоминать речи епископа, — добавил приор, — но он говорил о короле и его людях слова, весьма достойные сожаления; он говорил, что король ездит на охоту, а лучше бы заседал в своем совете, что у него нет хороших советников и что его люди не блюдут справедливость». Расследование как будто выявило, что Бернар Сессе также охотно говорил, выпив (*post potum*): «Жители этого края не любят ни короля, ни французов, которые делали им только зло. С французами все начинается хорошо и кончается плохо. Доверяться им нельзя. Король хочет *per fas et nefas* [правдами и неправдами (*лат.*)] расширить свои владения. Двор разложился; это шлюха. Пьер Флот ничего не делает, если не дать ему взятку. В королевстве слепых и кривой — король⁸. Эту монету (речь шла о королевской) в римской курии не взяли бы» и т. д. Короче говоря, следствие как нельзя лучше подтвердило положения доноса; тем не менее оказалось, что в вину епископу можно поставить скорей грубые слова и намеки, чем реальные предательские действия. Однако в глазах комиссаров этого было достаточно, чтобы оправдать самые суровые меры.

Видам Амьена ночью на 12 июля оцепил дворец епископа Памьерского; он велел разбудить епископа, предписал ему явиться к королю в течение месяца, все обыскал и увез в Тулузу близких Бернара, чтобы подвергнуть пытке. Из сундуков обвиняемого изъяли «секретные письма, написанные папой и кардиналами». Светские бенефиции

---

⁸ Как и Анри де Везле, хранитель печати Филиппа III, Пьер Флот был одноглазым.

епископа были переданы под управление короля. «Все это, — писал Бернар в изложении своих жалоб, — было сделано видамом по наущению моего врага, епископа Тулузского [Пьера де ла Шпель-Тайефера], который хочет помешать мне поехать в Рим, чтобы там мне было нечего предъявить против него».

Бернар Сессе в Санлисе

Епископа Памьерского увезли во Францию, свободного, но под охраной сенешаля Тулузы, магистра арбалетчиков, и двух королевских сержантов, утверждавших, что получили приказ на этапах спать в его комнате. В октябре 1301 г. он предстал в Санлисе перед королем в присутствии многочисленных прелатов, графов, баронов, рыцарей и прочих лиц. Слово взял Пьер Флот. Его обвинительная речь была строгой, грозной; там были умело подытожены показания, собранные следователями. В заключение он сказал: «Эти гнусные преступления будет судить тот, кто имеет на это право, но нужно, чтобы епископа временно поместили в заключение, дабы он не укрылся в земли, не подчиняющиеся римской церкви или королю». Арестовать обвиняемого предложили архиепископу Нарбоннскому, митрополиту Лангедока.

Архиепископ Нарбоннский (Жиль Эйселен, советник короля) подчинился, но неохотно. В длинном отчете, написанном, несомненно, для римской курии, он пытается объяснить свое поведение. «Епископ, — пишет он вкратце, — все отрицал. Я ответил, что дело важное и что, посоветовавшись с прелатами королевства, выяснив мнение верховного понтифика, я готов сделать то, что обязан перед Богом и правосудием в соответствии со свя-

щенными канонами. Окружение короля тотчас разразилось ропотом и угрозами; важные особы говорили епископу: „Не знаю, чем объясняется, что мы тебя не растерзали сейчас же“. Благодаря нашим мольбам король смирил эти приступы ярости, но обвиняемый был в опасности; он нуждался в защите; поэтому он сам заявил, что предпочел бы оказаться под охраной своего архиепископа, чем под охраной людей короля...» Легат, епископ Сполетский, и архиепископ Нарбоннский через несколько дней попытались также добиться, чтобы Бернару Сессе разрешили «направиться с королевской охранной грамотой к верховному понтифику, его судье в подобном случае». Но при дворе начали всерьез возмущаться этой нерешительностью. Митрополиту дали понять: создается впечатление, что дело предателя он предпочитает делу своего короля. Он уступил. Граф д'Артуа воскликнул: «Если прелаты не хотят брать на себя охрану епископа, мы вполне найдем людей, которые будут его охранять как следует».

Записка Бонифацию, направленная против Бернара Сессе

Именно тогда один советник короля составил записку, предназначенную для лиц, которых собирались послать в Рим, чтобы от имени Филиппа просить о каноническом наказании санлиссского пленника. В этом пасквиле заявлялось, что король, учитывая сан епископа Памьерского, долго отказывался верить в его преступления против отечества, в такую черную неблагодарность; он долго выжидал; но в конечном счете, чтобы слуги не обвинили его самого в небрежении, он велел провести в Лангедоке секретное расследование. И вот краткое

изложение собранных свидетельств. Мало того, что Бернар Сессе — наглец и предатель, в чем обвиняла его молва, но серьезные и достойные веры лица заявили, что он — явный приверженец симонии; он вел еретические речи, направленные против католической веры, в частности против таинства покаяния; он сказал, что блуд — для священников не грех. Хулитель Бога и людей, этот негодяй, молодость которого была столь бурной и которого возраст не исправил, неоднократно говорил, что наш святой отец, государь Бонифаций, верховный понтифик, — это «дьявол во плоти» и что означенный государь вопреки всякой справедливости канонизировал Людовика Святого, французского короля, который, по словам означенного епископа, находится в аду. «Такие оскорбления по адресу церкви, святого отца, король воспринял гораздо более болезненно, чем другие, направленные против его величества, потому что он, как и его предки, — особый защитник веры и римской церкви». Однако король, хоть и получил данные следствия, пожелал, чтобы свидетели предстали перед ним лично. Тогда ему открылись еще более ужасающие вещи. На собрании, созванном в Санлисе, король, посоветовавшись и видя, что замять это дело невозможно, решил предпринять строгое наказание. В присутствии епископа Памьерского он попросил митрополита Лангедокского лишить сана виновного, чтобы тот был наказан светской рукой по заслугам, и произвести его арест. Но епископ вдруг попросил, чтобы его отправили в архиепископскую тюрьму. Его туда и поместили. Он там. «Вот что, — продолжает автор „Записки“, — посланник короля изложит папе в консистории. Он добавит, что король, по мнению его баронов, имел право отсечь

этого предателя от своего королевства, как прогнившую конечность, ибо при таких преступлениях ни привилегия, ни сан значения не имеют. Но, следуя примерам предшественников, хранивших вольности национальной церкви и почитавших римскую церковь, король довольствовался тем, что уведомляет обо всем этом верховного понтифика, своего отца, дабы по велению последнего этот негодяй, чудовищные деяния которого пятнают землю, где он живет, был лишен привилегии духовенства. Король не ждет ничего иного, чтобы принести Богу приятную жертву — предателя, исправление которого уже невозможно».

Впрочем, у французского двора не было иллюзий насчет вероятного эффекта этих речей. Далее в «Записке» можно прочесть: «Папа, вероятно, ответит, что не может осудить обвиняемого, который не признал вину и не был уличен, *non convictum, non confessum*. И что тогда делать? Отправить епископа в Рим? Судить его во Франции? Но кто будет его судить во Франции? Легат? Архиепископ? В любом случае, надо ли вести дело путем следствия или обвинения, *per viam inquisitionis an accusationis*? Будет видно, что удобней».

Разве нельзя обнаружить здесь, так сказать, на месте преступления, никогда не менявшиеся приемы человека, который, сначала попытавшись добиться от Бонифация осуждения Сессе, скоро использует свое излюбленное оружие — клевету — против самого Бонифация? Чтобы вызвать у Бонифация возмущение епископом, автор «Записки» не стесняется предъявлять, как якобы подтвержденные расследованием, чудовищные обвинения, на которые в следственных материалах нет и намека. В этих материалах не упоминаются ни оскорбления

епископа по адресу папы, ни симония, ни ересь, ни грехи молодости, ни учение, что священникам дозволен блуд; но то же учение, ересь, симония и прочее — все эти пороки позже будут систематически приписываться, в тех же формулировках, с теми же уверениями в заботе о сохранении правоверия и добрых нравов — Бонифацию, тамплиерам и всем врагам короля, которых последовательно губил Гильом де Ногаре.

Разрыв между Филиппом и Бонифацием

Епископа Памьерского, несомненно, покарали бы, если папа, введенный в курс дела (посланцем Сессе?), порвавший с профранцузской политикой и доведенный до крайности, не вмешался бы в это дело самым грубым образом. Тем самым Бонифаций подставил самого себя под удар людей короля, которые, больше не интересуясь мелкой дичью, тут же бросились по новому следу⁹.

---

⁹ В суматохе распри между Филиппом и Бонифацием о Сессе забыли. Ему разрешили выехать в Рим, и он оставался там до событий в Ананьи и позже. В 1308 г. король простил изгнанника, «старого и дряхлого», и вернул ему мирские бенефиции.

V. Вторая распря (по ноябрь 1302 г.)

5 декабря 1301 г. Бонифаций VIII сухо приказал французскому королю освободить епископа Памьерского, чтобы тот ехал оправдываться в Рим, и снять арест с епископских владений¹⁰. По своему обычаю он воспользовался случаем, чтобы изложить общую теорию власти, ведя себя по отношению к королю оскорбительно и высокомерно. В тот же день он послал во Францию, вручив магистру Жаку де Норману, своему нотарию, послания, местом составления которых был указан Латеран и значение которых бесконечно превосходило значение дела Сессе.

Буллы, врученные магистру Жаку де Норману

В булле «*Salvator mundi*» он высказался так: «Викарий Христа вправе отсрочивать, отзываться,

---

¹⁰ Похоже, через пять недель папа, получив больше сведений (от архиепископа Нарбоннского?), спохватился. Булла от 13 января 1302 г. предписывала архиепископу рассмотреть дело Сессе во Франции, «невзирая на наши предыдущие послания». Этот контрприказ пришел, несомненно, слишком поздно, когда письма от 5 декабря уже произвели свой эффект.

менять статуты, привилегии и уступки, исходящие от Святого престола, без того чтобы полностью его власти когда-либо могло ограничивать чье бы то ни было распоряжение»; соответственно, он отзывал и отсрочивал милости, которые некогда пожаловал королю Франции и членам его Узкого совета, а именно те, которые касались сбора церковных налогов для обороны государства, ибо эти милости вызвали много злоупотреблений; отныне французским прелатам запрещалось что-либо предоставлять королю в качестве десятины или субсидии без разрешения папы; это был в чистом виде возврат к булле «Clericis laicos». В булле «Ausculda fili» Бонифаций вначале заявляет, что Бог поставил его над королями и королевствами, «чтобы возводить, сажать, выдирать и разрушать»; король Франции не должен позволить убедить себя в том, что над ним никого нет и что он не подчинен главе церковной иерархии, «потому что думать так значило бы быть безумцем, неверным». Потом папа перечисляет свои нарекания, отнюдь не новые: «Вам известно, что из-за всех провинностей, которые ныне вызывают наше неудовольствие, мы часто возвышали голос, взывая к небесам и к вам, так что наше горло словно пересохло от этого». Он упрекает короля в захвате церковных имуществ, порче монеты, тирании над лионской церковью, где Бонифаций когда-то был каноником, и т. д. Наконец, он сообщает о своем решении созвать 1 ноября 1302 г. в Риме собор, где вокруг него будут заседать представители галликанской церкви. «Чтобы возвратить вас на путь истинный, мы, конечно, были бы вправе обратить против вас оружие, лук и колчан. Но мы предпочитаем посоветоваться с церковными особами

вашего королевства, дабы повелеть то, что должно сделать во имя мира, спасения и благоденствия означенного королевства. Вы можете присутствовать на этом собрании лично или прислать представителей. Впрочем, приступить к заседаниям в ваше отсутствие мы не позволим. И вы услышите то, что нашими устами изречет Бог». Следует горестное обличение неверных, недобросовестных советников, «этих лжепророков, подобных жрецам Ваала». Наконец, булла «*Ante promotionem*», очень короткая, адресована прелатам, капитулам и магистрам богословия Франции: папа знает, что они заведомо страдают от действий короля и его чиновников; посоветовавшись с кардиналами, он решил созвать их в Рим, «чтобы обсудить, сделать и предписать то, что понадобится для чести Бога и апостольского престола, для возвеличения католической веры, для сохранения церковных вольностей, для реформирования королевства и исправления короля».

Филипп Красивый и булла «*Ausculda fili*»

Некоторые хронисты утверждают, что Филипп Красивый велел сжечь буллу «*Ausculda fili*» «в присутствии всей знати, находившейся в тот день в Париже», и потом под звуки трубы объявить об этой расправе в городе. Другие, например Виллани, говорят, что, когда послания папы были переданы королю (в Лувре, на праздник Очищения) в присутствии некоторых из его баронов, «граф д'Артуа презрительно бросил их в камин, где они истлели». Наконец, недавно попытались доказать, что самый факт уничтожения в огне буллы «*Ausculda*

fili» должен быть отвергнут наряду с прочими небылицами¹¹. Однако есть основания полагать, что буллу действительно сожгли, но, похоже, это произошло случайно. Как бы то ни было, первая мысль советников Филиппа после того, как они познакомились с буллами, переданными магистру Жаку де Норману, состояла, конечно, в том, что против этих булл надо разжечь недовольство в народе. При подобной цели торжественное *аутодафе* документов было бы неудачным шагом: такой акт удивил бы людей, а то и обеспокоил их. Лучше было их обнародовать, но подправив так, чтобы вернее всего распалить общественное мнение; лучше было их спародировать. Кто-то (Пьер Флот? Ногаре?) взялся сократить (довольно неточно) положения, изложенные в послании «*Ausculda fili*» в виде пышных фраз, до шести строк, ясных и суровых. Получился документ, названный «*Scire te volumus*», и вот его перевод:

Пародия «*Scire te volumus*»

Бонифаций, епископ, слуга слуг Божьих — Филиппу, королю Франции. Бойтесь Бога и блюдите Его повеления.

Знайте, что вы подчинены нам в духовном и светском отношениях. пожалование бенефициев и пребенд никоим образом не полагается делать вам. Если вы храните какие-либо из этих

---

¹¹ *Rocquain F.* Philippe le Bel et la bulle *Ausculda fili* // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1883 (44). P. 393–418; *Holtzmann R.* Philipp der Schöne von Frankreich und die Bulle *Ausculda fili* // *Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. 1897–1898 (8). S. 16–38.

бенефициев, ставшие вакантными после смерти бенефициариев, вы обязаны сохранять доходы от них для их преемников. Если вы предоставили какие-то бенефиции, мы объявляем это пожалование недействительным по закону и отменяем все, что произошло в этом случае по факту. Те, кто посчитает иначе, будут считаться еретиками. Дано в Латеранском дворце, 5 декабря, на седьмой год нашего понтификата.

Мнимый ответ короля

Наряду с этим неточным и тенденциозным резюме булл, которое, очень вероятно, имело хождение в обществе, в одном реестре из Сокровищницы хартий можно прочесть мнимый ответ короля, который, возможно, тоже распространялся в массах:

Филипп, милостью Божьей король Франции, — Бонифацию, называющему себя папой, в ком мало или нет спасения.

Да будет твоему величайшему самомнению известно, что мы никому не подчинены в светском отношении; что пожалование вакантных бенефициев и пребенд причитается нам по праву нашей короны и что доходы от них принадлежат нам; что пожалования, какие мы дали и дадим, действительны и что те, которые мы дали, мы решили оставить во владении получателей. Те, кто посчитает иначе, — дураки и безумцы.

В Париже

Конечно, оба приведенных выше документа, сколь бы подозрительно ни выглядела их форма, были восприняты всерьез. Их признавали

подлинными еще янсенисты и галликанцы в XVII в.; историки Нового времени не всегда были уверены, считать ли их таковыми. В 1302 г. обманутыми оказались многие. Нормандский легист Пьер Дюбуа был глубоко возмущен дерзкой лаконичностью буллы. «Каково! — писал он. — Папа не приводит никаких обоснований, никаких доводов в пользу своего утверждения: его соизволение, и этого достаточно». Пьер Дюбуа был оскорблен; его сердце переполнилось патриотическим негодованием; он был готов к репрессиям. В верхах именно такое состояние духа и желали сформировать.

Созыв Национального собрания

Папа созвал французских епископов в Рим на 1 ноября. Филипп созвал в апреле в Париж представителей трех сословий королевства — знати, клириков и простолюдинов, «чтобы обсудить некоторые дела, которые в высшей степени интересуют короля, королевство, всех и каждого». Это собрание открылось 10 апреля 1302 г. в соборе Парижской Богоматери.

Заседание 10 апреля 1302 г.

От имени короля в его присутствии говорил Пьер Флот. Он никогда не щадил Бонифация; английский хронист Ришангер рассказывает, что, когда папа однажды хвалился перед ним, что облечен обеими властями, тот резко ответил: «Сила моего господина реальна, а ваша — одно слово». В торжественной речи от 10 апреля он воздержался от грубых оскорблений, но сумел затронуть струны, которые с тех пор были во Франции очень чув-

ствительными: патриотическую обидчивость, недоверие к иностранцам вообще и к ультрамонтанам в частности.

Речь Пьера Флота

«Нам передали, — сказал он, — послания папы. Он утверждает, что в светском управлении нашим государством мы подчинены ему и что корону мы держим от апостольского престола. Да, он представляет дело так, будто Французское королевство, которое с Божьей помощью, своим искусством и благодаря доблести своего народа создали наши предки, изгнав варваров, — это самое королевство, каким они до сих пор столь мудро правили, мы держим не от одного только Бога, как всегда считалось, а от папы!» Папа созвал прелатов и магистров богословия, чтобы исправить злоупотребления, какие, по его словам, совершил король и его министры, хотя верный народ Франции хочет помощи в своих несчастьях, если они есть, только от королевской власти: «Хорошо же! Король как раз подготовил реформы, когда сюда прибыл архидиакон Нарбонна (магистр Жак де Норман); он отложит их выполнение, чтобы не казалось, будто он подчиняется и исправляет по указанию то, что надлежит исправить». Но на деле не папа ли более, чем кто-либо, притесняет французскую церковь? И оратор, переходя в наступление, напоминает здесь о неправомερных пожалованиях, о поборах, nepoтизме, алчности, тирании, в которых всегда упрекали курию. И заключает такими словами: «Так что мы просим вас, как господина и как друга, помочь нам защитить вольности королевства и вольности церкви. Что до нас, то мы не пожалеем труда, имуществ, жизни, жизни наших детей...»

Позиция знати и простонародья

Об отношении аудитории можно догадаться. Знать в лице Робера д'Артуа ответила, что готова проливать кровь ради независимости короны. К знати присоединились депутаты от простонародья, разделявшие чувства своего коллеги Пьера Дюбуа, депутата от Кутанса. Члены обоих сословий во время заседания приложили свои печати к письмам, заранее подготовленным для отправки в Рим. Письма знати, на французском, были адресованы коллегии кардиналов; там напрямик говорилось о «безрассудных начинаниях того, кто ныне руководит церковью», об «оскорбительных новшествах» и об «извращенной воле этого человека».

Позиция духовенства

Духовенство, оказавшееся в затруднительном положении, не посмело высказываться столь открыто; однако его послание Бонифацию, витиеватое, внешне почтительное, по существу вполне соответствовало замыслам людей короля. Представители французского духовенства написали, что готовы в ноябре поехать в Рим; но ведь король не потерпит, чтобы они покидали королевство. Они заверяли короля, что верховный понтифик не имел намерения его оскорблять; но знать и бюргеры заявили, что, даже если король склонен терпеть злоупотребления римской курии, они сносить таковые дольше не намерены: «Принимая тем самым во внимание эту великую схизму между королем Франции и римской курией, беды, какие могут от нее последовать; учитывая, что раскол зародился, что особы служителей церкви могут подвергнуться насилию, что миряне начинают избегать обще-

ства клириков, как если бы клирики были виновны в измене, совершенной в отношении первых, — мы смиренно взываем к вашему отеческому благоразумию. Пусть папа не разрывает старинную связь между церковью, королем и королевством. Чтобы избежать скандала, в интересах мира, пусть он отзовет свои распоряжения...»

Ответ Бонифация

Не надо долго гадать, чтобы представить себе чувства, какие испытал Бонифаций, когда посланцы баронов, духовенства и простонародья Франции прибыли в Ананьи на Иванов день 1302 г. Помимо писем, который он велел Священной коллегии написать французской знати, и писем, в которых он негодовал на прелатов, стыдя их за трусость¹², мы располагаем текстами речей, которые кардинал Матфей из Акваспарты и сам папа произнесли в консистории перед членами французского посольства. Речь папы (подлинность которой пытались оспаривать, но тщетно) выдержана

---

¹² Или за измену. В первые годы понтификата Бонифаций создал себе, не сознавая этого, множество врагов среди галликанского духовенства актами произвола, какие он привык совершать по отношению ко всем и во вред всем: так, он назначил Ги де ла Шарите епископом Суассонским, не посоветовавшись с капитулом, призвал *proprio motu* [по собственной инициативе (*лат.*)] молодого Бертрана де Го (будущего Климента V) на епископскую кафедру Комменжа и Дени Бенестона — на кафедру Ле-Мана, отделил Дольскую епархию от Турской церковной провинции, чтобы поместить ее *omnimodo, precise, immediate el absolute* [во всех отношениях, решительно, непосредственно и полностью (*лат.*)] под опеку Святого престола, и т. д.

в ироничной и высокомерной манере, характерной для Бенедетто Гаэтани. Пьер Флот говорил как политик, хорошо умеющий увлекать толпы расчетливой лестью; папа, человек горячий, резко ответил: «*Quos Deus coniunxit homo non separet*. Эти слова, братья, применимы к римской церкви и к Французскому королевству: что Бог сочетал, человек да не разлучает. Человек! Какой человек? Я имею в виду этого Ахитофела, дававшего Авессалому советы против его отца Давида, этого дьявольского человека, кривого на один глаз, совершенно слепого мозгом, этого мужа уксуса и желчи, этого Пьера Флота, этого еретика! Сообщники этого Ахитофела — граф д'Артуа (всем известно, что это за человек) и граф де Сен-Поль. Этот Пьер Флот понесет мирское и духовное наказание, но дай Бог, чтобы забота о его каре была предоставлена нам. Послания, которые после здравого обсуждения и соображаясь с мнением наших братьев мы посылали королю, он искажал, он скрывал их от баронов и прелатов; он приписал нам требование к королю признать, что тот держит королевство от нас. А ведь мы уже сорок лет как доктор права и очень хорошо знаем, что есть две власти, предписанные Богом, — как можно поверить, чтобы мы могли произнести подобную глупость? Как только что сказал кардинал-епископ Порту (Матфей из Акваспарты), мы не намерены посягать на юрисдикцию короля; но король не может отрицать, что подчинен нам *ratione peccati* [по причине греха (*лат.*)]. Что касается пожалования бенефициев, мы часто говорили его посланцам: мы в этом отношении готовы предоставить ему все допустимые милости, но, в конце концов, по закону пожалование бенефициев не может производить мирянин...» К тому

же король, предоставляя бенефиции, раздает их как придется; когда их предоставляет папа, его больше заботят интересы церкви; впрочем, он готов исправлять ошибки, которые мог бы совершить, если их отметит Священная коллегия. «Скажем больше: пусть король пришлет своих баронов, но не из числа сообщников Лукавого, а добрых людей (например, герцога Бургундского или графа Бретонского), и мы в этом отношении сделаем все, что сможем, чтобы угодить ему. Но пусть король не вступает с нами в тяжбы! Мы уже выдержали не один процесс, и мы бы ответили ему так, как заслуживает его глупость... Что касается нас, мы хотим жить с ним в мире; мы всегда их любили, его и его королевство. Здесь есть люди, знающие, что, когда я был кардиналом, душой я был французом; тогда меня часто упрекали, что я поддерживаю французов против римлян. А с тех пор, как мы стали папой, мы осыпали короля благодеяниями... Посмеем сказать, что король не вдел бы больше ногу в стремя, не будь здесь нас. Против него поднимались англичане, немцы, самые могущественные из его подданных и соседей. Он над ними восторжествовал. Благодаря кому? Благодаря нам. И каким образом? Сокрушив противников. Ах, мы нежно любили его как сына! Но пусть он не доводит нас до крайности. Этого мы не потерпим... Нам известны секреты его королевства. *Nihil latet nos, omnia palpavimus* [от нас ничто не укрывается, мы всех познали (*лат.*)]. Мы знаем, что о французах думают немцы, жители Лангедока и Бургундии, — все они могут сказать о них то, что святой Бернар сказал о римлянах: “*Amantes neminem amat vos nemo*” [Никто не любит вас, не любящих никого (*лат.*)]. Наши предшественники низложили трех

королей Франции; французы вписали это в свои хроники, а мы — в свои; и хоть мы недостойны развязывать шнуры своим предшественникам, но, поскольку король совершил все, что совершили его предки, которые были покараны, и более того, — нам придется с огорчением его низвергнуть, если он не покается, как плохой мальчик, *sicut unum garcionem*. Что касается созыва прелатов на 1 ноября, то знайте те, кто приехал из их числа, что мы ни в чем не смягчаем строгость своих приказов. Мы пригласили их ради блага церкви, короля, королевства; мы могли бы позвать клириков со всего мира; но ведь мы стары, ослаблены годами; мы не захотели приглашать иностранцев; мы пригласили только французов, слуг и верных людей короля и королевства... Это королевство безутешно среди всех земных царств; оно прогнило с ног до головы. Если в нем есть те, кто не явится, мы их низложим, знайте, мы их низлагаем... Возвращайтесь завтра к нам...»

Последствия сражения при Куртре

Сначала казалось, что удача благоприятствует Бонифацию. Через несколько дней после собрания в консистории, где папа предсказал кару Пьеру Флоту, в Италию пришла весть о сражении при Куртре (11 июля 1302 г.), где фламандцы так жестоко унизили гордыню французского короля, где погибли Флот и Робер д'Артуа. Это в самом деле выглядело карой Господней. Король, попавший в очень затруднительное положение, смирился и был готов пойти на переговоры. С его согласия Роберт, герцог Бургундский, написал в то время письма нескольким кардиналам из анжуйской группировки, прося их похлопотать о примирении. Ответ кардиналов,

датированный 5 сентября, содержал категориче-
ский отказ: «Филипп слишком тяжело оскорбил
верховного понтифика; пусть он покается, тогда
будет видно...» Наконец, 1 ноября, почти ровно че-
рез год после выхода буллы «Ausculta fili», Бонифа-
ций открыл в Риме заседания объявленного ранее
собора. Многие прелаты прислали представителей
или извинения, а тридцать девять епископов или
аббатов явились лично, не считая Пьера де Морне,
епископа Оксерского, находившегося тогда в рим-
ской курии в качестве королевского посла; похоже,
королевское правительство до некоторой степени
терпело подобные поступки, хоть и запрещенные
официально.

Созыв собрания в ноябре 1302 г. был одним
из редких успехов, каких удалось добиться Бо-
нифацию; он очень активно воспользовался этим
успехом. Там он обнародовал знаменитую буллу
«Unam sanctam», провозгласившую теократиче-
скую доктрину в самом неограниченном виде, ка-
кая только была сформулирована в Средние века.

VI. Вторая распря, с ноября 1302 г. по июнь 1303 г.

Декреталия «Unam sanctam»...

Булла «Unam sanctam», остающаяся и по сей день предметом споров между ультрамонтанскими и либеральными богословами¹³, обращена ко всему христианскому миру. Там сказано, что католическая церковь имеет только одно тело и одну голову; у нее не две головы, как у чудовища; ее глава — Христос и викарий Христа, преемник

---

¹³ Учение, изложенное в булле «Unam sanctam», — учение непримиримых ультрамонтанов, и за его провозглашение они называли Бонифация Бонифацием Великим. Вторую партию, напротив, оно смущает: П. Мюри попытался отделаться от этого документа, оспорив его материальную аутентичность (*Mury P. La Bulle «Unam sanctam» // Revue des questions historiques. 1879 (26). P. 91–130*), но П. Дежарден без труда показал слабость его аргументов (*Desjardins P. La bulle Unam sanctam // Etudes religieuses, philosophiques, historiques et littéraires de la Cie de Jesus. 1880 (36). P. 161–181, 382–398, 517–534*). Ср. *Berchtold J. Die Bulle Unam Sanctam, ihre wahre Bedeutung und Tragweite für Staat und Kirche. München: C. Kaiser, 1887; Ehrmann F. Die Bulle Unam Sanctam des Papstes Bonifacius VIII. nach ihrem authentischen Wortlaut erklärt. München, Würzburg: A. Göbel, 1896, и т. д.*

Петра... У нее два меча, духовный и светский. Тот и другой принадлежат церкви; те, кто отрицает, что светский меч — это меч Петра, забывают слова Иисуса в Священном писании: «*Converte gladium tuum in vaginam*» [Возврати меч твой в ножны (*лам.*)]. Духовный меч находится в руке папы, светский — в руке королей, но короли могут им пользоваться только ради церкви, по воле папы, *ad nutum et patientiam sacerdotis* [по указанию и с согласия священства (*лам.*)]... Следовательно, если светская власть отклоняется от истинного пути, ее надлежит судить власти духовной, но обратное неверно... Принципиальную новизну этой буллы придает догматический вывод, представляющий собой положение о верховенстве Святого престола: «Мы говорим и провозглашаем, что подчинение римскому понтифику — условие спасения для всякого человеческого существа. *Porro subesse romano pontifici omni humanae creaturae declaramus, dicimus, diffinimus et pronunciamus omnino esse de necessitate salutis*»¹⁴.

...и буллы за ноябрь 1302 г.

Не считая буллы «*Unam sanctam*» и общего приговора об отлучении любого, кто помешал бы верующим направиться к Святому престолу, не сохранилось и следа мер, принятых ноябрьским собором. Очень вероятно, что французские прелаты

---

¹⁴ Часто отмечалось, что догматический вывод из этой буллы («*Porro subesse...*») «имеет общий характер и может согласоваться с самыми умеренными интерпретациями учения церкви о ее светской власти». По существу Бонифаций в булле «*Unam sanctam*», как и в булле «*Clericis laicos*», не сказал ничего принципиально нового. Но он сумел придать общим местам оскорбительный вид.

призвали курию выказать умеренность. Действительно, ни в булле «*Unam sanctam*», ни даже в заявлении об отлучении тех, кто запретит подданным путешествие к Порогу апостолов, король Франции не упоминается. Не похоже, чтобы собрание осуществило пресловутое рассмотрение светского правления Филиппа, обещание которого вызвало столько волнений. Наконец, именно ходатайством собрания, несомненно, можно объяснить поступок Бонифация, который можно было считать шагом к примирению. Еще не кончился ноябрь, как Бонифаций отправил во Францию члена Священной коллегии Жана Лемуана, пикардийца по происхождению, брата епископа Нуайонского, «мужа, весьма усердно пекшегося о спасении короля Франции, которому он был, так сказать, другом». Послания от 24 ноября, которыми папа аккредитовал кардинала Лемуана при Филиппе, свидетельствуют об уважении, какое Бонифаций питал к искусности и сдержанности нового легата; папа уполномочил его отпустить грехи королю Франции, которого римская курия подвергла анафеме, если означенный король выкажет такое желание; он поручил легату предъявить двенадцать пунктов претензий: если тот добьется удовлетворения по всем этим пунктам, это будет значить мир; в противном случае, «если король не уступит, как нам недавно дали понять знатный муж граф Карл, его брат, и другие его посланцы, Святой престол предпримет меры и поступит как в духовном, так и в светском отношении так, как понадобится и когда понадобится». Этот *ультиматум* требовал, по сути, отмены запрета прелатам ездить в Рим; признания за папой прав пожалования бенефициев; признания принципов, согласно которым папа имеет право посылать

легатов повсюду и в любое время, не испрашивая ничьего разрешения. Право распоряжаться церковным имуществом и доходами и исключительное право облагать церкви налогом принадлежит Святому престолу, а государи не имеют права занимать или захватывать церковные владения; он требовал обещания больше не злоупотреблять регальными правами, что разоряло вакантные кафедры, и соблюдать независимость Лиона. «Item, надо раскрыть королю глаза на недавнюю порчу монеты. Item, ему следует напомнить о совершенных им и его людьми злодеяниях, которые перечислены в закрытом письме, в свое время привезенном ему нашим нотарием, магистром Жаком де Норманном...»

Нерешительность французского двора

Тем не менее Филипп Красивый колебался. Похоже, он пребывал в состоянии растерянности с момента гибели Пьера Флота в июле 1302 г. и до тех пор, пока Гильом де Ногаре не добился, чтобы руководство делами было доверено ему. В декабре он снова созвал прелатов и баронов, на 9 февраля, «дабы принять меры для сохранения чести и независимости королевства». В первый день нового года кардинал Лемуан, которого сопровождали епископ Оксерский и граф Валуа, прибыл в Париж и предъявил ультиматум, который ему поручили привезти. Как ни удивительно, этот документ обсудили по пунктам в самом почтительном тоне. В своих «Responsiones» [Ответах (*лат.*)] король долго оправдывается, что запретил прелатам доступ в римскую курию: он не разрешал выезжать из королевства всем, кроме купцов, ради защиты

страны; отныне пути будут свободны. Что касается пожалования бенефициев, то король осуществляет его таким же образом, как и его предки; он не собирается вводить новшеств. Он признает, что папа вправе посылать легатов, как пожелает, и обязывается их принимать, «если не будет убедительных оснований поступать иначе». В отношении обложения церковных имуществ налогами он не намерен делать ничего, что бы ему не полагалось по закону или по обычаю. То же относится к регальным правам, и он назначил комиссию для регламентации этого вопроса, дабы искоренить злоупотребления. Если он менял курс монет, то по необходимости, и он сделает так, что отныне ни у кого не будет причин на него жаловаться. В лионском деле он обещает быть сговорчивым и ничего не узурпировать. «Король всем сердцем желает сохранения согласия между римской церковью и его домом. Если папа недоволен приведенными ответами, он [король] всецело готов положиться на решение, какое примут герцог Бургундский и граф Бретонский, которые, преданные римской церкви и верные короне, будут беспристрастны. Не сам ли папа в свое время предлагал их в качестве арбитров?»

Несговорчивость папы

Умеренная партия при французском дворе, которая в январе 1303 г. и диктовала эти довольно смиренные «*Responsiones*», не могла бы завести королевское правительство дальше по пути уступок. Тем не менее Бонифаций, ослепленный победой, не позволял себя растрогать. Может быть, «*Responsiones*» и были искренними, но он не принял их всерьез либо счел недостаточными. 13 апреля он вручил Никола де Бьенфету, архи-

диакону Кутанса, буллы для епископа Оксерского, для графа Карла и для кардинала Лемуана. Графу и епископу он выразил свое разочарование. Кардиналу он пожаловался, что ответы на его претензии были невнятными, смехотворными, полными оговорок и недомолвок: «Пусть легат безотлагательно предложит королю и его совету изменить и прояснить их, под угрозой светских и духовных наказаний. Было ли это повиновение полным, как ему подали надежду?» В закрытом письме он добавил: «Извинения короля несерьезны. Пусть он немедленно отзовет их и исправит то, что сделал, либо обещайте ему и огласите, что его лишают причастия».

Руководство делами доверено Ногаре

Демонстрируя такую придирчивость, Бонифаций едва ли догадывался, что во Франции умеренные, его друзья, уже два месяца как в опале и что хозяином там стал его худший враг, человек семьи Колонна, тот, кто еще заставит его пожалеть о лояльности и учтивости Пьера Флота.

Его план

Как раз в феврале Гильом де Ногаре восторжествовал в сознании короля над теми, кто прежде пользовался таким доверием последнего, что убедил его скрепить королевской печатью «Responsiones». С тех пор он стал выполнять свой план — чрезвычайно дерзкий, разработанный совместно с изгнанниками из Патримония святого Петра и с «монсеньором Мушем» (Мушатто де'Францези), крупнейшим из флорентийских банкиров, живших при французском дворе: речь шла о том, чтобы отправиться к Бонифацию в Италию

и отдать понтифика под суд церковного собора, который его сместит как недостойного. Замысел, в отношении которого не знаешь, чему больше удивляться: тому ли, что он возник, или тому, что он почти сразу был наполовину осуществлен.

7 марта 1303 г. королевская канцелярия дала Гильому де Ногаре, рыцарю, Мушу, вернувшемуся из Италии, Тьерри д'Ирсону и Жаку де Жассену, королевскому нотарию, коллективное поручение «поехать в определенные места по нашим делам, *ad certas partes, pro quibusdam nostris negotiis*»; их облекли, всех и каждого, правом договариваться именем короля «с любой знатной, духовной или иной особой о любой лиге или любом союзе для взаимной помощи, выражающейся в людях или в деньгах, как они сочтут уместным». То есть бесспорно, что 7 марта 1303 г. вооруженная вылазка в Италию стала делом решенным.

Через пять дней, 12 марта, в Лувре состоялось собрание. Присутствовали архиепископы Санса и Нарбонна, епископы Мо, Невера и Оксера, графы Валуа и Эврё, герцог Бургундский, Жан де Шалон, Жан де Дампьер, коннетабль Франции, еще многие сеньоры и король. Гильом де Ногаре, «рыцарь, почтенный профессор права», зачитал прошение, копию которого он представил.

«Прошение» Гильома де Ногаре

Он сказал, и в его речи сразу можно опознать автора «Записки», направленной против Сессе: «Князь апостолов написал: “Fuerunt pseudo prophetae in populo, sicut et in vobis erunt magistri mendaces” [Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители (*лат.*)]. Пророчество сбылось, ибо мы видим, что на престоле святого Петра сидит

учитель лжи, злодей, велевший называть себя Бонифацием. Он говорит, что он — учитель, судья и господин всех людей, но он узурпировал это место, ибо римская церковь была соединена узами законного брака с Целестином, когда он совершил грех прелюбодеяния с ней. Я же, хоть всего лишь осел, обличу перед Валаамом этого лжепророка и прошу вас, превосходнейший государь, монсеньор Филипп, милостью Божьей король Франции, велеть, чтобы перед его глазами, подобно ангелу, которого Валаам встретил на пути, сверкнула молния вашего меча. Я утверждаю, что упомянутый человек, прозванный Бонифацием, — не папа, он не вошел через дверь: он вор. Я утверждаю, что означенный Бонифаций — злокозненный приверженец симонии, подобных которому не было с начала мира. И он кощунствовал, когда говорил, что не причастен к симонии, хотя на деле не чурался этого греха. Наконец, я утверждаю, что означенный Бонифаций совершил явные, чудовищные преступления в бесконечном количестве и что он неисправим: он разрушает церкви, он расточает добро бедняков, он презирает смиренных, он жаждет золота, он его алчет, он вымогает его у всех, он ненавидит мир, он любит только себя. О, это мерзость запустения, какую описал Даниил, пророк Господень. Против него должны восстать оружие, законы, самые стихии. Его надлежит судить и приговорить Вселенскому собору. Поэтому прошу вас, государь король, добиться созыва такого собора, а я лично обязуюсь поддержать предъявленные обвинения. После этого почтенные кардиналы предоставят церкви пастыря...» Так как папа не имел над собой вышестоящей власти и мог, воспользовавшись таким положением вещей, начать

защищаться, Гильом Ногаре предложил временно поместить его под стражу; викария римской церкви назначат король и кардиналы, чтобы исключить всякую возможность схизмы до избрания нового папы. «И для вас, государь, это важно по нескольким причинам: ради сохранения веры, по причине вашего королевского достоинства, предписывающего вам долг истреблять зачумленных, по причине вашей священной клятвы, ибо вы поклялись защищать церкви сего королевства, которые пожирает ненасытный волк, из уважения к вашим предкам, которые не потерпели бы, чтобы римскую церковь бесчестило столь постыдное сожительство». Аутентичный документ, включавший эти требования, составили во время заседания два апостольских нотариа.

Ногаре и его приспешники покинули Францию, когда архидиакон Кутанса привез кардиналу Лемуану угрозы святого отца. Архидиакон, зря потративший время, был арестован в Труа, обобран, заточен. Легат тщетно протестовал; впрочем, вскоре он сам счел благоразумным затребовать свои паспорта. Когда он вернулся в Рим в июне, люди короля уже были в Италии.

VII. Покушение в Ананьи

Отныне ход событий ускорился. Бонифаций, примирившийся в борьбе против Франции с вчерашними врагами, сицилийскими Арагонцами и Альбрехтом Австрийским, 31 мая освободил преатов, сеньоров и бюргеров долины Роны, графства Бургундии, Барруа и Лотарингии от клятв верности, которые могли наносить ущерб правам империи. Филипп немедленно ответил заключением оборонительного союза с Вацлавом Чешским, открытым противником папы и Альбрехта в Венгрии, но французский двор этим не ограничился: он развернул беспрецедентную активность для подготовки Франции и Европы к резкой перемене, которую затевали втайне.

Призыв к будущему собору

13 и 14 июня в парижском Лувре увидели странное зрелище. 13 июня графы Эврё, Сен-Поль и Дрё, а также Гильом де Плезиан, рыцарь (правая рука Ногаре), «взволнованные опасностями, каким Бонифаций подверг церковь», повторили перед нотаблями королевства, духовными и светскими, собравшимися в присутствии короля, мартовские обвинения по адресу папы и призыв к будущему собору. Епископы, которых попросили его

поддержать, удалились, чтобы обсудить столь важное дело (*negotium arduum, immo arduissimum* [трудное, даже труднейшее дело (*лат.*)]).

Требования Гильома де Плезиана

На следующий день Плезиан зачитал записку из 29 пунктов с перечнем преступлений, пороков и ересей, приписываемых папе, причем оратор обещал в свое время и в надлежащем месте привести доказательства их реальности: «Прежде всего, Бонифаций не верит ни в бессмертие души, ни в будущую жизнь. Вот почему он эпикуреец. Он не краснея говорит: „Я предпочел бы быть собакой, чем французом“, — чего, конечно, он бы не сказал, если бы верил, что у французов есть душа. Он не верит в причастие на алтаре, потому что не ведет себя надлежащим образом во время освящения. Он говорит, что блудить не значит грешить. Он много раз повторял, что, дабы сокрушить короля и французов, он погубил бы, если бы понадобилось, весь мир, церковь, самого себя, а когда добрые люди, слыша это, предостерегали его, что это скандальная мысль, он отвечал: „Какое мне дело до скандала, лишь бы французы и гордыня французов были истреблены!“ Магистр Арнольд из Виллановы сочинил книгу, которая отдает ересью и которая была осуждена магистрами богословия Парижского факультета; Бонифаций, после того как сам в консистории велел ее сжечь, изменил мнение — он ее одобрил. У него есть личный демон, с которым он советуется по любому случаю. Он утверждает, что все французы — патарены: вот манера еретиков, которые называют вас патаренами, когда вы слишком правоверны, чтобы разделить их заблуждения! Он содомит. Он приказал убить в своем присут-

ствии нескольких клириков. Он заставлял священников выдавать тайну исповеди. Он угнетает кардиналов, черных монахов, белых монахов, миноритов и братьев-проповедников; он заявляет, что все они лицемеры; на устах у него лишь брань да посрамление. Его ненависть к королю Франции вытекает из его ненависти к вере, потому что означенный король — светоч и образец веры. Когда люди английского короля попросили у него десятину, он им ее пожаловал при условии, что они ее используют для войны с Францией. Он обещал помощь Федерико, который держит Сицилию, — лишь бы погубить короля Неаполя (Карла II Анжуйского) и перебить всех французов. Недавно он признал Альбрехта, короля Германии, и это было сделано (чего он не скрывал) затем, чтобы навредить нам, французам: ведь в свое время он называл того же короля убийцей, но, чтобы разрушить согласие между этим государем и Францией, он все забыл. Если Святая земля потеряна, это его вина: он растратил наследие Иисуса Христа, преследуя верных друзей церкви и обогащая своих родственников. Он — открытый приверженец симонии; он торгует церковными бенефициями и должностями; чтобы пристроить племянников, которых он назначал маркизами, графами и баронами, он обездолил знать Римской Кампании. Он погубил своего предшественника Целестина и всех, кто обсуждал вопрос „имел ли Целестин право отречься“... Он сказал, что скоро сделает всех французов отступниками или мучениками...» Зачитав этот документ, фирменное клеймо изготовителя которого просвечивает даже сквозь сокращенный перевод, приведенный выше¹⁵,

---

¹⁵ Это стилистика Ногаре. Намеки на патаренов принадлежали, конечно, Ногаре, которого сторонники

Гильом де Плезиан заявил, что, когда он так говорил, им не двигала ненависть к Бонифацию: «Я ненавижу не его, а его преступления». Потом он еще раз потребовал от короля, «которому причитается защита нашей Святой Матери Церкви и католической веры», и от прелатов, «которые суть столпы веры», добиться созыва вселенского собора.

Одобрение короля

После всего этого Филипп Красивый, 12 марта не сказавший ничего, выразил одобрение. Хотя он предпочел бы «скрыть наготу отца своего под своим плащом», он поддержал требования Ногаре, повторенные Плезианом, и оказал нажим на прелатов, чтобы они поступили так же. Поскольку простаками они не были, то, не выразив протеста, стали сообщниками. Пять архиепископов, двадцать один епископ, десять аббатов, досмотрщики орденов Храма и Госпиталя согласились на созыв собора, «дабы невиновность государя Бонифация, если он невиновен, просияла во всем блеске»; но, «поскольку означенный государь Бонифаций, которого, как мы опасаемся, эти меры прогневят, вероятно, предпримет действия против нас», прелаты заранее апеллировали к будущему собору и к законному папе против приговоров, которые могут на них обрушиться.

Именем короля собирают изъявления согласия по всей Франции

Поскольку, возможно, опасались, что согласием епископов заручиться будет трудно, их, несомненно, и сочли нужным собрать в Лувре, запугав лич-

---

Бонифация обвиняли в том, что он сын патарена. Сообщничество семьи Колонна обнаруживает себя в пассаже насчет деятельности Бонифация в Римской Кампанье.

ным присутствием короля¹⁶. И наоборот: возможно, из-за неполной уверенности в том, какую позицию займут знать, народ и особенно низшее духовенство, двор решил вместо созыва общего собрания их представителей послать в провинции комиссаров, чтобы собрать с местных сообществ изъявления согласия, при надобности используя силу. Начиная с 15 июня королевская канцелярия сотнями рассылала копии протокола собрания от 14 июня и циркуляра короля, адресованного «всем деканам и капитулам кафедральных или коллегияльных церквей, всем монастырям, знатым людям, консулам, гражданам и всем духовным и светским особам», где содержался изложенный в цветистом стиле призыв поддержать идею вселенского собора. Комиссары, взяв эти документы с собой, немедленно разъехались по Франции. Прибывая в назначенную им область, они предъявляли, зачитывали, переводили и комментировали протокол и циркуляр. Сталкиваясь с сопротивлением, они ссылались на авторитет лиц, уже давших согласие. Наконец, составлялся удостоверенный акт, отражавший мнение опрошенной общины: согласие, единодушное или нет, с оговорками или без них, уклончивые извинения или отказ соглашаться¹⁷. Категорически

---

¹⁶ Присоединяться к этому заявлению отказались только епископ Отёнский и аббат Сито. Епископа Отёнского по выходе из Лувра арестовал военный сержант. Аббат Сито был посажен в парижский Шатле.

¹⁷ Вот что произошло в Бурже. 4 августа Жан из Окси, орлеанский певчий, в присутствии нескольких свидетелей и публичных нотариев зачитал каноникам собора послания короля; после обсуждения они все, *nemine contradicente* [без возражений (*лат.*)], поддержали эти документы. Далее он перебрался в монастырь братьев-проповедников, потом в монастырь

отказаться в согласии почти никто себе не позволял — слишком угрожающим было поведение людей короля. Колебания испытывали только монахи, и то многие, сначала запротестовав, потом шли на попятную. Некоторые главы монашеских орденов, например, провинциал братьев-проповедников, советовавший подчиниться, «чтобы не выделяться» и «не создавать впечатление, будто мы кичимся личным мнением», тем не менее помогали подавлять сопротивление. Не удалось преодолеть сомнения лишь у некоторых капитулов Запада, у итальянских монахов, у доминиканцев Монпелье и Лиможа, у францисканцев Нима и в цистерцианских монастырях. Мятежников арестовали, итальянцев изгнали. Изгоняя иностранцев, король одновременно ставил под охрану границы государства, чтобы ни один житель страны не имел возможности, бежав, уклониться от обязанности дать согласие.

Что происходило в Париже

Вот что происходило в Париже. 24 июня в саду королевского дворца на острове Сите собралась

миноритов, где повторилась та же сцена. 5 августа община бюргеров города и предместий Буржа, созванная герольдом, как было принято, собралась в приорате Нотр-Дам-де-ла-Комталь; после того как письма короля были зачитаны, переведены и прокомментированы на разговорном языке, человек короля «немедля потребовал от публики заявить, что она согласна с призывом»; все ответили: «Placet, placet» [Угодно, угодно (*лат.*)]. В тот же день подобное же согласие изъявили капитулы церквей Сен-Пьер-ле-Пюэлье и Сент-Юрсен. 6 августа настала очередь капитулов церквей Сент-Утриль-дю-Шато, Нотр-Дам-де-Саль и Нотр-Дам-де-Муайен-Мутье.

огромная толпа; сюда пришли монахи столицы, «шествием откликнувшись на вызов». Епископ Орлеанский произнес проповедь; потом один клирик зачитал официальные документы на латыни и на французском; потом на трибуну поднялись два брата-проповедника и два минорита. «Истине, — сказал один из них, брат Ренальд из Обиньи, — нет дела ни до лести, ни до гадости. Я высказываюсь здесь не затем, чтобы польстить королю или сказать гадость папе. Я высказываюсь, чтобы объяснить чувства короля. Знайте же: то, что он делает, он делает ради спасения ваших душ. Коль скоро папа сказал, что хочет уничтожить короля и королевство, мы все должны умолять прелатов, графов и баронов и всех жителей Франции, чтобы они соблаговолили сохранить безопасность короля и королевства». Потом на помосте появился Жан из Монтиньи, парижский бюргер, советник короля, и сказал: «Господа, вы услышали о преступлениях, в каких обвиняется папа, и призыв выступить против этих преступлений. Знайте, что этот призыв поддержали капитул Парижа и все капитулы Французского королевства, и Парижский университет¹⁸. Поэтому мы вам велим, так как дело касается блага короля и королевства, чтобы вы сказали нам,

---

¹⁸ Среди бумаг, изъятых у Ногаре после его кончины, нашли документ под заголовком: «*Questio domini Guillelmi de Nogareto facta Universitati clericorum Parisius studentium utrum jurisdictionis temporalis gladius ad summum pontificem pertineat in regno Francie et aliis regnis....*» [Вопрос господина Гильома де Ногаре клирикам университета, учащимся в Париже, о том, принадлежит ли меч светской юрисдикции во Французском королевстве и в других королевствах верховному понтифику (*лат.*)] (Bibliothèque nationale. Collection Dupuy. 635. Fol. 104).

поддерживаете ли вы его тоже или нет. У нас здесь есть нотариус, чтобы составить акт о вашем согласии». Человек, слышавший эти речи своими ушами (итальянский купец) и записавший их, добавляет, что «огромное большинство тех, кто присутствовал, говорило “Oil, oil, oil” [да, да, да (*старофр.*)]».

Поскольку созыв вселенского собора зависел не исключительно от Франции, Филипп одновременно с организацией этого национального опроса в той же форме испросил одобрения иностранных государей и народов. 1 июля он велел написать письма коллегии кардиналов, «прелатам, знати и общинам» королевств Кастилии, Португалии и Наварры, республикам Италии. От общин Наварры и от епископов Португалии пришли положительные ответы.

Литературная деятельность Бонифация

Бонифаций VIII получил информацию (в конце июля?) о невероятных событиях, происходящих во Франции¹⁹. Его они взволновали настолько, что он

---

¹⁹ К 15 августа приор Петр из Паруа покинул Париж, чтобы присоединиться к Ногаре: «Я должен был, — сказал он позже в ходе расследования, устроенного при Клименте V на предмет добросовестности короля, — уведомить Бонифация об апелляционных жалобах, поданных против него. Если б я не смог встретиться с ним лично, я должен был обнародовать эти акты в Риме и вывесить их на дверях церквей Тосканы, Кампании и Ломбардии. В момент, когда я получил эти указания, один из высокопоставленных прелатов из Совета сказал мне: „Приор, ты знаешь, что этот Бонифаций — плохой человек, еретик, устраивающий скандал за скандалом. Убей его. Я возьму все на себя“. Но король сказал собственными устами: „Нет, нет, не дай Бог; приор ничего подобного не сделает“».

даже не вышел из себя. Буллы, которые он разослал 15 августа из Ананьи, были написаны в тоне удрученного достоинства. Одна из них адресована архиепископу Никосии, который был «одним из самых коварных подстрекателей французов к мятежу». Другая приостанавливала церковную и университетскую жизнь во Франции до тех пор, пока король не покается. Наконец, в послании «*Nuper ad audientiam*» папа обращается к Филиппу: он узнал, что произошло на Иванов день в королевском саду в Париже, — его обвинили в ереси, странная новость: «Никто и никогда в Римской Кампанье, откуда я родом, не был уличен в этом преступлении»; король Франции поднялся против Святого престола, потому что последний обличил его провинности, но и другие короли до него получали выговоры — чем он лучше их? Разве Бонифаций не равен своим предшественникам? Не перевернулся ли мир, если сильным мира сего, чтобы коснеть в своих преступлениях, достаточно оскорбить преемника Апостола? «Мы не потерпим, чтобы миру был подан этот отвратительный пример... Пусть новый Сennaхирим вспомнит слова, сказанные тому, кому он подражает: „Кого ты порицал и поносил? Святого Израилева!“». Через несколько дней он написал знаменитое послание «*Super Petri solio*», где кратко изложил свои нарекания и историю ссоры; он делает экскурс в прошлое до самой миссии, доверенной магистру Жаку де Норману; он напоминает о препонах, какие Филипп чинил созыву французского собора в Риме, о посольстве кардинала Лемуана, о деле епископа Памьерского, о деле семьи Колонна, о скандале с «удивительно легкомысленным призывом» к созыву вселенского собора; за все эти действия король несколько раз

был отлучен; соответственно его подданные были освобождены от клятвы верности, какою были ему обязаны; им обещали анафему, если они отныне будут ему повиноваться, принимать от него бенефиции и т. д.; договоры о союзе или содействии, какие Филипп мог заключить с другими государями, аннулировались. «И теперь мы увещеваем короля покаяться, подчиниться; пусть он вернется к Богу, чтоб нам не пришлось налагать на него суровые кары, каких требует справедливость». Что бы ни говорили галликанские контroversисты, эта булла — относительно умеренная. Низложение короля в ней еще не провозглашается. Можно было бы сказать, что Бонифаций еще не утратил всякую надежду: «Пусть он не упорствует, подобно Навуходоносору, первому из царей земных! Мы пытались вернуть заблудшую овцу в стадо; мы хотели внести ее обратно в овчарню на собственных плечах...» Булла «Super Petri solio» была вывешена на дверях собора в Ананьи.

«Работа» Гильома де Ногаре

Тем временем Гильом де Ногаре и его приспешники занимались своей «секретной работой». Один из этих приспешников, флорентиец Муш, который когда-то ввел в Тоскану Карла Валуа и руководил в Италии несколькими французскими миссиями, был ее рупором и связал ее участников с баронами и муниципиями Патримония святого Петра, о которых знал, что они озлоблены. Свою ставку Ногаре разместил в замке Стаджа, который римский король несколько лет назад отдал одному из братьев Муша, Николуччо де'Францези. Имена Муша и его родственников, Стаджа, Поджибонси, Фучеккьо, находились на территории Флоренции, близ сиен-

ских границ. Отсюда было легко вступать в контакты с изгнанниками, недовольными, бандитами с Апеннин и с очень многочисленными врагами рода Гаэтани в этой области. Семьи Чеккано, Сгургола, Бусса, жители Алатри, Сеньи и Вероли, многие сеньоры с Альбанских гор были готовы на все, чтобы унижить Бонифация и его племянника, которого называли «маркизом». Самыми ожесточенными были жители Ананьи, земляки папы, оскорбленные им, и Ринальдо да Супино, капитан города Ферентино, сестра которого когда-то была невестой Франческо Гаэтани: они хотели осуществить кровную месть. Для них папа не был отцом всех верующих: они слишком близко были с ним знакомы — это был всего лишь Бенедетто Гаэтани. Необходимую поддержку оказывали клиенты семьи Колонна под началом свирепого *Шарры*, сына Джованни Колонна, когда-то укрывшегося во Франции. Ни король Неаполя, ни римляне не пошли на союз. Но для налета несколько авантюристов подходили больше, чем армия.

Когда друзья Гильома де Ногаре при дворе Бонифация — кардиналы Наполеоне Орсини и Рикардо да Сиена, капитан и подеста Ананьи и маршал папской курии, — предупредили его, что скоро будет выпущена булла «*Super Petri solio*», он назначил своим сообщникам встречу на ночь с 6 на 7 сентября. Седьмого числа до рассвета маленький отряд (около шестисот латников и тысяча пеших сержантов) двинулся в направлении Ананьи. Были развернуты стяг Франции с лилиями и хоругвь святого Петра, потому что *кондотьеры* Ногаре одновременно шли, находясь на содержании и под покровительством Филиппа, «дабы отомстить за честь короля Франции», и как вассалы Святого

престола, «для защиты римской церкви от узурпатора». По словам свидетеля, они кричали: «Да здравствуют король и Колонна!»

Покушение

Бонифаций ни о чем не догадывался. Ватага Ногаре, Колонна и Ринальдо вышла, не встретив сопротивления, на общественную площадь Ананьи, где Ногаре обратился с речью к толпе. «Услышав шум, пришел в движение весь народ города, а также рыцари и знатная молодежь, и они собрались у дома Бонифация, крича также: „Смерть папе и маркизу!“». Чтобы войти во дворец папы, надо было пройти перед дворцом семьи Гаэтани, где спешно забаррикадировались маркиз и его слуги. На них напали, и маркиз был схвачен. Колонна и Ринальдо проникли в покои Бонифация, пройдя через собор, соединявшийся с замком, в то время как их люди позади них рассыпались, чтобы заняться грабежом: «Сеньор кардинал Франческо, племянник папы (толстый и крепкий молодой человек), бежал, переодевшись слугой. Его дом, дом епископа Пальмы, банк семьи Спины, дворцы папы и маркиза разграбили. Борьба, грабеж и арест папы — все закончилось к полудню».

Шарра и Ногаре

Говорят, Бонифаций, покинутый всеми, ждал захватчиков с ключами и крестом в руках. Первыми, кто ворвался в комнату, где он находился, были люди Шарры; они осыпали старика угрозами и оскорблениями; Шарра хотел его убить; по знаменитой легенде, не подтвержденной свидетельствами современников, он якобы нанес Бонифацию пощечину. На эти неслыханные оскорбления папа не отвечал; он только сказал на разговорном

языке: «Вот моя шея, вот моя голова, *eccovi il collo, eccovi il capo!*» Наконец появился Ногаре. Его политика состояла в том, чтобы не допускать ненужного самоуправства, обеспечивая своему акту характер или видимость законной процедуры. Вполне можно поверить тому, что он заявил: разграбление папских казны и подвалов случилось без его согласия, он же прилагал все усилия, чтобы обеспечить безопасность особам и имуществу Гаэтани. Однако его умеренность не зашла столь далеко, чтобы избавить пленника от тяжелых душевных страданий. В покоях папы, «в присутствии нескольких достойных людей», он пустился в разглагольствования. «Я объяснил, — излагал он позже в своих „Оправдательных записках“, — причину и форму нашего появления. Я сказал о том, что было сделано во Франции, об обвинениях, выдвинутых против Бонифация, который находился передо мной. Он не оправдывался, слыша эти обвинения; таким образом, согласно канонам, можно считать, что он уличен, признался и осужден. Тем не менее, поскольку следует, чтобы вас объявил таковым суд церкви, я хочу сохранить вам жизнь и поставить вас перед вселенским собором, который требую от вас созвать. Речь идет о ереси, и вас будут судить, хотите вы этого или нет. Я намерен также сделать так, чтобы вы не вызвали возмущения в церкви, особенно направленного против французского короля и Французского королевства. Для этого я вас арестую, следуя нормам публичного права, ради защиты веры и интересов нашей матери Святой Церкви, а не затем, чтобы оскорбить вас или кого-либо другого...» Бонифаций на это не согласился. Тогда Ногаре устроился так, чтобы не выпускать его из виду. «Государь папа не был ни связан, ни закован в железо, ни изгнан из

своего дворца, — пишет анонимный свидетель, — но господин Гильом де Ногаре держал его в покоях, в многочисленном обществе...»²⁰ Такими смехотворными были на деле «желчь и уксус», о которых говорит Данте в своем «Чистилище» (песня XX):

Но я страшнее вижу злодеянье:
Христос в своем наместнике пленен,
И торжествуют лилии в Аланье.
Я вижу — вновь людьми поруган он,
И желчь и уксус пьет, как древле было,
И средь живых разбойников казнен.
Я вижу — это все не утолило
Новейшего Пилата...²¹

---

²⁰ Жоффруа Парижский дает понять, как эту сцену покушения представляли во Франции (*Histoire de la France*. Т. XXII. Р. 108 et suiv.). У парижского рифмоплета папа говорит на комичном жаргоне, полуфранцузском-полуитальянском; Бонифаций обращается к Ногаре:

— Эй, сын мой, что это ты мне
Устраиваешь здесь такую бурю?
Скажи мне, кто твой господин.
— Господин клирик, я могу это сказать, —
— Отвечал Гильом Ногаре...
Я рыцарь короля Франции,
Превосходящего великой силой всех королей;
Ты сможешь здесь это испытать...
Эти лилии, знакомы ли тебе они?
Эй, клирик, ты их бранил,
Этот город принадлежит не тебе:
У тебя здесь нет ничего; он королевский.
Не двигайся, не хлопочи.

Хронист (официальный) Сен-Дени приписывает Ногаре такую речь: «О ты, жалкий папа, зри, и учитывай, и цени доброту монсеньора короля Франции, который хранит и защищает тебя во всем своем королевстве моими руками».

²¹ Пер. М. Л. Лозинского.

После покушения

Но оттого, что покушение свершилось, ничто не кончилось. Наоборот, тут-то и начались трудности. Как переправить из Ананьи в Лион, через половину Италии, папу, которому восемьдесят шесть лет? С французским эскортом это сделать было сложно, использовать для этого ополчение муниципии Ферентино и баронов Кампаньи — безумие. Гильом де Ногаре не предвидел, что большинство его сторонников устрасится собственной дерзости и в событиях произойдет перелом в пользу жертвы. Ничто лучше не демонстрирует, что при всей смелости Ногаре имел прожектерский склад ума; чрезмерное презрение к людям погубило бы его, если бы не удачное стечение обстоятельств. «Так как некоторые знатные мужи из Ананьи, родственники семьи Колонна, не желали согласиться на то, чтобы вывезти папу из города», то день 8 сентября, следующий после покушения, прошел впустую. Утром 9 сентября жители Ананьи и окрестностей восстали с криками: «Да здравствует папа, смерть чужестранцам!» Шарра и Ринальдо попытались оказать сопротивление, но, понеся ощутимые потери, оставили город. Ногаре укрылся у них в Ферентино, а зная с лилиями, водруженное на крыше папского дворца, проволокли в грязи. Тогда же прибыло четыреста римских всадников; 12 сентября они увезли Бонифация в Рим, через пылающую страну, «полную дурных людей». Папа ничему не препятствовал; эти страшные дни сломили его. Позже, в своих «Апологиях», Ногаре опрометчиво заявил, что, прежде чем покинуть Ананьи, Бонифаций признал законной процедуру, проведенную 7 сентября, и публично простил

покушавшихся²². Конечно, он не простил, но он потерял рассудок. У него начались приступы старческого слабоумия. 11 октября он умер.

Смерть Бонифация VIII

Эта смерть спасла Ногаре, который из побежденного на следующий день вновь стал победителем и воспользовался унижением Святого престола. «Действительно, если что и было необычным в эпизоде в Ананьи, — очень верно заметил Ренан, — то отнюдь не то, что папа был захвачен врасплох, а то, что эта внезапность повлекла долговременные последствия, что папство рухнуло под этим ударом, что оно принесло королю-святотатцу публичное покаяние. Это произошло всего один раз, и поэтому победа Филиппа Красивого над папством стала в истории абсолютно уникальным случаем».

---

²² В одной из последних «Оправдательных записок» (конец 1310 г., начало 1311 г.?) Ногаре писал: «Означенный Гильом, зная, что тот, кто встряхивает спящего летаргическим сном и надевает смирительную рубашку на буйнопомешанного, делает милосердное дело, хоть больным оно и неприятно, встряхнул и связал Бонифация, который был поражен одновременно летаргией и буйным помешательством... Тогда означенный Бонифаций понял, что это посещение исходило от Бога; он признал, что совершенное Гильомом и его людьми было деянием Бога, а не людей, и простил им все оплошности, какие они могли совершить или позволить совершиться, если таковые все-таки совершились».

VIII. Завершение распри при Бенедикте XI и Клименте V

Политическое будущее папства зависело от преемника Бонифация. Либо новый папа объявит анафему участникам покушения и продолжит беспощадную войну с Францией, либо простит святоотатцев или вступит с ними в переговоры, а значит признает бессилие Святого престола и надолго поставит верховный понтификат в зависимость от тех, кто безнаказанно оскорбил его.

Бенедикт XI

21 октября 1303 г. (после всего одиннадцати дней междуцарствия!) был избран брат-проповедник, мягкий и образованный человек, — Никколо Бокказини, сын нотариуса из Треviso. Это был один из трех прелатов, которые 7 сентября остались на стороне Бонифация. О нем знали, что он честен, но робок, готов к соглашениям; потому-то Бенедикт XI и собрал голоса выборщиков-кардиналов. После этого триумф Филиппа — триумф, в котором было отказано Барбароссе, Филиппу Августу, Фридриху II, — и порабощение Рима капетингской Францией стали неизбежными²³.

---

²³ *Funke P.* Papst Benedikt XI: Eine Monographie. Münster i. W.: H. Schöningh, 1891; *Holtzmann R.* Wilhelm

Впрочем, чтобы предсказать эту развязку, достаточно было присмотреться к поведению противников в первые дни понтификата. Поведение французов было вызывающим. Гильом де Ногаре дал людям из Ферентино охранные грамоты, где заявлялось, что жители Ананьи должны покаяться за то, что предали посланца короля, посягнули на его жизнь, проволокли его знамя по ручью; смерть Бонифация не вызвала прекращения возбужденного против него иска в связи с такими преступлениями, как ересь, симония и содомия, не имеющими срока давности; сообщники Ногаре не были наказаны. Между тем папа не посмел ни продлить личное отлучение Филиппа, ни покинуть Перуджу.

Ногаре и Бенедикт XI

В начале 1304 г. Гильом де Ногаре отправился к Филиппу Красивому, находившемуся тогда в Лангедоке. Он описал свое поведение и получил в награду значительные имущества. Он посоветовал отправить к папе, еще не известившему о своем вступлении на престол, официальное посольство. И действительно, еще не кончился февраль, как Филипп послал к Бенедикту XI, чтобы его поздравить, «возобновить старинную дружбу» между королевством и Святым престолом и потребовать отмены анафем Бонифация («покойного Бонифация, некогда возглавлявшего церковь»), трех членов своего Совета, о которых заведомо знали, что в 1303 г. они были причастны к антипапистским мерам: канониста Пьера де Бельперша, Бери де Меркёра и Гильома де Плезиана, рыцарей; к ним была

---

von Nogaret. Freiburg im Breisgau: J. C. B. Mohr, 1898. Kap. VII.

добавлена четвертая особа — Гильом де Ногаре. Этот выбор свидетельствует, что действия Ногаре в Италии отнюдь не вызвали неудовольствия у внука Людовика Святого и что политика запугивания, которую олицетворял инициатор смятения в Анagni, по-прежнему оставалась в чести.

Тем не менее Бенедикт XI решил провести различие между Филиппом и участниками сентябрьских скандалов. Он был готов прекратить процессы, возбужденные Бонифацием против короля, его королевства, его советников и его подданных, и отменить приговоры им; в самом деле, 2 апреля с Филиппа сняли, «без его просьбы», все осуждения, каким он мог подвергнуться, а людям из рода Колонна, его протеже, начали возмещать убытки. Зато никто не должен был сказать, что Гильом де Ногаре безнаказанно оскорбил папское величие. Тем самым Бенедикт примирял меж собой свои страхи и вопль своей совести, свое почтение к силе и свое желание справедливости, свою слабость и свою гордость: он амнистировал могущественного человека, но подчеркнуто карал подчиненного. Действительно, для Филиппа не было ничего проще, чем отступить от Ногаре, и папа, конечно, льстил себя надеждой получить это удовлетворение, смиряясь с тем, что этим придется ограничиться.

Когда посольство прибыло, он отказался видеть Ногаре, потому что вступить с ним в официальные отношения значило бы объявить его свободным от всякого отлучения. Когда 13 мая он отпускал всем грехи, он исключил упоминание «Гильома де Ногаре, рыцаря». Наконец, он возбудил против этого козла отпущения канонический судебный процесс: булла «Flagitiosum scelus» от 7 июня 1304 г.

потребовала, чтобы суду Святого престола были преданы виновники дела в Ананьи — Ногаре, Ринальдо, Шарра и их спутники, участники того «чудовищного преступления, которое очень скверные люди совершили в отношении особы папы Бонифация, блаженной памяти... Оскорбление величества, государственное преступление, святотатство, нарушение закона Юлия *de vi publica* [об общественном насилии (*лат.*)], закона Корнелия о наемных убийцах, незаконное лишение свободы, грабеж, хищение, вероломство, все преступления одновременно! Мы все еще ошеломлены этим... О неслыханное злодеяние! О несчастный Ананьи, стерпевший, чтобы такие вещи творились в твоих стенах! Пусть роса и дождь падут на окружающие тебя горы, но пусть они обойдут проклятый холм, не оросив его!..»

Бенедикт XI красноречиво поносил слуг короля, которому отпустил грехи, но вся вина королевских приближенных заключалась в том, что они совершили поступок, которым король был доволен. Почему события не пошли по тому сценарию, которого хотел Бенедикт, и было ли вообще такое возможно? У Ногаре были завистники (*aemuli*), и плохо осведомленные люди (*veritatis ignari*) вместе с этими завистниками «возводили на него перед королем тяжкую клевету в связи с происшедшим в Ананьи». Он оказался бы в опасности, если бы, будь поражение Святого престола не столь полным, король был бы заинтересован пойти хоть на малейшие уступки. Но Филиппу было незачем церемониться, к тому же, он всегда был очень верен тем, кто снискал его доверие. Наконец, Ногаре был не из тех, кто безропотно идет на заклятие: против мертвого Бонифация он

выдвинул акт обвинения, составленный в предыдущем году против живого Бонифация; прежде чем его коснулась булла «Flagitiosum scelus», вызывавшая его на суд папы, он поспешил укрыться во Франции.

Смерть Бенедикта XI

Тем не менее папский суд собирался его судить в Перудже заочно: «Все было готово, — пишет он в своих „Записках“. — Приговор мне должны были вынести; папа велел возвести на площади перед своим дворцом плаху, обтянутую золотой парчой...» Но Бог уберег: в тот день, 7 июля, «Бог, более могущественный, чем все церковные и светские князья, так поразиł означенного государя Бенедикта, что у него больше не было возможности осудить меня». Это чудо, говорят, совершилось благодаря молодому человеку, переодетому монахиней, который представился привратницей женского монастыря святой Петрониллы, — он предложил папе свежие финики от имени своей настоятельницы; хоть папа и опасался отравителей, он съел их, потому что настоятельница была его почитательницей, и умер.

Вакансия Святого престола в 1304–1305 г.

На сей раз Святой престол оставался вакантным почти год, с 7 июля 1304 г. по 5 июня 1305 г. Эти одиннадцать месяцев в Священной коллегии шло отчаянное сражение между сторонниками Франции и «бонифацианцами» (членами родов Гаэтани и Стефанески), хранителями и защитниками римской традиции. Бенедикт XI при всей сговорчивости робко пытался проявить твердость: он был

итальянцем, он всегда жил в римской курии, в городах Кампаньи, Лация и Сабины, где сохранялись воспоминания о героических временах Григориев и Иннокентиев, а Бонифаций был для него наставником и благодетелем. Его понтификат показал, что, если хочешь завершить порабощение папства, на папский трон надо посадить иностранца, француза, креатуру короля. Таким образом, избрание Бертрана де Го, архиепископа Бордоского, стало самым блестящим триумфом французской политики. Было бы интересно узнать подробности интриг, подготовивших это решительное событие, но они остались тайной²⁴.

Ногаре во время междуцарствия

Показательно поведение Ногаре во время междуцарствия. Этот ловкий человек, конечно, опасался, что папские выборы обернутся для него плохо, и принял соответствующие меры предосторожности — заявил, что, если преемник Бенедикта XI будет «бонифацианцем», он лично найдет, к кому обратиться. 7 сентября, в годовщину покушения в Ананьи, главный организатор этого покушения зарегистрировал у официала Парижа «Апологию» своего поведения. Пересказав по-своему эпизоды Распри, он заявил, что смерть Бонифация не мешает ему продолжить свое «добродетельное дело», направленное против этого антипапы, ибо «смерть не аннулирует обвинения в ереси», и общественные интересы требуют, чтобы память о столь ве-

---

²⁴ *Souchon M.* Die Papstwahlen von Bonifaz VIII. bis Urban VI. und die Entstehung des Schismas 1378. Braunschweig: Goeritz, 1888. S. 26 и далее; *Leclère L.* L'élection du pape Clément V // *Annales de la Faculté de philosophie de Bruxelles*. 1889 (1). P. 7–39.

ликом преступнике рухнула с надлежащим шумом (*cum debito sonitu*). 12 сентября перед тем же официалом он заранее выразил протест против будущего папы, если будущего папу изберут из числа тех лиц, окружающих Святой престол, пособников ереси, которые ранее одобряли Бонифация: «Сыновья святой римской церкви, — заявил он, — пытаются ее изнасиловать; они обращаются с ней как с куртизанкой на глазах у народов. Что ж! Как когда-то я поднялся против означенного Бонифация, я, как стена, буду противостоять этому отродью. Настоящим заявлением я взываю к апостольскому престолу, ко вселенской церкви, к законному папе из опасения, что кардиналы допустят избрание одного из сообщников Бонифация или произведут выборы совместно с этими отлученными». В то же время он писал: «Верховный понтифик — всего лишь человек, подверженный заблуждению. Если, за наши грехи, Святой престол захватит какой-нибудь антихрист, ему надо будет противостоять. Долг законного папы — испытывать признательность поборникам веры, сражавшимся за церковь с волком, который вырядился пастухом; в противном случае он оказывается заодно с преступником — он еретик, как и тот...» И в его «*Allegationes excusatoriae*» [Оправдательных записках], самом примечательном документе, составленном им в свою защиту, говорится: «Папа Бенедикт посетовал, что в Ананьи разграбили казну Бонифация; лучше бы он пожалел о том, что эту казну собрали дурными средствами. Он спешно начал против меня процесс, необдуманно, в незаконной форме... Пусть наконец созовут вселенский собор, чтобы воздать должное памяти Бонифация и его клики. Я готов предъявить им иск, а пока что, так как в папской курии есть

бонифацианцы, питающие ко мне враждебность за мое рвение в защите Иисуса Христа, я не признаю их суда. Я не называю их — их вполне уличает их распущенность; но я их назову — я покажу, что в приверженцах бонифацианской схизмы воскресла порочная душа Бонифация...» Таким образом, над головой будущего папы и над конклавом, подобно мечу, нависла угроза суда над памятью Бонифация и над бонифацианцами. Ничто не могло сильнее повлиять на выборщиков в Перудже.

Конклав в Перудже

Тем временем между городком в Умбрии, где совещались кардиналы, и французским двором сновали гонцы с сообщениями. «Король, — пишет один хронист, — поручил Пьетро Колонна обещать взятки». В апреле 1305 г. в Перудже появились три советника французского короля: Муш, Итье де Нантёй — приор госпитальеров во Франции и магистр Жоффруа дю Плесси, протонотарий Франции. 14 апреля муниципальные магистраты предупредили их, что в Перудже говорят: мол, они приехали, чтобы чернить память Бонифация и добиться отвода кардиналов, назначенных этим папой; посланцы ответили: они прибыли ради блага вселенской церкви, в интересах города и перуджинцев, чтобы римской церкви наконец был дарован пастьер. Разумеется, они повели энергичную борьбу с представителями рода Гаэтани.

Избрание Бертрана де Го, архиепископа Бордоского

5 июня 1305 г. был избран Бертран де Го, принявший имя Климента V. Чтобы объяснить этот выбор, Виллани в своей «Истории Флоренции»

рассказывает следующий анекдот. Сторонники и противники Бонифация якобы решили, устав от войны, что бонифацианцы составят список из трех «пригодных в папы» лиц, не живущих в Италии и не входящих в Священную коллегию; та из этих трех особ, на которую укажет противоположная группировка, и будет единогласно избрана. Бертран де Го попал в список бонифацианцев потому, что считался сторонником Бонифация, другом Эдуарда Английского и врагом Карла Валуа. Филипп, предупрежденный кардиналом да Прато, якобы поспешил назначить архиепископу свидание и на встрече в окрестностях Сен-Жан-д'Анжели пообещал ему обеспечить избрание на определенных условиях. Но маршруты передвижений архиепископа Бордоского и короля Франции в мае 1305 г., к которому Виллани отнес встречу в Сен-Жан-д'Анжели, известны; судя по ним, архиепископ и король не встречались, и, следовательно, флорентийский хронист был плохо осведомлен, по меньшей мере отчасти. Однако можно ли поверить, что перед выборами в Перудже не было переговоров, примирения и заключения союза между архиепископом и королем? Если бы французский двор, агенты которого определенно оказывали нажим на решения конклава, не указал на Бертрана де Го, кардиналы никогда бы не подумали извлекать из небытия этого безвестного гасконского прелата. С другой стороны, поведение Бертрана-папы подтверждает гипотезу, столь правдоподобную, что Бертран-кандидат согласился повиноваться Франции. В общем, сделки имели место, и эти сделки, не оставившие следов, повлекли за собой для папства «вавилонское пленение».

Виллани пишет, что одной из статей договора, заключенного между королем и будущим понтификом на мнимой встрече в Сен-Жан-д'Анжели, было осуждение актов Бонифация. В одном письме, написанном в 1311 г., Филипп напоминает Клименту, что беседовал с ним об этом деле в Лионе, в ноябре 1305 г. Во время второй встречи между папой и королем в Пуатье, в июле 1308 г., в числе требований, какие формулировал Филипп, еще числились открытие процесса против Бонифация, канонизация Целестина V и отпущение грехов Ногаре²⁵. То есть избрание клеврета Франции не привело даже к тому, чтобы против памяти Бонифация начался судебный процесс, какой Ногаре грозился возбудить при Бенедикте XI. Ужасный процесс, скандальности которого папская курия неизбежно желала избежать любой ценой. Действительно, речь шла о том, чтобы путем расследования подтвердить перед лицом всего

---

²⁵ С 1305 г. Ногаре не переставал призывать короля заняться этими вопросами. Например, в 1305 г. он писал: «Вы взяли на себя защиту веры и церкви от Бонифация перед лицом мира. Опасайтесь от нее отступить. Позвольте мне действовать. Надо, чтобы ересь Бонифация была уличена до созыва вселенского собора. Те, кто говорит вам, что это трудно само по себе, невозможно из-за войн и злой воли папы, не пекутся о вашей чести. Вспомните, что лицемеры отвратительны Богу... *Qui fingit religionem et Dei zelum, ubi non est, ipocrita est, et oportet quod talis a Domino neccessario confundatur...* [Тот, кто изображает набожность и усердие в служении Богу, не имея таковых, — лицемер и как таковой будет неизбежно покаран Богом (*лат.*)]» (*Holtzmann R. Wilhelm von Nogaret. Freiburg im Breisgau: J. C. B. Mohr, 1898. S. 253.*)

мира справедливость обвинений насчет нравов и правоверности Бонифация, обвинений, которые в июне 1303 г. зачитал Гильом де Плезиан. А ведь Ногаре считался мастером в делах такого рода: было известно, что он ловко подбирал свидетелей, разоблачая сколь угодно гнусные преступления. Сам Климент V, сколь бы в малой степени он ни был римлянином, предвидя «отвратительную наготу, какую обнаружит грубая рука прокуроров, привыкших рыться в нечистотах», должен был опасаться «грязи их воображения, непристойности их речи»²⁶.

Климент V отпускает грехи противникам Бонифация

Этот процесс был для Ногаре средством добиться от преемника Бенедикта XI отпущения грехов, в котором ему отказал Бенедикт XI, а для короля — оружием. Если Климент покажет себя послушным, этого оружия не коснутся. Если он проявит колебания, не спеша угодить, это оружие извлекут из ножен. С 1306 по 1311 г. враг семьи Гаттани пользовался им ловко. Если в 1311 г. он наконец отказался от требования выкопать прах Бонифация, чтобы сжечь его кости, это произошло после того, как он добился расследования (начавшегося 16 марта 1310 г.), насытился позором курии, извалял в грязи все самое святое и продиктовал папе письмо, официально оправдывающее участников инцидента в Ананьи.

Булла «*Rex gloriae virtutum*» (от 27 апреля 1311 г.), местом выпуска которой указан Авиньон

---

²⁶ *Renan E. Guillaume de Nogaret, légiste // Histoire littéraire de la France. 1877 (27). P. 332.*

и которая отменяла и повелевала вычеркнуть из реестров римской церкви отлучения, приговоры и т. д., произнесенные Бонифацием и Бенедиктом после Дня Всех Святых 1300 г. против короля, королевства, апеллянтов к вселенскому собору и др., похоже, была подготовлена лично Ногаре. Другая булла за тот же день провозглашала, что папа больше не примет никакого акта, где будет порицаться усердие Филиппа в деле Бонифация: «Это усердие, — писал Климент V, — было похвальным, *nos bonum pronunciamus atque justum*» [мы его объявляем добрым и справедливым (лат.)]. *Zelum bonum atque justum* [доброе и справедливое усердие (лат.)] — таким было суждение папы о поведении короля во время Распри; то, что король делал, он делал, свидетельствует Климент V, ради защиты церкви, как поборник веры. Одобрение стократ более болезненное для папства, чем символическая пощечина Шарры.

Глава III

Филипп Красивый и Климент V. Дело тамплиеров

I. Орден Храма в начале XIV в. — II. Предпосылки процесса тамплиеров. — III. Процесс тамплиеров. Первая стадия, до лета 1308 г. — IV. Процесс тамплиеров. Вторая стадия, до Вьеннского собора. — V. Орден перед Вьеннским собором. — VI. Эпилог дела тамплиеров

Бертран де Го производил пастырский обезд Пуату, когда узнал, что он — папа. Вместо того чтобы ехать в Италию, он назначил встречу кардиналам в Лионе. Его коронация состоялась 14 ноября 1305 г. в церкви Сен-Жюст; папского парадного коня вел под уздцы король Франции; но во время шествия произошел несчастный случай, выглядевший дурным знаком, — рухнула стена; папа был сброшен наземь, из его тиары выпал карбункул, брат короля Карл Валуа был ранен, а граф Бретонский, кардинал Маттео Орсини и брат Климента V получили смертельные ранения.

В ноябре 1305 г. в Лионе люди короля и начали знакомить нового папу со своими требованиями. Климент назначил разом десять кардиналов, в том числе девять французов (или скорей гасконцев, членов или друзей дома Го), что сократило итальянский элемент в Священной коллегии, сделав итальянцев меньшинством. Его благосклонность к французскому двору в политической и финансовой сферах с самого начала была почти безграничной. Наконец, начались переговоры о крупном и таинственном деле, мысли о котором с тех пор неотступно преследовали Ногаре и ему подобных.

I. Орден Храма в начале XIV в.

Орден Храма

Орден Храма был основан после первого крестового похода. Первый магистр, Гуго де Пейн, хотел сделать этих «бедных рыцарей Христа» жандармерией Палестины. Он расположил их резиденцию по соседству с Иерусалимским храмом (Temple), из-за чего и появилось название «тамплиеры». На соборе в Труа в 1128 г. они получили краткий и суровый устав, продиктованный, говорят, святым Бернаром; там предусматривались все детали образа жизни монахов-воинов: пусть их доспехи будут прочными, но простыми; на стременах и шпорах не должно быть ни золота, ни серебра; поверх кольчуги они должны носить форменный плащ, белый у рыцарей, черный или рыжеватый у сержантов и оруженосцев; позже Евгений III добавил к белому плащу красный крест. Пусть они хорошо едят — им надо быть сильными; «неумеренное воздержание» запрещалось. Орден предоставит своим членам все необходимое, но пусть ничего своего у них не будет.

Короче говоря, жизнь первых тамплиеров была комфортной, активной, подчиненной дисциплине, предполагала очень мало мистики — это была жизнь людей грубых, набожных и простодушных.

Организация тамплиеров быстро развивалась. Они получили обширные владения в Азии и Европе; были возведены бесчисленные «тампли». Сформировалась иерархия: на службе у рыцарей появилась целая клиентела из лиц, вошедших в состав ордена, сержантов и капелланов, солдат и священников; у ордена теперь были свои войска и свое духовенство, свои совещательные собрания, или капитулы. Наконец, Святой престол осыпал тамплиеров, как позже нищенствующих монахов, всеми духовными милостями: булла «*Omne datum optimum*» от 15 июня 1163 г. отвела тамплиерам привилегированное место в составе церкви.

Таким образом, с середины XII в. судьба ордена отчасти раздвоилась. Он оставался на Востоке, в авангарде христианских армий, где иногда сражался с исламом — более осмотрительно, нежели энергично. На Западе, и прежде всего во Франции, в Англии, в Арагоне, в Португалии и на берегах Рейна, тамплиеры были крупными землевладельцами. Но этого было недостаточно, чтобы им не осталось равных. Получая не столь большие субсидии, как цистерцианцы и, может быть, даже госпитальеры, они сделали казначеями, банкирами христианского мира.

Финансовые операции тамплиеров

Орден всегда проявлял практические наклонности, расчетливость; тамплиеры были превосходными администраторами; их монастыри представляли собой неприступные здания, выстроенные как крепости. Все это объясняет, почему «тампли» внушали доверие обладателям капиталов. У королей,

князей и даже у частных лиц вошло в обычай воспринимать казначейства тамплиеров как кассы, куда они безопасно могли класть на текущий счет значительные суммы. Рыцари, в свою очередь, догадались извлекать доход из денег вкладчиков, вместо того чтобы оставлять их недвижно лежать в сундуках. Они открывали кредиты платежеспособным лицам, брали на себя переправку крупных сумм из одного центра торговли в другой — либо физически, караванами под охраной, либо при помощи переписки и безналичных переводов между своими «домами» в разных странах. Тем самым они создавали конкуренцию евреям и ломбардцам.

Высокая репутация их бухгалтерии скоро позволила им расширить сферу своей финансовой деятельности и производить по доверенности королей, князей и сеньоров — их клиентов — самые сложные казначейские операции¹. В XIII в. «Тампли» Парижа и Лондона — огороженные и укрепленные владения, давшие названия кварталам этих столиц, — были публичными кредитными заведениями. Именно тамплиерам папы обычно доверяли собирать средства для святого Петра или крестового похода и распоряжаться ими. Тамплиеры Парижа были банкирами Бланки Кастильской, Альфонса де Пуатье, Робера д'Артуа и массы прочих лиц. Иоанн Безземельный и Генрих III вкладывали поступления от сбора публичных налогов в лондонский Тамплъ. Орден дал министров и финансистов Хайме I, королю Арагона, и Карлу I, королю

---

¹ *Delisle L. Mémoire sur les opérations financières des Templiers // Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1889 (33/2). P. 1–94.*

Неаполя. Более века, с царствования Филиппа Августа до Филиппа Красивого, казначейство парижского Тампля было центром управления финансами для французской королевской власти.

Положение ордена в конце XIII в.

Орден грубых солдат не мог превратиться в великолепную республику, богатую землями и привилегиями, еще более разбогатевшую за счет торговли ценными металлами и за счет кредита, кредитующую пап и королей, не портясь и не вызывая недоброжелательства. К концу века Людовика Святого у этого ордена (как, впрочем, и у большинства других) были враги и пороки.

Упреки: алчность

Главным упреком, какой адресовали рыцарям Храма, был упрек в алчности. «Каждый из вас, — сказал им кардинал Жак де Витри, — дал обет не обладать ничем лично, но в совокупности вы хотите иметь все». Для объяснения их богатства слагались легенды. Говорили, что они спекулировали зерном, что они морили народ голодом. Ходил слух, что в день вступления в орден они обещают увеличивать имущество общины всеми способами, даже незаконными. Этим сказкам и другим, более абсурдным, в низах общества легко верили. Что касается князей и королей, то историки нового времени сочли, что те видели и имели основание видеть опасность для своей власти в нескончаемом разрастании богатств и клиентелы ордена, в его «непомерном могуществе, международном, которое тормозило удовлетворение первой потребности времени — в формировании государства», словно бы тамплиеры были тогда в со-

стоянии основать, в ущерб королевствам Запада, клерикальные республики, подобные республикам тевтонских рыцарей в Германии или иезуитов в Парагвае. Но эта гипотеза ни на чем не основана. Численность всего ордена, простиравшегося от Ирландии до Сирии, не превышала 15 тыс. рыцарей или сержантов, треть которых жила во Франции; он никогда и нигде не проявлял ни малейших поползновений заняться политической деятельностью. Он не представлял опасности ни для кого; но его гордости и богатства было достаточно, чтобы все его возненавидели, — и те, кто завидовал ему в низах, и государи, которым он оказывал услуги, и духовенство местных церквей, питавшее естественную вражду к братствам, получившим привилегии от Рима, и сами папы. Климент IV в 1265 г. напоминал тамплиерам, что без материнского покровительства римской церкви они не могли бы долго противостоять «общественному озлоблению, которое бы обрушилось на них».

Гордыня

Такая гордыня и правда не очень подобала организации, которая после потери последних христианских крепостей в Сирии утратила смысл существования. Акра, последний порт латинского христианства в Азии, пала в 1291 г.; и хотя магистр ордена Храма Гильом де Божё был убит на стенах вместе с пятью сотнями своих рыцарей, эта катастрофа, несомненно, укрепила в Европе презрение к военным орденам. Уже сто лет как Запад, удрученный постоянными неудачами борцов за правое дело в заморских землях, привык приписывать эти неудачи упадку тамплиеров и госпитальеров, их сварам и даже предательству. Рассказывали, что

магистр Гильом де Божё, герой Акры, был другом сарацин и что «орден долгое время пользовался покровительством султана».

Пороки

Итак, против рыцарей накопились стойкие предубеждения. А ведь тамплиеры не были достаточно добродетельными, чтобы отбить у всех охоту их чернить. В рядах ордена было немало братьев сомнительной нравственности. Многие обладали пороками монахов, так что во Франции и поныне говорят «пить как тамплиер», а старинное немецкое слово *Tempelhaus* означает «дом, пользующийся дурной славой». Представляется бесспорным, что у себя в монастырях тамплиеры иногда развлекались казарменными шутками. И не исключено, что в ордене встречались отдельные вольнодумцы, находившие удовольствие в том, чтобы шокировать обывателей показным цинизмом. Что следовало думать, слыша от таких защитников Христа, как один бургундский рыцарь (если эти слова и вправду были произнесены): «Отречение от Иисуса обходится без последствий, в моей стране от него сто раз отрекаются ради блохи», или как этот рыцарь из Англии: «Верования язычников вполне стоят наших». Все это принимали за чистую монету, раздували, обобщали, и прочно укоренялось представление, что за время долгого пребывания на родине ересей и ислама орден усвоил дьявольские доктрины.

Тайны

Кстати, подозрения усугубляло одно злополучное обстоятельство. Ведь все дела Храма велись в строжайшем секрете. Устав, столь прекрасный,

столь чистый, существовал лишь в малом количестве экземпляров; читать его полагалось только сановникам; многие тамплиеры так никогда с ним и не познакомились. Рауль де Прель, адвокат короля, как-то услышал от ректора ланского Тампля, что у того есть секретная книга уставов ордена, которую он не намерен показывать никому. «У нас есть статьи, — якобы сказал другой тамплиер, — которые могут знать только Бог, дьявол и мы, орденские братья». Сам устав рекомендовал держать в тайне собрания капитулов. А ведь здравый смысл простонародья всегда будет считать: если таятся, значит, есть что скрывать. Тамплиеры проводили свои капитулы, и особенно капитулы, на которых принимали новых членов, ночью, в закрытом зале, охраняемом часовыми. «Эти приемы вызывали подозрения, — пишет свидетель, — ибо дело выглядело так, что их участники не желают разглашения того, что там происходит». Когда следователи спросили у прецептора Оверни, зачем действовали втайне, если ничего плохого не делали, он ответил: «По глупости». В самом деле, это была ошибка, которую еще усугубляли те, кто из бравады давал понять непосвященным: «Братья убьют кого угодно, хоть короля, если обнаружат у себя на капитулах». Те, кто рискнул или утверждал, что рискнул заглянуть в щели капитулярных залов Храма, возвращались с ужасающими рассказами: они видели неопишуемые оргии, сцены идолопоклонства и разврата, «пол, истоптанный, как после шабаша». Короче говоря, общественное мнение было готово поверить чему угодно насчет ордена Храма.

Планы реформирования военных орденов

Тем не менее в XIII в. слухи, враждебные Храму, распространялись почти исключительно в низших слоях общества; столь же нелестные сказки там рассказывали и о госпитальерах, хотя их устав совсем не был секретным и финансистами они не были. Но наиболее просвещенные люди, со своей стороны, признавали необходимость реформирования военных орденов. Людовик Святой, Григорий X, вселенский собор в Лионе в 1274 г. советовали в качестве средства для этого слияние Храма и Госпиталя воедино. Николай IV и Бонифаций VIII обдумывали эту меру, не осуществив ее; двадцать пять лет она стояла на повестке дня в числе вопросов, занимавших христианскую Европу. В 1306–1307 гг., незадолго до начала процессов, которые приведут к уничтожению Храма, на эту тему еще были составлены две записки. Автором одной из них был Жак де Моле, магистр ордена Храма; он оспаривал одновременно необходимость и своевременность слияния, но не приводил аргументов против, разве что указывал, что неудобства, вызванные новым состоянием вещей, будут превосходить ожидаемые выгоды. Вторую написал Пьер Дюбуа, легист из Кутанса. Дюбуа не делал никаких намеков на все рассказы насчет тамплиеров. Он ограничивался замечанием, что они богаты и что их имущество мало используется для защиты святых мест. «Нет ничего проще, чем исправить эту ситуацию, — писал он. — Надо заставить их жить на Востоке за счет имущества, какими они там владеют; пусть больше в Европе не будет ни тамплиеров, ни госпитальеров. Что касается их земель по

эту сторону Средиземного моря, они будут переданы в аренду знати. Это даст более 800 тыс. турецких ливров в год, которые будут использоваться для покупки кораблей, продуктов питания и экипировки, так что за море смогут поехать и самые бедные. Приораты и командорства в Европе найдут применение: там разместят школы для мальчиков и девочек, стремящихся в крестовые походы, и там будут учить одновременно механическим искусствам, медицине, астрономии и восточным языкам...» Как видно, этот план сводится к двум основным предложениям: избавиться в Европе от тамплиеров и конфисковать их владения. Эти планы памфлетиста интересны как симптомы. В момент, когда народ был склонен верить во что угодно, люди короля, которым не хватало денег и которые только что набили руку на акциях против Бонифация и евреев, были готовы на все.

II. Предпосылки процесса тамплиеров

Филипп Красивый и тамплиеры до октября 1307 г.

В истории отношений Филиппа Красивого с тамплиерами в первой части царствования нет знаков, предвещавших чувства, которые внезапно обнаружила западня, устроенная в октябре 1307 г. Напротив, в 1303 и 1304 гг. Филипп вознаграждал орден Храма за моральную поддержку в распре с Бонифацием охранными грамотами и привилегиями. Королевская казна, изъятая из Тампля в 1295 г., в 1303 г. была вновь помещена туда. Правда, рассказывают, что, когда в Париже в 1306 г. случилось возмущение, бунтовщики осадили крепость Тампля, «где тогда находился король с некоторыми из своих баронов». Это происшествие породило легенду. Историки писали, что «тамплиеры были взяты на заметку как пособники этого мятежа» и что король, «получив возможность во время пребывания в стенах Тампля оценить богатства и могущество рыцарей», с тех пор задумал их погубить. Но король и его люди не нуждались в таком инциденте, чтобы составить себе представление о ресурсах Храма.

Факт тот, что неизвестно ни почему, ни как, ни когда при французском дворе зародился замысел уничтожить орден Храма. Флорентийский хронист Виллани рассказывает, что один тамплиер, «приор Монфокона», и Ноффо Деи, купец из Флоренции, люди с дурной репутацией, находясь в тюрьме в Тулузе, задумали вернуть себе свободу, изобличив перед королевскими чиновниками обычаи тамплиеров. С другой стороны, капеллан Урбана V, писавший около 1365 г., сообщает, что один тамплиер, которого на следующий день должны были казнить за преступления, исповедовался в королевской тюрьме Тулузы перед одним из сокамерников по имени Эскью, родом из Безье, рассказав о том, что происходит в его ордене; Эскью якобы поспешил донести об этом королю². Определенно можно сказать лишь одно: люди из окружения короля замыслили нанести удар по тамплиерам с 1305 г. Они говорили об этом с Климентом V на встрече в Лионе. В 1306 г. между французским двором и курией на этот предмет шла тайная переписка, не оставившая следов. Весной 1307 г. Филипп добивался от папы назначения встречи с ним: дело тамплиеров принадлежало к числу тех, которые следовало обсудить.

---

² Еще одна версия, столь же мало достойная доверия, содержится в «Деяниях киприотов» (*Les gestes des Chiprois: recueil de chroniques françaises écrites en Orient aux XIIIe et XIVe siècles*. Genève: J.-G. Fick, 1887. P. 329): Жак де Моле якобы сместил казначея парижского Тампля, слишком услужливого по отношению к Филиппу Красивому, и ответил «иначе, чем должен был, на просьбу такого человека, как король».

Жак де Моле во Франции

Великий магистр ордена Храма Жак де Моле как раз только что приехал во Францию с Востока с «дружиной» из шестидесяти рыцарей по приглашению папы, чтобы известить его о том, что происходит на Святой земле. Его приезд вызвал бесчисленные комментарии: говорили, что великий магистр собирается разместить свой штаб на Западе, что он привез в багаже огромные сокровища и т. п. Климент V, несомненно, знавший, чего хочет от него король, колебался, что выглядело жалко. Его письма внушают сострадание: он болен, он извиняется за мигрени и кровопускания. Наконец, встреча произошла — в Пуатье. «Вы не забыли, — писал Климент V 24 августа 1307 г., — что в Пуатье вы нам несколько раз говорили о тамплиерах. Мы не решались поверить в то, что нам было сказано на эту тему, настолько это казалось невозможным. Тем не менее нам пришлось усомниться и поискать сведения, по совету наших братьев (кардиналов), с великим беспокойством в душе. Ввиду того, что магистр и несколько прецепторов ордена, узнав о дурном мнении, какое вы высказали о них нам и некоторым государям, попросили нас провести расследование преступлений, которые, по их словам, приписали им ложно, мы и в самом деле решили начать следствие». Таким было положение вещей в конце августа 1307 г.: папа, некоторые монархи, сами вожди тамплиеров знали, что нечто затевается; чудовищный набор клеветнических измышлений, который Ногаре предъявит позже, уже был собран; папа изъявил готовность начать расследование предъявленных обвинений.

Климент V утомил Филиппа своими увертками. Еще в конце письма от 24 августа он просил короля не спешить отвечать насчет задуманного следствия, «потому что, по совету наших медиков, мы намереваемся принять несколько подготовительных снадобий, а потом, в сентябре, очистить себе желудок, что будет нам весьма полезно».

Западня, устроенная в октябре 1307 г.

А ведь пока папа надеялся, как ребенок, затянуть время, сидя дома, король, обосновавшись в аббатстве Мобюиссон близ Понтуаза, готовил со своими советниками сокрушительные действия. Один доминиканец, преподаватель богословия в Парижском университете, в октябре сообщил королю Арагона, что «полгода назад присутствовал на собраниях, где в строжайшей тайне обсуждался вопрос тамплиеров». Королевский совет, похоже, сначала раскололся; но партия сторонников насилия взяла верх. «В 1307 году, 22 сентября, — пишет составитель одного из реестров Сокровищницы хартий, — когда король находился в монастыре Мобюиссон, печати были доверены сеньору Гильому де Ногаре, рыцарю; в тот же день договорились об аресте тамплиеров». В Мобюиссоне еще можно увидеть руины здания, где происходило заседание 22 сентября, предавшее судьбу тамплиеров в безжалостные руки Ногаре. Рыцари в то время ни о чем не подозревали. Жак де Моле ушел от папы полностью успокоенным, в убеждении, что он оправдал свой орден. 12 октября в Париже он присутствовал на похоронах графини Валуа, как и король. Но на следующий день Моле и все тамплиеры Франции были арестованы,

II. Предпосылки процесса тамплиеров

в один и тот же час, и имущества ордена изъяты, именем инквизиции, с обвинением в ереси. Ногаре подготовил эту облаву, разослав всем королевским чиновникам приказы в запечатанных конвертах, которые следовало открыть в день, указанный в других письмах — патентах. Инквизитор Франции Гильом Парижский, исповедник короля, в свою очередь послал инструкции всем доминиканским приорам, предписав им принять и допросить как можно быстрее тамплиеров, которых к ним доставят. Ни один из рыцарей не оказал сопротивления; разве что некоторым удалось бежать, «в цветных одеждах». Тех, кто проживал в центральном Тампле Парижа, арестовать пожелал лично Ногаре.

Тем самым инквизиция, учрежденная для истребления ереси, стала во Франции, как и в Италии, инструментом для уничтожения тех, кто навлек на себя немилость или гнев светской власти. 8 декабря 1301 г. Филипп Красивый, которого предупредили о злоупотреблениях инквизиторов в Лангедоке, писал епископу Тулузскому: «Под прикрытием законных кар они осмеливались на совершенно незаконные действия, под видом благочестия — на нечестивые поступки, под предлогом защиты католической веры совершали преступления». Теперь по наущению Ногаре он сам обратился к непреклонной процедуре Святой инквизиции. И не по вине того, кого в 1307 г. сделали хранителем печатей, политическая инквизиция в духе южных стран, гвельфских князей Италии и «католических королей» Испании, во Франции не прижилась.

III. Процесс тамплиеров. Первая стадия, до лета 1308 г.

Королевский манифест против тамплиеров

Что за документом стало воззвание, зачитанное народу в оправдание массовых арестов 13 октября! Автором его был Ногаре, тот самый сын альбигойца, всегда готовый оклеветать противников, обвинив их в ереси. Оно начинается трескучим, громоздким, напыщенным вступлением: «Горестная весть, прискорбная весть, весть, о которой страшно подумать, которую страшно слышать, отвратительная, мерзкая, гнусная, бесчеловечная, уже донеслась до наших ушей, заставив нас содрогнуться от неистового ужаса. Сильнейшую боль внушает нам совершение столь многочисленных и столь жестоких преступлений, повлекших за собой оскорбление божьего величия, урон для короля, общее негодование. Когда люди выходят за пределы, какие положены природой, наш разум от этого страдает; его помрачает зрелище племени, забывшего о своем положении, не ведающего своего достоинства, не понимающего, где находится честь». Автор манифеста долго продолжал в этом тоне, используя красочные обороты, вгоняющие в дрожь: «Оно покинуло источник жизни, оно по-

меняло свою славу на поклонение Тельцу, оно принесло жертвы идолам, это низкое и коварное племя, отвратительные деяния и даже слова которого пятнают землю их нечистотами, отравляют чистоту воздуха». Наконец, он уточнял и после стольких ораторских приемов вкратце излагал грязные обвинения, собранные королевским правительством против братьев Храма, которые, «пряча волка под внешностью агнца, во второй раз терзают Иисуса Христа». Он их, в частности, обвинял в том, что они обязались, дав обеты, отречься от Христа и предаться меж собой мерзкому распутству. Несомненно, у него хватило дерзости представить эти преступления статьями внутреннего устава монашеского ордена, но Ногаре безгранично верил в могущество лжи. Впрочем, он поспешил заявить, что король поначалу приписал эти разоблачения скорее «зависти, ненависти, алчности», чем «пылкости веры», «усердному стремлению к справедливости» или «чувству милосердия», но потом был вынужден признать «прочные основания для доверия», правдоподобные догадки и, главное, «установленные факты». Попросив совета у папы, король посоветовался со своими прелатами и баронами, и вот почему он теперь уступает «мольбам своего возлюбленного во Христе брата Гильома Парижского, инквизитора ереси», который внезапно воззвал о помощи светской руки.

Согласие (мнимое) папы и инициатива инквизитора (к выдвижению которой его подтолкнули) должны были с правовой точки зрения оправдать арест, конфискацию и все меры, какие собирались принять дальше. В результате проявление произвола превращалось в благочестивое деяние. «Гнев Божий, — заключал Ногаре от имени короля, — па-

дет на этих сынов неверия, ибо мы поставлены Богом на высокий пост королевского величия ради защиты веры и свободы церкви».

Эту высокопарную речь публично читали в провинции. В Париже в воскресенье 15 октября состоялся народный «митинг» в садах королевского дворца; это было «новое издание» публичного собрания 1303 г., направленного против Бонифация. Доминиканцы, люди короля, развивали там тему, заданную официальным циркуляром.

Секретные инструкции по захвату владений и людей

Циркуляр был рассчитан на широкую аудиторию, но сопровождался конфиденциальной инструкцией короля своим агентам, написанной в лаконичной и решительной манере. Комиссары монарха по делу тамплиеров примут под управление владения ордена, составив их опись; они «возьмут людей под надежную и верную охрану», допросят их, и только после этого первого допроса обратятся к комиссарам инквизитора, чтобы выяснить правду «при помощи пытки, если потребуется». Тех, кто признается, они заставят записать признания. Чтобы добиться признаний, обвиняемым предложат выбирать между прощением и смертью. Их будут допрашивать, говоря общие слова, пока не добьются правды («правды, то есть признаний») и «пока те будут упорствовать».

Тамплиеры перед инквизиторами

Эти инструкции были выполнены буквально. За месяц брат Гильом Парижский и его помощники прислали в Тамплъ 138 узников. Протоколы заседа-

ний и протоколы дознаний, произведенных инквизиторами в Шампани, Нормандии, Керси, Бигорре и Лангедоке, сохранились.

В Париже

Парижские тамплиеры один за другим вступали в низкий зал собственной крепости, представляя перед монахами, которым помогали советники короля (Гуго де ла Сель, Симон де Монтиньи), секретари суда, палачи и которых окружала толпа зрителей, *multi astantes*. Нотариально заверенные отчеты регистрировали только показания; о пытках они умалчивали; но эти предварительные пытки были жестокими, позже жертвы заявили об этом. Жак де Саси видел, как от последствий допросов с пристрастием умерло двадцать пять братьев. Кого не подвергали пыткам, тех держали месяц на хлебе и воде перед приводом в суд. Впрочем, лучшее доказательство интенсивности пыток — это единодушие признаний, от которых почти все обвиняемые отказались, как только сочли, что перед ними беспристрастные судьи. Из 138 братьев, прошедших в Париже через огонь и железо инквизиции, нашлось всего несколько непоколебимых сердец. Таким был Жан, по прозвищу Парижский, двадцати четырех лет; он ни в чем не признался, *nil dixit* [не сказал ничего (лат.)]. Таким был брат Ламбер де Туази, сорока лет; он сказал, что в день приема от него требовали пообещать соблюдать многие обычаи ордена, «святые и благочестивые», и что «ничего прочего он не знал».

Признания сановников ордена

Среди тех, кто сделал признания, были и очень храбрые люди, например магистр Жак де Моле, Гуго де Перо, досмотрщик Франции, и Жоффруа

де Шарне, прецептор Нормандии. Прецептор Нормандии признал, что отрекся от Христа и что прецептор Оверни советовал ему заняться содомией; на вопрос, плевал ли он на крест, он ответил: «Я уже не знаю, мы спешили». Гуго де Перо совсем сдал, признав, что отречение и плевков на крест были предписаны в уставах и что он сам советовал усвоить эти мерзкие обычаи; тем не менее он заявил, что не все братья принимались в орден с выполнением этих отвратительных обрядов, но после перерыва в заседании суда отказался от этого заявления: «Я плохо понял, я недослышал; я вполне верю, что всех братьев принимали так же, как и меня». Что касается Жака де Моле, он признал отречение и плевки. Вот как повели себя три первых сановника ордена. Как не извинить их подчиненных, которые, чтобы угодить своим мучителям, изощрялись в выдумывании вероломств, — Гильома де Жи, рассказавшего о грязных отношениях с великим магистром, Ренье де Ларшана, наводившего инквизиторов на мысль, что в первых словах «псалма степеней» Давида: «*Ecce quam bonum et quam jucundum habitare fratres in unum*» [Как хорошо и как приятно братьям жить вместе (*лат.*)], который тамплиеры пели в день принятия обета, надо искать непристойный намек?

В провинции

Как и парижские, провинциальные инквизиторы выполняли свой долг добросовестно. Они тоже собирали признания. «Адскими мучениями» они заставляли говорить самых строптивых. «Наши братья, — писали в 1310 г. последние защитники ордена, — сказали то, чего хотели палачи, *dixerunt voluntatem torquencium*».

Колебания Климента V

Если бы Ногаре и его сотрудники, доминиканцы Гильома Парижского, не были вынуждены считаться с Климентом V, темницы никогда бы не приоткрыли своих дверей; потомкам стало бы известно лишь завершение судьбы тамплиеров, как случилось со многими другими, представшими перед судами инквизиции. Но Климент V был оскорблен, узнав о налете 13 октября, совершившемся от его имени (или почти что), а на самом деле без его разрешения. Сколь бы низко ни пал этот болезненный папа, он осмелился 27 октября написать королю, чтобы пожаловаться на торопливый, оскорбительный образ действий его людей. Надо было договориться о компромиссе, который будет удовлетворительным одновременно для Святого престола с его чувствительностью и для королевского правительства с его замыслами. 22 ноября, казалось, все уладилось: в послании «*Pastoralis praeeminentiae*» за этот день Климент хвалил рвение Филиппа, сообщал о признаниях вождей ордена, заявлял, что потрясен, если не убежден, и предписывал всем христианским государям хватать тамплиеров своих государств. Однако в начале 1308 г. все переменилось: папа выразил недоверие, осудил поведение инквизиторов и епископов во Франции, приостановил их судебную процедуру, затребовал все дело себе. Орден был бы спасен, если бы глава церкви выдержал эту энергичную линию поведения: тамплиеры уже вновь осмелели — досмотрщик Гуго де Перо, которого оба кардинала, назначенные курией для рассмотрения дела, «пригласили на обед», отрекся от своих признаний. Ногаре увидел угрозу. Он понял: чтобы покончить с Храмом,

сначала надо приструнить Климента. И к кампании против Храма он немедленно добавил кампанию против Климента.

Кампания против Климента

Кампания, направленная в то время против Климента, была одной из самых яростных, какие только происходили. «Пусть папа остерегается, — писал Дюбуа. — Он приверженец симонии; он по кровной привязанности дает бенефиции святой Церкви Божьей близким родственникам; он хуже Бонифация, который не предоставлял столько льгот в обход закона. Надо, чтобы он это прекратил; пусть он не торгует справедливостью. Можно было бы полагать, что тамплиеров, виновных и сознавшихся, он вопреки католическому рвению короля Франции защищает за золото. Моисей, друг Божий, научил нас, как надо вести себя с тамплиерами, когда сказал: „Пусть каждый возьмет свой меч и убьет ближайшего соседа“. Моисей умертвил, в назидание Израилю, двадцать две тысячи человек, не спросив позволения Аарона, которого Бог назначил первосвященником...» Народ был распален пафосными речами такого рода, когда его призвали выбрать депутатов на собрание в Тур, назначенное на май 1308 г. Приглашавшая туда повестка была еще одним творением Ногаре. Там говорилось, что король — прирожденный враг ересей, защитник «несравненного сокровища, драгоценнейшей жемчужины — католической веры». Вновь перечислялись гнусные заблуждения тамплиеров: «Столь великое преступление потрясло небо и землю». Очистить от них мир надлежит французскому народу. «Против столь злодейской чумы должны подняться законы и оружие, даже

звери и четыре стихии... Мы желаем призвать вас к участию в этом деле, вернейшие христиане, и повелеваем вам незамедлительно послать в Тур по два человека, известных крепостью веры, которые от имени своих общин поспособствуют нам в принятии уместных мер».

Вторая встреча в Пуатье (1308 г.)

Климент, на которого нацелили отравленное оружие, уже одолевшее Бонифация, испугался; он вернулся к попыткам примирения, продолжая при этом прибегать ко все новым уверткам и отсрочкам — единственным средствам слабого человека. Наконец, на второй встрече, состоявшейся в Пуатье летом 1308 г., условились, что тамплиеры, до тех пор находившиеся во власти короля, будут переданы папе, который немедленно от имени римской церкви вновь доверит их охрану королевским служащим; владениями будут управлять комиссары, назначенные совместно папой, епархиальными епископами и королем. Что касается преступлений ереси, Климент разделил их на две категории — преступления ордена как такового и частные преступления отдельных членов ордена. Судьбу ордена мог решить только вселенский собор, который должен был собраться в городе Вьенне, в Дофине, в октябре 1310 г., и было назначено несколько комиссаров (в том числе архиепископ Нарбоннский, епископы Байё и Менда), чтобы собрать надлежащие документы для разъяснения этого вопроса собранию. Тем временем следовало вернуться к процессу против конкретных тамплиеров, независимо от процесса против ордена Храма; папа известил об этом епархиальных епископов и инквизиторов. Только великий магистр

и высшие сановники персонально подлежали непосредственному суду Святого престола.

После заключения этого пакта, предрешившего судьбу ордена Храма и тамплиеров, состоялась отвратительная комедия. Перед папой и Священной коллегией предстали семьдесят два рыцаря, выведенных из парижских тюрем, сломленных пытками, выбранных из числа трусов, которые были готовы настаивать на своих признаниях. Похоже, люди короля, уже вынудившие Климента стать их сообщником, в придачу рассчитывали убедить его.

IV. Процесс тамплиеров. Вторая стадия, до Вьеннского собора

Тамплиеры перед следователями

Оба процесса шли параллельно с осени 1308 г. во всем христианском мире. Повсюду, до самых дальних земель Ахеи, Балеарских островов и Сардинии, создавались епископские суды, чтобы изучать личные дела тамплиеров. Европейский епископат был занят этим до самой весны 1310 г. В то же время начался процесс против ордена: 9 августа 1309 г. папская комиссия, собравшаяся в аббатстве Сент-Женевьев в Париже, оповестила, что сформирована и готова заслушивать свидетельства всех. Но советники короля смотрели с недоверием на это сообщество умеренных, сравнительно независимых людей, подстрахованное авторитетом Святого престола, враждебно относившееся к допросам с пристрастием. Похоже, они намеревались оставлять ему свободу действий только при гарантии, что сохранят над ним контроль. В реальности судебные заседания начались только 26 ноября. Из протоколов этих заседаний наглядней всего можно понять душевное состояние «бедных рыцарей Храма» с их прискорбной наивностью, которые впервые после ареста были почти свободны, получив возможность общаться

со внешне доброжелательными собеседниками, не опасаясь в любой момент кандалов и дыбы, воронки и жаровни.

Жак де Моле является в суд

Первое заседание, 26 ноября, было отмечено характерной сценой. В тот день комиссары, сидевшие в комнате епископства Парижского, за *aula episcopalis* [епископским залом (*лат.*)], выслушали великого магистра Жака де Моле по его просьбе. Его спросили, хочет ли он «защищать орден», считает ли его виновным или нет. «Я не столь мудр, — ответил он, — как следовало бы; однако я готов защищать орден всеми силами и был бы весьма низким человеком, если бы не сделал этого, получив от него столько благ и почестей. Но мне трудно защищать его должным образом в положении, в каком я нахожусь, — будучи пленником папы и короля, не имея и четырех денье, которые мог бы потратить по своей воле! Поэтому я прошу помощи и совета, ибо хочу, чтобы истина выяснилась, и не только у самих тамплиеров, но и у королей, князей, прелатов и баронов, хотя, признаю, члены ордена не раз бывали слишком непреклонны по отношению к некоторым прелатам, отстаивая свои права³. Я полагаюсь на свидетельства этих достойных людей». Комиссары, несколько изумленные, немедленно выказали дух, какой ими руководил, двучинную пристрастность: «Осторожней, задумайтесь, вспомните о признаниях, какие вы уже сделали! Мы готовы выслушать вас, если вы настаиваете на том, чтобы защищать орден, и предоставить вам отсрочку, если вы хотите

---

³ Моле произносил эту речь перед прелатами.

размышлять дальше. Мы только напоминаем вам, что по вопросам ереси и веры судебные дела ведут просто, *de plano* [не внося в заседание (*лат.*)] и без спора адвокатов». Они явно не хотели, чтобы Моле выступил защитником ордена. Видя, что их призывы к осмотрительности заставили его колебаться, они велели зачитать ему и перевести на разговорный язык пять-шесть официальных документов, в том числе список признаний, которые уполномоченные римской курии ранее услышали или утверждали, что услышали из его уст в период второй встречи в Пуатье. Во время этого чтения Моле проявлял признаки сильного удивления и дважды перекрестился, сказав: «Если господа комиссары слышали некоторые слова, видимо, им эти слова говорили на ухо». — «Мы здесь не затем, чтобы принимать вызовы на поединок». — «Я имел в виду не это, но дай Бог, чтобы здесь соблюли обычай сарацин, которые отрубая голову порочному человеку, раскалывая ее посередине». — «Вспомните, — бросил один из комиссаров, не отвечая на эту реплику, — что упорствующих римская церковь передает светской руке». Моле, у которого аргументы кончились, посмотрел в глубь зала. Он заметил там рыцаря французского короля — Гильома де Плезиана, помощника Ногаре, явившегося сюда без согласия комиссаров, чтобы держать под контролем их расследование и добычу своего господина. Моле попросил его о беседе с глазу на глаз. «Вы знаете, как я вас люблю! — сказал Гильом. — Мы оба рыцари. Я не хочу, чтобы вы безрассудно погубили себя». И нерешительный тамплиер, обманутый этими лживыми заверениями, ответил: «Я хорошо понимаю, что, не подумав, мог бы оказаться в опасности». После этого

он попросил комиссию об отсрочке на двенадцать дней. Комиссары с удовольствием предоставили бы и больший срок, убежденные, что чем больше времени будет у людей короля на то, чтобы обработать узника, тем верней эти люди подавят его волю.

Он соглашается не «защищать орден»

Через несколько дней великий магистр вновь предстал перед следователями, почти сломленный. Для начала он поблагодарил комиссию за отсрочку, которую она ему предоставила. После этого ему вновь задали вопрос: «Вы хотите защищать орден?» — «Я, — сказал он, — бедный неграмотный рыцарь. В одном из апостольских посланий, зачитанных мне на днях, я услышал, что государь папа намерен судить меня, вместе с несколькими сановниками ордена, собственным судом. В том состоянии, в каком я нахожусь, я предпочитаю воздержаться. Я явлюсь пред лицом папы, когда папе будет угодно. Но прошу вас сообщить ему, что, будучи смертным и уверенным только в настоящем мгновении, я желал бы, чтобы он соблаговолил выслушать меня как можно скорей. Только тогда я скажу то, что мог бы сказать ради чести Христа и церкви». Казалось, этот ответ значит, что все закончено; но, когда великий магистр уже уходил, он вдруг не выдержал — остановился и повернулся к суду: «Тем не менее, чтобы очистить совесть, хочу сказать об ордене три вещи: во-первых, я не знаю религии [ордена], где капеллы и церкви были бы украшены прекрасней, чем в ордене Храма; разве что в соборах происходят более богатые богослужения. Во-вторых, я не знаю религии, где щедрей

бы подавали милостыню, ибо во всех домах ордена ее подают трижды в неделю любому, кто попросит. В-третьих, нет людей, проливших столько крови за христианскую веру, сколько ее пролили тамплиеры, и которых бы более боялись неверные. При Мансуре граф д'Артуа поставил тамплиеров в авангард и положился на них...» — Тут его прервали: «Все это никак не служит спасению, если нет веры». — «Это правда, — сказал Моле, — но я верую в Бога, в Бога в трех лицах, признаю всю католическую веру, *unus Deus, una fides, una ecclesia* [один Бог, одна вера, одна церковь (лат.)]. Я верю, что душа будет отделена от тела, что злого отличат от доброго и что мы узнаем всю истину о том, что происходит здесь». Тут уже бесцеремонно взял слово Гильом де Ногаре, канцлер короля, находившийся в зале: «В хрониках, находящихся в Сен-Дени, — сказал он, — написано, что во времена Саладина, султана Вавилонского, магистр ордена Храма принес оммаж означенному Саладину и что тот же султан, узнав о великом поражении людей Храма, во всеуслышание сказал: это произошло в наказание им за постыдный порок и за нарушение закона». Странный документ, выявляющий духовный облик того, кто им пользуется! Моле был ошеломлен: «Я никогда не слышал о таком, — ответил он. — Я только знаю, что, когда я был за морем, при магистре брате Гильоме де Божё, я и несколько тамплиеров, молодые и жаждавшие подвигов, роптали на магистра, потому что он заключил с султаном перемирие. Но потом мы вполне поняли, что он не мог поступить иначе». Поскольку заседание бессмысленно затянулось, Моле прервал его, смиренно попросив комиссаров позволить ему выслушать мессу и пообщаться со своими капелланами.

Такое разрешение было ему дано. Его похвалили за благочестие.

Есть и еще несколько показаний, столь же интересных, как и эти. Когда мы читаем материалы «процесса», перед нашими глазами проходят самые разные люди: простаки, осторожные, краснобаи, трусы, искренние, экзальтированные. Заметно, как несчастные трепещут, лгут, прибегают к жалким уловкам или откровенно негодуют, заливаются слезами.

Понсар де Жизи

Самые наивные, не замечая за спинами комиссаров Ногаре или Плезиана, стороживших их, полагали, что пришло время для откровенности. К таким принадлежал брат Понсар де Жизи. В порыве доверчивости он заявил: то, что признал он сам и другие братья перед инквизиторами, было ложью, которую их заставили произнести. «Вас пытали?» — «Да, три месяца до моего признания мне связывали руки за спиной так крепко, что кровь выступала из-под ногтей, и опускали меня в ров, привязав к веревке. Если меня еще подвергнут подобным пыткам, я отрекусь от всего, что говорю сейчас, я скажу все, что захотят. Я готов терпеть мучения, лишь бы они были недолгими; пусть мне отрубят голову, пусть меня сварят во имя ордена, но я не могу выносить затянутые мучения, каким больше двух лет меня подвергали в тюрьме». Здесь, как и на заседаниях с участием Жака де Моле, вмешался человек короля; он зачитал донос на орден Храма, когда-то написанный тем же Понсаром де Жизи по собственной воле. «Признаю, — сказал обвиняемый, — я написал эту записку; но в тот день я был возмущен орденом, меня

оскорбил казначей Храма». Уходя, он воскликнул: «Я очень боюсь, что мне ухудшат условия заключения, потому что я желаю защищать орден».

«Защитники» ордена

Ту же позицию, что и он, заняли сотни тамплиеров, но еще более мужественно и чаще всего без громких фраз: «Я хочу защищать орден; я не знаю о нем ничего дурного». К 28 марта 1310 г. защитниками Храма стали 546 тамплиеров, интернированных в Париже. Чтобы они назначили уполномоченных, комиссия с 31 марта 1310 г. разослала своих нотарииев в каждый дом, где их держали в заключении: в дом Гильома де ла Юша, на улицу Ле-Марше-Палю, в Тампль, во дворец графа Савойского, в аббатство Сент-Женевьев, в аббатство Сен-Маглуар и т. д. Все узники, по свидетельству нотарииев, вновь заявили о невинности своего ордена. Некоторые подали длинные прошения, личные, коллективные. Брат Эли Эмери вручил писцам из комиссии, попросив исправить варваризмы, гомелию, начинавшуюся так: «О Мария, звезда моря, приведи нас в порт спасения...» — отрывки из требника и литаний, записанные беднягой в часы тревог. Записка, представленная 3 апреля комиссарам Жаном Монреальским от имени многих братьев, — это защитная речь, которая выдает смятение обвиняемых, самым причудливым образом сочетая превосходные и инфантильные аргументы: «В церквях ордена Храма самым высоким алтарем всегда был алтарь Богоматери... По большим праздникам тамплиеры устраивали весьма красивые процессии... Тамплиеры были казначеями или альмонариями при нашем государе короле Франции и при других королях: разве те избрали бы их, если бы орден

Храма был виновен?.. Шипы венца Спасителя, расцветшие на страстную пятницу в руках капелланов ордена Храма, не расцвели бы, если бы братья были виновны... Более двадцати тысяч братьев пали за морем за веру Господню... Мы готовы сражаться со всеми противниками ордена Храма, за исключением людей нашего государя короля и нашего государя папы...» Уполномоченные, избранные с общего согласия 546 братьями, подытожили все эти частные записки, объединив их в большое вступительное обращение – прекрасный образец красноречия, простой, сильный и логичный текст, который они 7 апреля передали комиссии.

Ловушка, устроенная в мае 1310 г.

Таким образом, весной 1310 г. казалось, что дело тамплиеров может завершиться благоприятно для них. Орден нашел в Париже массу защитников, которых представляли законные уполномоченные. Тем, кто хотел скрыть истину, надо было срочно действовать. Они начали действовать, и ничего более постыдного, чем прием, к которому они прибегли, они прежде еще не придумывали. Тем, что процессы против ордена и против частных лиц шли параллельно, а судьи в процессе против частных лиц в Париже были у них в полном подчинении, они воспользовались, чтобы до смерти запугать свидетелей процесса против ордена. Судить частных лиц в епископстве Парижском полагалось, согласно папским посланиям, провинциальному собору, который возглавлял архиепископ Сансский, он же митрополит Парижа. А ведь архиепископ Сансский приходился братом одному из главных королевских министров – Ангеррану де Мариньи.

Он созвал в Париже собор своей провинции. Этот инквизиционный суд имел право выносить приговоры, не заслушивая обвиняемых, и немедленно приводить их в исполнение. Уполномоченные узников поняли, какую страшную угрозу влечет внезапный созыв этого собрания. 10 мая они оповестили об этом папскую комиссию. Но председатель комиссии, архиепископ Нарбоннский, едва они сообщили о задуманном посягательстве, удалился, заявив, что «должен выслушать или отслужить мессу». Другие комиссары смогли только ответить: «Мы вам сочувствуем всем сердцем; но архиепископ Сансский имеет законное право возбуждать дела против частных лиц; мы ничего не можем поделать».

Казнь пятидесяти четырех

12 мая они робко попытались остановить занесенную длань провинциального собора, направив ему очень рассудительное, очень сдержанное послание; но, как они и предвидели, их вмешательство оказалось бесполезным. В тот же день пятьдесят четыре тамплиера, которые, сделав признания, потом вызвались защищать орден, были осуждены архиепископом Санским и его викарными епископами как повторно впавшие в ересь, посажены на телеги и публично сожжены между Венсенским лесом и Мулен-а-Ван в Париже, за Сент-Антуанскими воротами. «Они переносили страдания, — пишет хронист того времени, — со стойкостью, навлекавшей на их души сильную угрозу проклятия, ибо тем самым внушали невежественному народу мысль, что невиновны».

Все было кончено — ни малейших иллюзий о свободе защиты ордена питать было больше

нельзя. Двое избранных уполномоченных из четырех исчезли. Тем не менее 13 мая комиссия продолжила ироническую комедию заседаний в капелле Сент-Элуа. Но после предшествующего дня кое-что изменилось. Появление первого свидетеля, которого ввели, оказалось волнующим.

Эмери Вилье-ле-Дюк перед следователями

Это был рыцарь из Лангрской епархии Эмери де Вилье-ле-Дюк, в возрасте за пятьдесят, двадцать восемь лет как тамплиер. Когда ему читали обвинительные акты, он перебивал, «бледнея и словно ужасаясь», уверяя, что, если он лжет, пусть, скоростыжно скончавшись, отправится прямо в ад, бил себя кулаками в грудь, воздевал руки к алтарю и падал на колени. «Я признал, — сказал он, — отдельные пункты из-за пыток, каким меня подвергали Гильом де Марсильи и Гуго де ла Сель, рыцари короля; но все это была ложь. Вчера я видел, как пятьдесят четыре моих брата в фургонах ехали на костер, потому что не захотели признать наших мнимых заблуждений; я подумал, что никогда не мог бы вынести страха перед костром. Я бы признался во всем, я чувствую; я признался бы, что убил Бога, если бы захотели». И он умолял комиссаров и нотариев не повторять то, что он только что сказал, его стражам, боясь, как бы не сожгли и его. Эти трагические показания произвели достаточно сильное впечатление на людей папы, чтобы они решили временно прервать заседания. Они возобновили свою деятельность, ставшую отныне чистой фикцией, только через полгода перерыва и лишь для проформы. Все свидетели, заслушанные с декабря 1310 г., были тамплиерами, которых

провинциальные соборы вернули в лоно церкви, то есть покорившимися, которые представляли «без плаща и с бритой бородой». Когда следствие наконец было завершено, его материалы в двух экземплярах послали для сведения отцам предстоящего Вьеннского собора. Они составили 219 листов, заполненных убористыми записями.

Канун Вьеннского собора

Вьеннский собор, несколько раз переносившийся, в конечном счете был назначен на октябрь 1311 г. Климент V использовал месяцы, остававшиеся до его начала, чтобы собрать огромный арсенал доказательств преступлений людей, которых осудил заранее. Он знал, что в Европе обычно говорят: «Все тамплиеры везде отвергли обвинения, кроме тех, кто был в кулаке у французского короля». С этими слухами надо было покончить; для этого он и составил тогда буллы, призывавшие королей Англии и Арагона прибегнуть к пыткам вопреки местным обычаям их королевств, запрещавших эту процедуру. Приказы применить пытки были в последний момент направлены также на Кипр и в Португалию. В связи с этим была пролита новая кровь мучеников. У нас есть донесение о пытках, примененных в августе и сентябре 1311 г. епископом Нимским и архиепископом Пизанским; впрочем, эти прелаты послали папе только приятные ему показания — о свидетельствах тех, кто проявил упорство, они умолчали.

V. Орден перед Вьеннским собором

Заключение Гильома ле Мэра

Гильом ле Мэр, епископ Анжерский, приглашенный, как и все прелаты христианского мира, на вселенский собор во Вьенне, записал свое «заключение» в таких выражениях: «Насчет тамплиеров есть два мнения: одни хотят немедленно уничтожить орден из-за возмущения, какое он вызвал в христианском мире, и потому что его заблуждения удостоверили две тысячи свидетелей; другие говорят, что надо позволить ордену представить свою защиту, потому что дурно отсекают столь благородный член церкви без предварительного обсуждения. Что ж! Со своей стороны я считаю, что наш государь папа, используя свои полномочия, должен *ex officio* [в силу занимаемой должности (*лат.*)] упразднить орден, который, насколько мог, создал христианскому имени дурную репутацию у неверных и побудил верующих поколебаться в прочности их веры».

Виновен ли был орден?

Гильом ле Мэр высказал предвзятое мнение. Но если бы какой-то епископ, не столь рьяный роялист, честно захотел к началу процесса разобраться в деле, то вопрос о виновности ордена Храма встал бы перед его совестью в следующем виде.

Обвинения

Орден Храма обвиняли в том, что он весь разложился из-за нечестивых пристрастий. Согласно папским следственным вопросникам, включавшим до 127 пунктов, прежде всего ему вменяли в вину, что во время приема он требовал от своих неофитов различных оскорблений распятия, непристойных поцелуев и разрешал содомию. Священники, служа мессу, якобы намеренно не производили освящение гостии; они якобы не верили в силу причастия. Наконец, утверждалось, что тамплиеры поклоняются идолу (в форме человеческой головы) или коту; они якобы днем и ночью носили поверх рубаш веревочки, заколдованные путем соприкосновения с этим идолом. Таковы были главные обвинения. Имелись и другие: якобы великий магистр и прочие сановники ордена, не будучи священниками, считали себя вправе отпускать братьям грехи⁴; имущество приобреталось дурными путями, милостыня подавалась плохо. В обвинительном заключении все эти преступления изображались требованиями тайного устава.

---

⁴ Это нареkanie, не входившее в число тех, список которых передал подчиненным в 1307 г. инквизитор Гильом Парижский, но изложенное в булле «*Faciens misericordiam*» от 12 августа 1308 г., рассмотрел Г. Ч. Ли: *Lea H. C. The absolution formula of the Templars // Papers of American church history society. 1893 (5). P. 37–58.* Это была традиция, существовавшая, как было известно всем, у тамплиеров и у тевтонских рыцарей; канонисты давно оспаривали ее правомерность, но до тех пор она никогда однозначно не осуждалась.

Вся система доказательств основана на устных свидетельствах

Само собой разумеется, что чиновники Филиппа Красивого провели во всех «Тамплях» Франции тщательные обыски в поисках компрометирующих предметов, то есть: 1) экземпляров тайного устава; 2) идолов; 3) еретических книг. Они нашли (у нас есть описи) только несколько благочестивых трудов и бухгалтерских книг; там и сям попадались экземпляры безупречного устава святого Бернара. В Париже Гильом Пидуа, ведавший секвестрованным имуществом, предъявил комиссарам инквизиции «женскую голову из позолоченного серебра, внутри которой находились фрагменты черепа, завернутые в ткань». Это был реликварий, какие встречались во многих церковных сокровищницах XIII в.; несомненно, в праздничные дни его выставляли для поклонения тамплиерам, и не исключено, что рыцари возлагали на него для освящения веревочки, или скапулярии, какими первоначальный устав велел им опоясываться в знак целомудрия; но тут не может быть речи ни об идоле, ни об идолопоклонстве, потому что верующие, и по сей день прикасающиеся четками к реликвиям, идолопоклонниками не считаются.

Итак, следствие не нашло ни одного материального документа, ни одного «немного свидетеля», компрометирующего орден⁵. Все доказательство зиждилось на устных свидетельствах.

---

⁵ В наши дни по соседству с бывшими командорствами ордена Храма нашли несколько барельефов, покрытых непристойными изображениями и арабскими надписями. Э. Пфайфер (*Pfeiffer E. Zwei vermeintliche Templerdenkmale // Zeitschrift für Kul-*

Но показания, за которые обещают помиловать, сколь угодно многочисленные, теряют всякую ценность, если учитывать, что их вырвали с помощью инквизиционной процедуры. Решающее значение здесь имеют слова Эмери де Вилье-ле-Дюка: «Я признался бы, что убил Бога». Так что остается только рассмотреть факты, на которые ссылались судьи, с позиции здравого смысла.

Неправдоподобность обвинений

Если бы тамплиеры на самом деле практиковали обряды и суеверия, какие им приписывали, они были бы сектантами, и в таком случае среди них, как в любых гетеродоксальных общинах, нашлись бы энтузиасты, которые бы провозглашали свою веру, испытывая от гонений мистическое наслаждение. Но ведь ни один тамплиер в течение процесса не стал упорствовать, отстаивая заблуждения этой мнимой секты. Все, кто признался в отречении и идолопоклонстве, попросили об отпущении грехов. Как ни странно, выходит, у еретического

---

turgeschichte. 1897 (4/4). S. 386) полагает, что эти памятники, некогда принадлежавшие арабским сектам, хранившим гностические традиции, были вывезены во Францию с Востока крестоносцами, может быть, тамплиерами. Но мнимые арабские надписи на ларце из Эссаруа, самом известном из этих памятников, явно были сфабрикованы людьми, знавшими арабский язык очень плохо. По мнению С. Рейнаха, это подделки. В какую эпоху эти подделки были созданы? В XIII в. или в наши дни? Зачем их изготовили? Чтобы создать впечатление, будто существовали тайный культ, оргиастические тенденции, или чтобы придать ориентальный облик предметам, на самом деле служившим верующим для отправления культа? Это пока неизвестно.

учения ордена Храма не нашлось ни одного мученика! Ведь сотни рыцарей и братьев-сержантов, погибших в муках в тюрьмах, от рук истязателей или на костре, не принесли себя в жертву за верования — они предпочли умереть, чем признаться, либо чем, сделав вынужденные признания, настаивать на своих показаниях. Предполагали, что тамплиеры были катарами; но катары, как и монтанисты в Азии в старину, страстно любили муки; даже во времена Климента V «дольчинисты» в Италии чувствовали, как их чудесно укрепляет многократное и иступленное повторение основ их учения. Палачи не замечали у тамплиеров ни сакрального наслаждения, ни ощущения триумфа. Все, что те претерпевали, они претерпевали за отрицание. Если бы тамплиеры действительно предавались бесчинствам, не только чудовищным, но и глупым, в каких их обвиняли, то все, кого допрашивали друг за другом и вынуждали сознаться, описывали бы эти бесчинства одинаково. Но если их показания согласовались, когда они говорили о законных церемониях ордена, то при описании мнимых кощунственных обрядов они, напротив, сильно расходились. Мишле, веривший в распутство ордена, очень верно заметил, «что отпирательства были идентичными, тогда как все признания различались в зависимости от конкретных обстоятельств»; он сделал отсюда вывод, «что об отпирательствах договаривались заранее, тогда как различие в признаниях придает им особую достоверность». Это как? Если тамплиеры были невиновны, их ответы на одни и те же вымышленные обвинения не могли не быть идентичны; если бы они были виновны, их признания равным образом должны были бы оказаться идентичными.

Неправдоподобность обвинений, жестокость следственной процедуры, противоречия в признаниях вполне могли встревожить судей, даже судей того времени. И какое сердце осталось бы спокойным, когда на суд являются люди, истерзанные следователями, когда они показывают свои раны, когда они заявляют о любви к церкви-гонительнице, кто бы выдержал все эти горестные подробности, отзвук которых, запечатленный нотариями большой комиссии, волнует и убеждает по сей день! Те, кто был заинтересован, чтобы на это дело не пролился свет, должны были любой ценой добиваться, чтобы публичные дебаты не состоялись ни в коем случае. И действительно, тот факт, что последним защитникам ордена заткнули рот на Вьеннском соборе, созванном, чтобы их выслушать, — это еще один аргумент в пользу тамплиеров.

Орден перед Вьеннским собором

История Вьеннского собора известна плохо. Но интриги короля Франции с целью выкрутить руки папе и добиться от собора нужного приговора угадываются. Климент V был склонен покончить с этим делом; по сообщению Альберико да Розате, он говорил: «Если орден не может быть уничтожен *per viam justitiae* [правосудным путем (*лат.*)], пусть он будет уничтожен *per viam expedientiae* [благодаря удачному стечению обстоятельств (*лат.*)], лишь бы наш дорогой сын король Франции не расстроился». Но он не чувствовал себя повелителем трехсот отцов собора, которые съехались; он был уверен лишь во французских епископах, а ведь епископы Германии, Арагона, Кастилии и Италии, почти все простившие тамплиеров в своих епархиальных округах, были склонны организовать

обсуждение по всем правилам. В довершение неприятностей во Вьенне неожиданно появились девять рыцарей Храма как представители беглых тамплиеров, блуждавших в горах Лионской области; они прибыли «защищать» орден. Клименту пришлось арестовать этих злополучных защитников, не выслушав их, что было равносильно отмене защиты во второй раз, в нарушение законов. Иностранные прелаты возмутились. Тогда в окружении Филиппа Красивого поняли, что пришло время предъявлять *ultima ratio* [последний довод (*лам.*)] — силу. Из Лиона, откуда король следил за собором и где он созвал новое собрание прелатов, знати и общин королевства «в защиту католической веры», он в марте 1312 г. с армией двинулся во Вьенн. Он сел рядом с папой. Последний, воспрянув духом, поспешил обнародовать перед отцами собора буллу, текст которой он составил совместно с королевскими советниками.

Булла «Vox in excelso»

Это была булла «Vox in excelso» от 3 апреля 1312 г.; папа признавал, что доказательств, которые бы оправдывали каноническое осуждение ордена, нет; но он счел, что орден тем не менее обесчещен, что он ненавистен королю Франции, что никто не «захотел» взять на себя его защиту, что его имущество расточается и все более будет расточаться, к большому ущербу для Святой земли, во время процесса, исход которого нельзя предвидеть; это делало необходимым принятие временного решения. Поэтому он упразднял орден Храма — не посредством «окончательного приговора», а временно, посредством апостольского постановления, «с одобрения священного

собора». Так погиб орден Храма, упраздненный, не осужденный, не оказавший сопротивления своим убийцам.

Тамплиеры Франции не совершили ни малейшего поползновения воспользоваться своим оружием. Разве это не еще одно доказательство послушности этих людей, которых историки Нового времени, всеми силами стремясь оправдать вопиющий отказ от правосудия, бездоказательно обвинили в том, что те якобы создали государство в государстве и поставили под угрозу единство французской монархии?

VI. Завершение дела тамплиеров

Булла «Vox in excelso» оставила нерешенными два сложных вопроса: судьбу тамплиеров-узников, судьбу имуществ упраздненного ордена Храма.

Борьба за имущество ордена Храма

Борьба за имущество ордена Храма началась еще во время процесса, несмотря на бдительность управляющих этим имуществом. Это дело настолько разожгло аппетиты монархов, что некоторые возмечтали о том, чтобы судьбу тамплиеров разделили госпитальеры и меченосцы. Тевтонский орден в 1307 г. был обвинен в ереси архиепископом Рижским. Это уже была прямо-таки грабительская алчность князей — покровителей Реформации. После Вьеннского собора приступили к методичному разделу добычи. Теоретически все имущество ордена подлежало передаче Святому престолу, который должен был передать его госпитальерам, но эта фиктивная передача не помешала французской короне удержать лучшую часть. Прежде всего были погашены долги короля перед орденом, потому что каноны запрещали платить долг еретикам. Далее, король захватил все денежные средства, накопленные в банках Тампля. Он пошел и дальше,

когда наследство ордена Храма было официально признано за Госпиталем: он заявил, что, поскольку дела по его прежним счетам с орденом Храма не улажены, орден остался ему должен значительные суммы, хотя указать их размер король оказался не в состоянии. По этой причине госпитальерам, к которым отошли права и обязанности ордена Храма, пришлось согласиться на сделку — 21 марта 1313 г. они выплатили 200 тыс. турских ливров; и даже эта жертва не избавила их от притязаний короны, коль скоро они вели тяжбу по этому делу еще при Филиппе Длинном. Что касается недвижимого имущества, то Филипп Красивый беспрепятственно получал с него доходы до смерти, а позже госпитальеры, чтобы добиться получения этого имущества, были вынуждены возместить французской короне то, что она потратила с 1307 по 1312 г. на содержание арестованных тамплиеров, — расходы на застенки и пытки. Итого, представляется бесспорным, что госпитальеры скорее обеднели, чем разбогатели от такого подарка их ордену.

Казнь великого магистра ордена

Оставались узники. Тех, кто пожелал пройти через унижение в форме признаний, отпустили. Среди освобожденных одни стали бродягами, другие попытались зарабатывать на жизнь физическим трудом; кто-то ушел в монастырь, а кто-то, кому приелся такой образ жизни, женился. Нераскаявшиеся грешники и повторно впавшие в грех понесли наказание по закону инквизиции. Самыми знаменитыми из тех, кто повторно впал в грех в последний момент, были два высших сановника, суд над которыми папа оставил за собой лично, — великий магистр Жак де Моле и прецептор

Нормандии Жоффруа де Шарне. Только в декабре 1313 г. Климент V назначил трех кардиналов, чтобы рассмотреть дело этих верховных вождей, которые когда-то, спасая себя самих, бросили своих братьев. 18 марта 1314 г. их вывели в портик собора Парижской Богоматери, чтобы они выслушали приговор, — и это оказалась «стена», пожизненное заключение. До тех пор Моле и Шарне еще держались благодаря уверенности в скором освобождении, которое им несколько раз обещали; они сидели в тюрьме уже семь лет; в отчаянии они отказались возвращаться туда: «Мы невиновны, — сказали они, — в том, в чем нас обвиняют, но мы виновны в том, что низко предали орден, чтобы спасти свои жизни. Орден чист, он свят; обвинения нелепы, признания лживы». Когда толпа заволновалась, кардиналы безотлагательно передали двух этих запоздалых исповедников правды парижскому прево; предупредили короля, и вечером того же дня на Еврейском острове, напротив набережной Августинцев, был возведен эшафот. Они умерли с мужеством, поразившим присутствовавших. Одному писателю XIX в. довелось заявить, что их неустрашимость в конце жизни была признаком сильной власти, какой обладал над ними дьявол.

Процесс тамплиеров и общественное мнение в XIV в.

Самые умные из современников Филиппа Красивого не поверили в виновность тамплиеров; в этом отношении они были менее легковерны, чем долгое время потомки, хотя у них и было меньше возможностей выработать собственное мнение. Топорных выдумок в небылице, придуманной Но-

гаре, оказалось достаточно, чтобы они насторожились. Ни один итальянский хронист не позволил себя обмануть — ни Виллани, ни Дино Компаньи, ни Боккаччо (отец которого был в Париже во время процесса), ни автор «Пистойских историй», ни Данте. Все оценили иронию ситуации, когда самые верные слуги римской курии, самые упорные защитники веры погибли как еретики. Французские авторы, естественно, были осторожней; они не посмели открыто опровергать решения папы и короля, но что они об этом думали, хорошо заметно:

Они вполне заслужили царствие небесное,
Если то, что говорили о них, было правдой...
Многие, кого осудил мир,
Были увенчаны на небесах,
И Бог их любит, и дорожит ими.
Но здесь, внизу, в этой церкви,
Нам приходится все сведения
Получать от папы и от властей...
Вполне можно обмануть церковь,
Но ни в коем случае невозможно
Провести Бога; больше ничего не скажу.
Кто захочет, пусть скажет остальное.

Костер 18 марта полыхнул зловещим блеском в народном воображении. Когда настали суровые времена, в народе сочли, что это Бог проявляет свой гнев, мстя за невинную кровь. Когда Климент V скончался от страшной болезни через месяц после казни Моле, когда в свою очередь через полгода погиб Филипп Красивый, возникла легенда, что замученный Моле вызвал папу и короля на суд Божий. Тогда же умер и Гильом де Ногаре, позже Климента, раньше Филиппа.

Если наносились удары по тамплиерам, евреям, ломбардцам, если портили монету, то лишь потому, что с помощью этих чрезвычайных мер королевское правительство, оказавшись в затруднительном положении, надеялось заткнуть дыры в бюджете, приведенном в расстройство военными расходами. Но эти решения, которые повлекли за собой столько страданий и которых рассудительные люди не одобряли, принесли лишь деньги. Естественно, чтобы получить очень большую, если не основную часть сумм, которые король собрал и расточил, в форме налогов, он должен был обращаться к нации. Таким образом, мы вынуждены рассмотреть отношения последних Капетингов (по прямой линии) с тремя «сословиями» нации: духовенством, знатью и простонародьем.

В Англии при Эдуарде I, современнике Филиппа Красивого, нация воспользовалась финансовыми затруднениями короны, чтобы выбить себе конституционные гарантии. Что же происходило во Франции?

Глава IV

Король и нация: с 1285 по 1328 г.

*I. Французская церковь при Филиппе Красивом. —
II. Знать и простонародье при Филиппе Красивом. —
III. Общие совещания с нацией по 1314 г. — IV. Дви-
жение 1314 г. — V. Тетради лиг 1314 г. и ордонансы
Людовика X. — VI. Деятельность лиг и их исчезнове-
ние при Филиппе V. — VII. Совещания и собрания при
Филиппе V и Карле IV. — VIII. Заключение*

I. Французская церковь при Филиппе Красивом

Покорность национальной церкви короне

При Филиппе Красивом церковь получила повод выказать независимость от светской власти. Но она им не воспользовалась. Она не посмела возвысить голос, чтобы осудить чудовищный и кощунственный вздор Ногаре. Она бросила на произвол судьбы Бонифация, ранее пытавшегося защитить ее от королевских фискалов. Она предала тамплиеров и сделалась орудием их пытки. Ее раболепие в обоих этих случаях было настолько велико, что даже автор так называемой «Хроники Годфруа Парижского», проявлявший очень клерикальные взгляды, говорит о ней с презрением. Ведь в XIII в. епископства часто давали клирикам, приближенным к королю, в награду за услуги; в результате национальная церковь по большей части стала ручной: «Многие прелаты, — пишет автор „Романа о Фовеле“, — входят в состав Королевского совета, парламентов:

Из-за прелатов, желающих угодить
Королю, доставить ему удовольствие,
Святая Церковь ныне приходит в упадок...»

Повиновение французской церкви королю в политической сфере было тогда абсолютным, как позже — повиновение английской церкви королю из династии Тюдоров. И, судя по всему, галликанская церковь настолько повиновалась Филиппу Красивому (как англиканская — Генриху VIII), что при надобности была готова пойти даже на схизму. Разумеется, было, особенно среди низшего духовенства и в монастырях, меньшинство, стойко приверженное теократическим принципам и привязанное к Святому престолу; но этим «ультрамонтанам» понадобился бы героизм, чтобы противостоять посулам и угрозам людей короля, выдержать зрелище наказаний, с помощью которых подавляли изолированные очаги сопротивления, и не поддаться общей трусости. Большинство клириков старалось прежде всего «не связываться». «Когда король, — сообщает биограф святого Ива¹, — послал в Трегье комиссаров, чтобы обложить епископский церковный доход кое-какими налогами, Ив, который был официалом епископа, хотел этому воспротивиться. Но среди клириков церкви многие его не одобрили. Трусов возглавлял Гильом де Турнемин, казначей капитула, который, встретив однажды святого, обратился к нему так: „Шельма, шельма, вы поставили нас под угрозу — мы можем потерять то, что у нас есть. Вы! Вы, у кого ничего нет и кому, таким образом, нечего терять“».

Церковь должна была защищать от посягательств мирян, особенно королевских чиновников, свои привилегии в сфере юрисдикции и свое

---

¹ Цит. по: *La Borderie A. de. Études historiques bretonnes. Deuxième série. Paris: H. Champion, 1888. P. 113.*

имущество. Этих задач было достаточно, чтобы поглотить ее. Но для их решения, не считая методов Святого престола, которые никогда не были очень эффективными и вышли из употребления после начала Распри, у нее осталось лишь одно оружие — отлучение, которое она умудрилась изрядно затушить². В своей слабости она довольствовалась тем, что жертвовала меньшим: обычно ее политика состояла в том, чтобы защиту короля от агрессивного рвения его чиновников покупать полной покорностью и щедротами.

Церковное имущество и королевские налоги

Церковное имущество в принципе были освобождено от всякого публичного обложения налогом, но фактически церковь Франции с давних пор при чрезвычайных обстоятельствах принимала участие в расходах короны. Мы уже говорили, что Людовик IX облагал духовенство королевства «поборами». Филипп III и Филипп IV (в начале царствования) на тех же условиях, что и Людовик IX (то есть с согласия папы и духовенства, в соответствии с канонами Латеранского собора),

---

² Климент V призвал прелатов всего христианского мира предложить Вьеннскому собору «лекарства» для того, чтобы узурпации со стороны мирян больше не наносили ущерба церкви. Шартрская церковь высказала мнение, что, если отменить привилегии, запрещающие отлучать государей и подвергать их земли интердикту, и внести усовершенствования в процедуру, отлучение вновь сделалось бы полезным защитным оружием. Но другие церкви Франции в этом отношении не питали иллюзий: «Приговоры воспринимаются с презрением», — заявляло духовенство Буржской провинции.

добились в 1274 г. предоставления десятины на шесть лет, в 1284 г. — на четыре года, в 1289 г. — на три года, то есть тринадцати годовых обложений в течение семнадцати лет.

В 1294 г. Гасконская война вынудила правительство приложить большие усилия. Королевский совет решил, что на церковные имущества должна прийти их доля расходов «на оборону королевства», в соответствии с прецедентами. Сначала возникла мысль созвать «в присутствии короля» архиепископов, епископов, прелатов, аббатов, приоров, прево, деканов, представителей монастырей, капитулов, ректоров церквей и прочих церковных служителей королевства, но от нее отказались, «сочтя, что собрание такого количества людей в одном-единственном месте обошлось бы слишком дорого»; в конечном счете распорядились, чтобы в каждой церковной провинции митрополит созвал бы «прелатов, аббатов, приоров и прочих клириков» на поместный собор. Действительно, в 1294 г. во всем королевстве состоялись провинциальные соборы и собрания служителей церкви, вотиновавшие десятину на два года. Деньги требовались настолько срочно, что король приказал отобрать сбор этой десятины у церковных сборщиков и поручить его своим людям, чтобы дело шло быстрее: «От прелатов и тех, кто обладает духовной юрисдикцией, — писал король, — потребуют отлучать мятежников без отлагательства (ибо дело его не терпит). От них потребуют этого в силу верности и долга, каковыми они обязаны нам и королевству, и это их дело, а не наше».

Некоторые капитулы и монастыри в 1294 г. наотрез отказались предоставлять субсидию, ссылаясь на то, что надо посоветоваться с папой; но их

вынудили покориться или капитулировать, а их обращения к Святому престолу ничего не дали.

В 1295 г. Большой совет знати и прелатов дал разрешение изъять пятидесятую часть всех состояний, не исключая состояний клириков. В мае 1296 г. в Париже пять архиепископов, шестнадцать епископов и прокуроры других прелатов королевства предоставили правительству, при условии одобрения папой, право собрать в текущем году две новых десятины. На сей раз черное духовенство запротестовало настолько громко, что его услышал Бонифаций VIII. Известно, что именно манифест ордена цистерцианцев против десятин 1296 г. и вызвал к жизни декреталию «Clericis laicos».

Последствия вмешательства Бонифация известны³: папа, примирившись с Филиппом, предоставил в 1297 г., «по просьбе прелатов», двойную десятину на два года и недвусмысленно признал, как мы видели, право короля требовать от духовенства денежного вклада в оборону королевства в случае настоятельной необходимости, без разрешения Святого престола.

Десятины

Список субсидий, на какие пошло духовенство Франции с 1297 г. с разрешения папы или без него, — длинный и еще плохо изучен⁴. Двойная десятина в 1298 г.; десятина на два года в 1299 г., подлежащая сбору во всей Франции. В 1303 г. на

---

³ См. выше, с. 92.

⁴ Г-н Жербо написал об этом труд, еще не напечатанный [Gerbaux F. Les décimes ecclésiastiques au XIIIe siècle // École nationale des chartes. Positions des thèses soutenues par les élèves de la promotion de 1881]; Gottlob A. Op. cit.

Санлисском соборе Реймсская провинция вотировала двойную десятину с лиц, не подчиненных епархиальной власти, и простую — с подчиненных. На подобные же жертвы согласились соборы в Безье (Нарбоннская провинция) и в Клермоне (Буржская провинция) в 1304 г., Ошская и Сансская провинции в 1305 г., Руанская провинция в 1306 г. 12 ноября 1309 г. Климент V в письме епископам Арагона, не спешившим помогать своему королю, привел им в пример щедрость французского духовенства: «Прелаты и клирики Франции, — писал он, — во время мятежа фламандцев щедро предоставили четыре десятины на оборону королевства на год или почти на год, без призыва Святого престола; нам это известно из верного источника, ибо мы в то время проживали в Комменже...»⁵ После смерти Бонифация папы ни в чем не могли отказать французской короне. Бенедикт XI предоставил десятину на два года, Климент V — простую десятину (сбранную в 1310 г.), двойную десятину в 1312 г. и десятину на шесть лет в 1313 г. Во время восшествия династии Валуа на трон клирик Робер Миньон видел в архивах парижской Счетной палаты, ныне уничтоженных, счета на все эти десятины и на три двухлетних десятины, пожалованных Иоанном XXII Филиппу V и Карлу IV в 1318, 1322 и 1324 гг.⁶

---

⁵ Regestum Clementis papae V e Vaticanis archetypis. Romae: Typographia Vaticana, 1885–1892. N° 5094.

⁶ Помимо десятин, Филипп Красивый взимал с духовенства Франции, с позволения пап, аннаты (*annualia*), то есть доходы за первый год вакансии бенефициев, в 1297 и 1304 гг. Наконец, разумеется, он, как и его предшественники, получал крупные суммы в качестве *регалий* (доходов с епископских церковных имуществ во время вакансии на кафедре) и *амор-*

В общем, галликанская церковь платила фиску почти каждый год тяжелый налог с дохода в размере десятой, а то и пятой части. Но в том, что она проявляла такую щедрость, не было ее большой заслуги. Действительно, теоретики монархии давали понять, что церковь не имеет права отказывать государю в помощи в деле обороны государства. Люди короля не отказывали себе в удовольствии заявлять собраниям духовенства, домогаясь субсидий, что король советуется с ними из вежливости, но при надобности мог бы их принудить (*Quanquam posset, si vellet, virtute regia facere quod forte vobis esset intolerabile et dampnosum*). В 1305 г. архиепископ Турский и его викарные епископы вздумали создать трудности сборщикам двойной десятины: они сказали, что вотировали десятину, но простую и при условии, что король выполнит некоторые обещания, которые до сих пор не сдержаны. «Тщетно, — немедленно написали сборщики Гильому де Плезиану, — мы смиренно и благочестиво просили архиепископа и капитул заплатить субсидию, о какой учтиво просил король. Они ответили нам через одного архидьякона, который сослался на буллу Бонифация, требуя отсрочек. Между прочим, этот архидьякон всегда был, о чем мы узнали благодаря общественному мнению, врагом короля, королевства. Мы ответили, что король своей властью (*principali auctoritate*) может предписывать свою волю всем жителям королевства, особенно в случае необходимости...» Светские доходы церкви в архиепископстве Турском были конфискованы.

тизационного сбора (налога с передачи владений, приобретаемых церквями во фьефах и арьер-фьефах короны).

Собрания духовенства

Тем не менее внешние приличия чаще всего соблюдались. Всем было известно, что́ следует думать о добровольном характере жертв, на которые соглашается духовенство; но комиссары короля регулярно обращались к провинциальным соборам с просьбами, в оправдание которых описывали ситуацию в королевстве; в связи с этим соборы иногда высказывали мнение об общей политике; они составляли списки нареканий (*Gravamina*), которые, собственно говоря, были тетрадями жалоб (*sahiers de doléances*), и даже выдвигали условия, на которых вотируют эти просьбы. Магистр Жиро де Момон и Пьер де Латийи, которым в 1296 г. было поручено предложить провинциальным соборам Юга уступки и льготы в обмен на новые щедроты, столкнулись с тем, что в Безье их предложения подверглись обсуждению; их нашли недостаточными, лукавыми, и в Париж были посланы епископы Каркассона и Безье, чтобы ходатайствовать о других. Собрание Буржской провинции в 1304 г. оказалось малочисленным; на этом основании оно хотело, чтобы его перенесли на более позднее время; когда представитель короля возразил против переноса, оно вотиловало десятину, но при условии, что сбор будет осуществляться силами духовенства, что будет восстановлена добрая монета, что будут уважать церковную юрисдикцию, что не будут препятствовать новым приобретениям церкви, что привилегии буржской церкви будут подтверждены и что светские доходы некоторых церквей провинции, которые были конфискованы, будут возвращены...

Перечень жалоб

Жалобы духовенства Франции, собиравшегося на свои поместные соборы, ощутимо однообразны — от начала XIII века до самого его конца. Их упорядочили и подытожили в 1311 г. на Вьеннском вселенском соборе, который обсудил «ущерб, нанесенный церквям и духовным особам», *Gravamina quae ecclesiis et personis ecclesiasticis inferuntur*. И вот некоторые, выбранные из числа бесконечно повторявшихся. Клириков, живущих как подобает духовенству, сажают в тюрьму и пытаются чиновники короля и сеньоры, хотя клирики подсудны только церковным судам. Представители светской юрисдикции, «приходящие с серпом на чужие нивы», вмешиваются в рассмотрение завещаний, подсудное только церкви. Клириков заставляют обращаться с вещными исками в светские суды, в то же время препятствуя им вызывать мирян к официалу (судье епископа). Нотариям запрещают упоминать в договорах, что стороны принимают обязательства под присягой, и делают это, чтобы не обращаться в церковный суд, компетентный в вопросах клятвопреступлений. Клирики освобождены от выплаты тальи, муниципальной и прочей; тем не менее требуют, чтобы они ее платили, — если они противятся, конфискуют их имущество (и даже их священные доходы, приходскую десятину); их недвижимое имущество продают либо «скармливают» его сборщикам недоимок, которые в нем селятся. С нотариями и полицейскими, служащими при церковных судах, дурно обращаются, когда те находятся при исполнении обязанностей. Отнюдь не вынуждая отлученных заслуживать отпущения грехов, заставляют отпускать им грехи силой,

осыпая клириков, вынесших им приговоры, оскорблениями и лютыми угрозами... Церковь обездолена: знатные люди, держащие фьефы от церкви, безнаказанно приносят обещание верности (aveu) королю, а люди короля требуют обещания верности за светские доходы от духовных особ. Клирики подвергаются гонениям, ибо вот несколько примеров из тысячи злоупотреблений, какие творятся. Монастырь Сен-Пьер в Тарбской епархии отказался признавать, что держит свои мирские владения от короля, потому что это неправда; прибыл сеньешаль Бигорра с жандармами; он захватил освященную собственность, изгнал монахов и заменил их четырьмя десятками своих сержантов, которые все опустошили. Помощник королевского вигье Тулузы выломал двери тюрьмы епископа Тулузского, чтобы освободить кюре Эскалькана, подсудного означенному епископу, но хвалившегося, что находится под защитой короля; он приказал арестовать на улице и препроводить в Шато-Нарбонне епархиального официала; он лично явился в епископский дворец, чтобы задержать прокурора епископа, сказав, что, если бы встретил самого прелата, и с ним поступил бы так же; наконец, он поселил во дворец сборщиков недоимок, отобрав ключ от него. Королевский байле Марвежоля объявил, что ни один подданный короля не смеет обращаться в суд епископа Мандского, и сурово наказывает тех, кто не повинуется, присвоив себе даже право рассматривать в суде и наказывать за прелюбодеяния, кражи и другие преступления клириков, которые женаты, но тем не менее носят церковное облачение и тонзуру. Бальи Макона в своем бальяже наложил руку на некоторые имения лионского капитула и не только забирает все там произведенное,

но посадил в заключение строптивых арендаторов и грозит виселицей нотариам, которым поручено уведомить его о протестах каноников...

Встречные обвинения людей короля по адресу клириков

По словам клириков, посягательства на церковные привилегии никогда не были столь сильными, как в XIII в. Но надо выслушать и другую сторону: по словам людей короля, юрисдикция церкви никогда не была обширней, чем в ту эпоху. Жалобы людей короля столь же многочисленны, как и жалобы клириков. Церковники позволяют себе, — говорят они, — привлекать мирян к церковному суду по обязательственным, вещным или смешанным искам; осужденный заочно ответчик подвергается отлучению. Женатые клирики и клирики, занимающиеся физическим трудом, получают такую же защиту, как и другие. Прелаты выносят постановления во вред светским сеньорам. Клирики претендуют на освобождение от тальи за имущество, за которое прежние владельцы всегда платили талью. За преступления, совершенные клириками, церковные суды наказывают с возмутительной снисходительностью; бывает, что епископы тайком выбривают тонзуры преступникам, женатым и неграмотным, чтобы вывести их из-под светской юрисдикции; иные клирики, заведомые преступники, но оправданные церковным судом, предъявляют иски к чиновникам короля о возвращении имущества, которое те конфисковали. «Король утратил почти всю юрисдикцию в Турской провинции, — извещал в 1305 г. бальи Турени, — ибо едва наши сержанты хотят выполнить приказ, вмешивается архиепископский суд и отлучает их». В очень

подробных «Записках», которые были предъявлены в римской курии при Николае IV в связи со спорами между церквями Шартра, Пуатье и Лиона, с одной стороны, и чиновниками короля — с другой, говорится о «разнообразных и нетерпимых присвоениях» церковью прав короны: «Мы должны положить этому конец, чтобы наше королевство не перестало быть королевством!.. Клирики говорят, что поклялись защищать свои права; лучше бы они сказали, что поклялись обобщить короля Франции». Адвокат Пьер Дюбуа при Филиппе Красивом тоже обличал успехи, достигнутые церковной юрисдикцией со времен Людовика IX: «Она не была ничем, она заполонила все».

Хартии Филиппа Красивого в защиту церковных вольностей и имуществ

Несомненно, обе стороны преувеличивали. Но со стороны людей короля преувеличение было чудовищным. В самом деле, судя по бесчисленным инцидентам, они на самом деле и беспрестанно применяли против клириков ужасающие средства — захваты имущества и людей, грубости, самоуправство. Клирикам оставалось лишь ссылаться на хартии подтверждения и реформирования, какие король щедро раздавал им в обмен на субсидии. И эти хартии не стоили ничего.

Хартии, которые сотнями рассылала канцелярия Филиппа Красивого в подтверждение иммунитета либо отдельной церкви, либо церковью какой-то провинции, либо национальной церкви, или для исправления злоупотреблений, совершенных королевскими чиновниками в ущерб клирикам, на самом деле представляли собой одну

видимость⁷. Самой значительной из общих хартий была та, которую обнародовали после большого собрания духовенства в ноябре 1290 г., созванного с целью уладить отношения церкви и светской власти⁸. И ведь в этом документе были выдвинуты принципы, подтверждены традиционные привилегии церкви; но не было ни одного принципа, который бы не сводился на нет недомолвками, ни одной привилегии, формулировки которой не допускали бы противоречивых толкований; для видимости были сделаны уступки, но они могли действовать только «в отсутствие противного обычая» (любой обычай был тогда спорным, оспариваемым) или «кроме чрезвычайных случаев». Позднейшие

---

⁷ Некоторые епископы времен Филиппа Красивого велели списывать в реестры хартии, пожалованные их церкви королем. Эти сборники очень содержательны. См. прежде всего хартии епископства Пуатье во времена Вальтера из Брюгге, одного из самых пылких прелатов своего века (*Cartulaire de l'évêché de Poitiers ou Grand-Gauthier* / publ. par M. Rédet. Poitiers: Oudin, 1881 [Archives historiques du Poitou; 10]), епископства Тулузского (*Lettres inédites de Philippe le Bel* / publ. avec une introduction par A. Baudouin. Paris: H. Champion, 1887), епископства Анжерского (*Livre de Guillaume Le Maire* // *Mélanges historiques: choix de documents*. 1877. T. II [Collection de documents inédits sur l'histoire de France]) и епископства Мандского (*Lettres de Philippe le Bel relatives au pays de Gévaudan* / publ. par J. Roucaute, M. Saché. Mende: A. Privat, 1897).

⁸ *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. Premier volume. Contenant ce qu'on a trouvé d'ordonnances imprimées, ou manuscrites, depuis Hugues Capet, jusqu'à la fin du regne de Charles le Bel*. Paris: imprimerie Royale, 1723. P. 318.

хартии, какими изобилует сборник «Ordonnances», отчасти воспроизводят хартию 1290 г. и написаны в том же духе. Статья «Никто не может изымать движимое или недвижимое имущество прелатов, если только этого не требуют их эксцессы или их неявка в суд (*nisi eorum excessus vel contumacia id exposcant*)», встречающаяся в нескольких хартиях (для духовенства Лангедока, для духовенства Нормандии и т. д.), совершенно типична для этих официальных документов — лукавых, многословных и пустых⁹.

Ни одна из хартий вольностей, полученных собраниями духовенства в 1290, 1300, 1303, 1304 гг. и т. д., не предусматривала случая, когда вольности церкви, подтвержденные с таким количеством оговорок и при таких мерах предосторожности, будут нарушены: никаких санкций, никаких гарантий (кроме клятвы, какой требовали от королевских чиновников при вступлении в должность), ничего, кроме расплывчатых обещаний. Основная претензия, какую высказывала церковь Франции в течение всего царствования Филиппа, состояла в том,

---

⁹ Особые хартии для отдельных церквей тоже имели мало значения. Содержание многих из них сводилось к следующему: «Повеление сенешалю данного места считать, что такой-то епископ ему рекомендован, вести себя с таким-то епископом учтиво (*curialiter*), уважать его законные права и грамоты короля, направленные ранее в подтверждение прав означенного епископа». Это значило говорить, чтобы ничего не сказать. Каждый епископ каждый год получал десятки предписаний такого рода, адресованных королевским чиновникам своего округа. Выгоды от этого получала лишь королевская канцелярия, взимавшая с каждого письма пошлины за приложение государственной печати.

что «королевские статуты» были и остались мертвой буквой¹⁰. Несомненно, королевское правительство в XIII и XIV вв. не раз гарантировало «церковные вольности» в частных вопросах, вопреки яростному сопротивлению низших чиновников; но общие меры, какие оно предписывало, не были ни серьезными, ни теми, с какими считаются.

Мнение современников

Общее впечатление современников сводилось к тому, что правительство Филиппа Красивого ведет себя по отношению к служителям церкви очень сурово. Автор поэмы под названием «Советы королю Людовику», посвященной в 1315 г. Людовику Сварливому, призывает этого государя царствовать в согласии со «Святой Церковью», чего последний король не делал, откуда и все несчастья его царствования:

Эй, король Людовик, подумай о своем отце:
Если бы он поддерживал мир с Церковью,
Стольких бед бы не произошло,
Какие приключились в его время.
Это случилось потому, что Святая Церковь
За него усердно не молилась.

---

¹⁰ *Infrascripta sunt in quibus magna pars Ecclesie Gallicane gravatur contra jus, ecclesiasticam libertatem, et contra statuta regia.* Archives nationales. J 1036. N° 1.

II. Знать и простонародье при Филиппе Красивом

Без посягательств на общественный мир

Правительству Филиппа Красивого не пришлось подавлять ни одного открытого восстания. Принцы крови вели себя спокойно. Крупные феодалы, за исключением графа Фландрского, вмешивались в государственную политику лишь затем, чтобы подтвердить согласие с актами короля. Прошло время, когда второстепенная знать и города могли бросать вызов королевской власти: за все время была предпринята всего одна мелкая полицейская операция — в 1309 г. против Беро де Меркёра, сеньора Жеводана, бывшего приближенного короля, поссорившегося с ним; несколько случаев народных волнений, вызванных местными распрями, сбором налогов или колебаниями монетного курса (в Руане в 1292 г., в Лане в 1294 г., в Сен-Кантене в 1295 г., в Париже и Шалоне в 1306 г. и т. д.), были инцидентами малозначительными.

Самые опасные посягательства на общественный мир в ту эпоху, как и в век Валуа, предпринимали банды королевских наемников, которых после каждого похода распускали, не заплатив им, и они по возвращении принимались за грабежи.

В 1312 г. в Бурже повесили несколько сотен таких грабителей, которые, вернувшись из Фландрской армии, творили бесчинства.

Недовольство и страдания знати и простонародья не выражались в отдельных проявлениях насилия, подавить которые было бы слишком легко. Но тем не менее недовольство было очень сильным: «Пусть же остерегается этого нынешний король, — писал в своих „Воспоминаниях“ старый сир де Жуанвиль, — ибо он избежал такой же опасности, если не большей, чем мы в свое время; пускай же раскается в своих преступлениях, дабы Господь не поразил жестоко ни его самого, ни его дело»¹¹.

Знать в XIII в.

Причины для дурного расположения духа у знати появились давно.

В XIII в. большинство традиционных вольностей знати вошло в явное противоречие с принципами общественного порядка, которые отстаивало королевское правительство, лучше, чем кто-либо, способное ощущать, в чем состоит общий интерес. Знатные люди высоко ценили право носить оружие и использовать его — либо на турнирах, либо в «частных войнах», какие вели меж собой; они были очень привязаны к старинным варварским судебным процедурам («Божьему суду», судебному поединку), к своим судебным привилегиям и к независимости своих судов; вмешательство верховной власти в их отношения со своими людьми они

---

¹¹ Цит. по: Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / пер. Г. Ф. Цибулько. СПб.: Евразия, 2007. С. 17.

воспринимали враждебно. А ведь частные войны, турниры (которые были маленькими войнами) и поединки, остатки старинной феодальной цивилизации, были несовместимы с новым идеалом «мира»; что касается сеньориальной автономии, монархический режим определенно мог утвердиться только за ее счет.

Людовик Святой принимал меры против привилегий

Людовик Святой, о котором знать в начале XIV в. говорила, что его царствование было для нее золотым веком, как раз предпринял многое, что могло ей очень не понравиться. В своих доменах он в гражданских и уголовных делах заменил старинный обвинительный принцип судопроизводства (судебный поединок) розыскным принципом, позаимствованным из канонического права¹². В январе 1258 г. он запретил во всем королевстве частные войны. В его время получила развитие система «признаний» (*avoueries*), очень невыгодная для сеньоров: достаточно было, чтобы человек сеньора признал себя человеком короля, и простое «обещание верности» (*aveu*) выводило его из-под сеньориальной юрисдикции. Также при Людовике IX начало появляться все больше (особенно на Юге, вдоль англо-гасконской границы) «бастид», или «новых городов» (*villes neuves*), укрепленных мест убежища, которые король наделил завидными привилегиями и куда к ущербу для сеньоров стекались люди из соседних

---

¹² *Guilhiermoz P.* Saint Louis, les gages de bataille et la procédure civile // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1887 (48). P. 111–120.

сеньорий¹³. Наконец, в ту эпоху на земли сеньоров уже проникали сержанты короля, чиня всевозможные обиды, притеснения, злоупотребления под предлогом «королевских случаев», небрежения феодальных судей, апелляции истцов в суд высшего сюзерена и т. д. Страна, где постоянно происходят такие посягательства на вольности знати, больше не заслуживает имени «сладостной Франции», — сказал один сочинитель песен, современник Людовика IX: это выродившаяся, «порабощенная» земля. Автор «Романа о Гаме» тоже жалуется, что Филипп III в 1278 г. в интересах крестового похода запретил турниры, так что французские рыцари, чтобы биться на таковых, вынуждены ездить за границу.

Меры Филиппа Красивого

Филипп Красивый не предпринимал против вольностей знати и в интересах общественного порядка ничего сверх того, что делали его непосредственные предшественники. На парламенте, созванном на День Всех Святых 1296 г., он повелел, чтобы во время войны с англичанами не было частных войн, вызовов на поединки (судебные) и турниров; уже начатые войны следовало прервать с помощью перемирий, подлежащих ежегодному продлению, или вечных «*asseurements*» [гарантий мира (*фр.*)]. В январе 1304 г. он запретил, навсегда

---

¹³ *Curie-Seimbres A. Essai sur les villes fondées dans le sud-ouest de la France au XIIIe et XIVe siècles sous le nom générique de bastides. Toulouse: E. Privat, 1880; Giry A. Bastide // La Grande Encyclopédie. T. 5 (Bail-lière — Belgiojoso). Paris: H. Lamirault et Cie, 1885–1902. P. 664–666.*

и во всем королевстве, вооруженные грабежи и отдельные войны, «несмотря на противоречащий этому обычай». Он неоднократно воспроизводил запрет на ношение оружия. Но все эти распоряжения он делал «по примеру Людовика Святого», «чтобы следовать стопами наших предков», в соответствии с прецедентами.

Королевская фискальная система и мирское общество

И налоговый режим, каким правительство Филиппа Красивого обременило знать и «простонародье», тоже, собственно говоря, придумало не само это правительство. Здесь вся оригинальность опять-таки свелась к частому применению и логическому развитию уже выдвинутых принципов.

Зарождение королевского налога

С начала XIII в. король имел право требовать «ради обороны королевства» более обширных услуг, чем феодальные, предусмотренные в ленных договорах. Как *сеньору* вассалы были обязаны ему военной службой, бесплатной, в течение установленного количества дней, и чрезвычайной помощью в некоторых определенных случаях (таких как свадьба старшей дочери или дочерей, посвящение в рыцари старшего сына или сыновей, заморский крестовый поход и т. д.). Как *суверен* он имел право от жителей своей земли требовать «верности»; а ведь верность предполагала неопределенные, но неперенные обязанности — все, кто был обязан королю верностью, должны были в случае необходимости служить ему на войне столько времени, сколько потребуется.

Военная служба и «верность»

«Верным» полагалось идти в поход; но массовая мобилизация такого количества людей, не все из которых были привычны к оружию, повлекла бы неудобства. На практике чаще всего допускали, чтобы они откупались. Знатные люди обыкновенно шли на войну лично; простонародным общинам разрешалось посылать в качестве своих представителей в королевское войско контингенты отобранных людей или даже совсем уклоняться от службы суверену, выплатив сумму, в какую обошлись бы набор и содержание контингента; король на деньги от этого налога рекрутировал наемников. Когда возникала «необходимость», люди короля договаривались с магистратами каждой общины, согласуя с ними (с учетом прецедентов, нынешних ресурсов данного места и потребностей короны) численность контингента или денежную сумму.

Поначалу обязательств верности реально можно было требовать только от жителей королевского домена и нескольких церковных владений по соседству; но постепенно, благодаря усилению королевской власти, эти обязательства были распространены на вассалов, арьер-вассалов и их людей, то есть на всех жителей королевства. Этот феномен как раз происходил в конце XIII в.: Филипп Красивый смог убедить население во время созывов войска в походы на Фландрию, что бывают случаи, когда «королю должны служить люди любого рода, безо всяких отговорок»; когда в 1300 г. жители Але обратились по этому поводу за советом к юристам своей правовой школы, те ответили: их учителя, комментируя «Дигесты» и «Новеллы»,

учили их, что ради «обороны королевства» (*tuitio regni*) принимать законы о налогах надлежит королю. Принцип был провозглашен.

Откуп от военной службы

Разумеется, как в королевстве, так и в домени массовая, реальная мобилизация всех мужчин, годных к военной службе, была бы нежелательной и, кстати, невозможной. Принудительный набор всех здоровых мужчин деревни или города в войско иногда производился в случае местной угрозы и крайней нужды, но редко. Как за пределами домена, так и в домене, имея дело как с вассалами, представлявшими людей своих сеньорий, так и с магистратами простонародных общин, людям короля следовало заранее готовиться к тому, что придется договариваться, обсуждать, соглашаться на контингенты, соразмерные ресурсам, или на денежные эквиваленты. Если был провозглашен принцип, что все обязаны служить, то в реальности установился обычай откупаться, при помощи либо отправки контингентов, либо денежных выплат¹⁴.

---

¹⁴ Похоже, для простонародных общин и для аббатств военная служба там, где она требовалась, в 1234 г., в 1237 г., в 1276 г. (войско Совтера) принимала форму денежной помощи, а в 1253 г. (войско Эно) — форму контингентов. Облик больших королевских армий времен последних Капетингов по прямой линии, армий, состоявших из наемников — знатных и незнатных, отечественных и иностранных, иногда усиленных контингентами простонародных общин, известен главным образом по военной хронике «Ветвь королевских родов», очень богатой техническими подробностями, которую написал некий Гильом Гиар, служивший знаменосцем контингента города Орлеана в начале похода 1304 г.

Сочетание этого принципа с таким обычаем неминуемо привело к созданию налогов, представляющих военную службу, которые в случае необходимости можно было требовать. Логика вещей также предписывала, чтобы королевское правительство единообразно установило для всего королевства размер этих чрезвычайных налогов и базу налогообложения и поручало их взимать непосредственно своим служащим. Но все эти последствия случились не сразу: областям, где никогда не платили королевского налога, привыкать к нему было трудно; людям короля сначала приходилось вступать в переговоры, вести их осторожно, смиряться с необходимостью сделок, иногда предоставлять отсрочки и даже освобождение от выплат, скорей просить, чем требовать, вознаграждать податных за готовность платить, а то и покупать ее. Такие предосторожности стали ненужными только через несколько веков упорных усилий, предпринимавшихся в одном и том же направлении.

У правительства Филиппа Красивого, как и у правительства Филиппа Смелого, очень часто возникал повод сослаться на «случай необходимости» и собрать во всем королевстве экстраординарные финансы в компенсацию военной службы, и таким образом оно добилось больших успехов в приучении населения к налогу, но от необходимости вести себя осторожно не избавилось — эволюция еще только начиналась. Разительным был контраст между высокомерными утверждениями в преамбулах некоторых налоговых ордонансов Филиппа

во Фландрию (*Paris G. Guillaume Guiart // Histoire littéraire de la France. T. 31. Paris: Imprimerie nationale, 1893. P. 104–143*).

Красивого (где идет речь о «полноте королевской власти») и практикой того времени, на какую уполномочивали секретные инструкции, составлявшиеся королевским двором для комиссаров, которых посылали «по делам налогообложения».

Королевский налог при Филиппе Красивом

Когда в начале царствования Филиппа Красивого подготовка к большой войне с Англией вызвала у его правительства огромную потребность в деньгах, оно «ради обороны королевства» (*pro defensione regni*) прибегло к разным фискальным приемам¹⁵.

Займы

Сначала, как уже бывало, оно заключило договоры о займах — флорентийские финансисты Биш и Муш ссудили ему 200 тыс. турецких ливров; потом был «размещен и собран» заем на гасконский поход, как десятью годами раньше «разместили и собрали» «с богатых бюргеров всех добрых городов» заем на арагонский поход 1284 г.; сенешальства и бальяжи объезжали комиссары, «раздобы-

---

¹⁵ История экстраординарных финансов в конце XIII и начале XIV в. еще очень темна. Чтобы ее изложить, понадобился бы целый том. Набросок, приведенный далее, предложен как предварительный. Пока что см. *Boutaric E. La France sous Philippe le Bel: étude sur les institutions politiques et administratives du moyen âge. Paris: H. Plon, 1861; Callery A. Histoire du pouvoir royal d'imposer depuis la féodalité jusqu'au règne de Charles V: origines de l'impôt royal des états généraux et provinciaux, de l'administration des aydes et de la cour des aydes. Étude destinée à l'histoire des institutions financières de l'ancienne France. Bruxelles: A. Vromant, [1879]. P. 84 и далее.*

вая дары и займы» (*pro donis el mutuis procurandis*); королевская казна получила из этого источника 630 тыс. турецких ливров; со своей стороны должностные лица двора, прелаты, члены парламента, счетоводы ссудили 50 тыс. турецких ливров. К такому ресурсу, как займы, Филипп Красивый прибегал и позже. Были ли они добровольными или принудительными? Конечно, добровольными они были не всегда. Мэтр Жан Круассан, клирик короля, в сентябре 1302 г. получил королевское письмо такого содержания: «Вам известно, в какой великой крайности и нужде мы ныне находимся из-за обороны королевства... Мы в настоящее время просим помощи от тех, для кого, как мы полагаем, мы необходимей, потому что их благосостояние или несчастье всецело зависят от нашего состояния. Поэтому мы просим вас во имя любви и верности, каковые вам следует питать в отношении нас и королевства, а также если вы желаете избежать нашего негодования, помочь нам в этих обстоятельствах, ссудив триста турецких ливров. Отправьте эту сумму нашим людям, в Лувр, без отговорок и без отлагательств, ибо мы определенно знаем, что вы можете это сделать, сами или через посредство друзей... И мы ясно уведомляем вас, что никогда не будем считать ни другом, ни верным того, кто покинет нас в столь великой нужде». Король добавил: «Мы хотим, чтобы вы были уверены, что мы вернем вам оный заем». То есть принудительные, до некоторой степени, займы подлежали погашению: *mutua* [заем (*лат.*)] не был абсолютным синонимом *dona* [дара (*лат.*)]. Но гасили их не всегда: ко времени пришествия Валуа займы, о которых договорились по случаю Арагонской войны 1284 г., «возвращены» еще не были. Впрочем, обычно те,

кто соглашался давать столь рискованные займы, давали их на условии предоставления некоторых преимуществ, например освобождения от всех остальных налогов или от воинской повинности: «Вам следует усердно, — гласит одна секретная инструкция сборщикам даров и займов, — стараться получать займы у богачей, либо прелатов, либо горожан; делайте щедрые и твердые обещания, что все обязательно будет оплачено. И пусть те, кто сделает заем, не будут обязаны идти в войско. Если они будут отказываться, то, в каком бы довольстве они ни жили, не принуждайте их напрямую; но заставляйте их идти в ополчение либо делать такие большие выплаты на войско, чтобы они предпочли ссудить деньги...»

Мальтот

Второй прием состоял в том, чтобы обложить торговые сделки налогом, который назывался «дене с ливра», или *мальтот* (*maltôte*), — *алькабалой* испанской монархии. По этой статье итальянские купцы, похоже, заплатили в 1295 г. 16 тыс. турецких ливров. Париж, Шалон, Реймс и Турне откупились от этой ненавистой пошрины, трудный сбор которой очень часто приводил к дракам, рядом выплат, в сумме составивших около 60 тыс. турецких ливров¹⁶. Мальтоты, или пошрины с торговых сделок, были, как и «займы», обычным ресурсом в случае необходимости. Правительство Филиппа прибегало к ним не раз¹⁷.

---

¹⁶ См. ниже, с. 188.

¹⁷ С производства сукон в Лангедоке оно взимало также габель. Это было ценой, какую фабриканты Юга платили за вводимые правительством запреты на вывоз необработанного сукна, шерсти и красите-

Прямые пропорциональные налоги с капитала или с дохода

Наконец, с 1294–1295 гг. в королевстве именем короля взимали в качестве «субсидий» сотые и пятидесятые доли. Это были прямые налоги с капитала или с дохода, пропорциональные, которые теоретически следовало собирать во всем королевстве. Метод прямого обложения капитала или дохода (который предполагал, естественно, тщательную оценку имущества податных) в ту эпоху отнюдь не был новшеством — его издавна использовали во многих общинах для оценки дохода, облагаемого муниципальной тальей; но со стороны короны новизна, похоже, состояла в том, что тем самым в единой форме назначалась сумма субсидии, требуемой из «общественной необходимости». Как бы то ни было, с тех пор вводили все новые общие налоги такого рода, постоянно оправдывая их войной или военными угрозами, а при Филиппе Красивом об этом можно было говорить почти каждый год. Ими облагался либо капитал (сотые, пятидесятые, двадцать пятые доли капитала каждого), либо доход (двадцатые, десятые, пятые доли дохода каждого). Впрочем, частные положения ощутимо варьировались: было бы очень интересно изучить различия между ними, четко проявлявшиеся каждый год. Например, инструкция по сбору пятидесятой доли за 1296 г. оговаривает, чтобы никто, кроме держателей фьефов,

---

лей. От этих запретов казна получала двойную выгоду, потому что промышленность платила за то, чтобы их добиться, а заинтересованные лица просили у короля разрешений обойти эти запреты и получали их легко, но за деньги.

имеющих другие обязанности, не освобождался от этого налога — ни чиновники короля, ни клирики, ни сервы; все, у кого нет имущества стоимостью в 100 су и нет другого дохода, кроме дохода от своего труда, должны были платить 6 денье. А вот что предписывалось в марте 1303 г.: со 100 турецких ливров земельного дохода следует платить налог размером в 20 турецких ливров; с 500 турецких ливров капитала, заключающегося в движимом имуществе, — 25 турецких ливров; те, чей доход с недвижимого имущества менее 100 турецких ливров, но больше 20, будут платить десятую долю; те, чье движимое имущество стоит менее 500 турецких ливров, но более 50, — пятидесятую; знатные люди, имеющие самое меньшее 50 турецких ливров дохода с недвижимого имущества, если не пожелают идти в армию, заплатят половину стоимости своих земель в течение года; со вдов и сирот возьмут только четверть. В общем, ясно, что пропорциональный налог с дохода (он служил и для оценки церковных имуществ) и капитала (*secundum quantitatem bonorum*) в XIII в. считался самым легитимным образцом публичного налога, — поскольку, согласно очень старинной теории, общепринятой в Средние века, военную службу должны были нести только те, кто имел средства, чтобы содержать себя в походе, воинская обязанность была соразмерна богатству, и представлялось справедливым, чтобы каждый откупался от этого долга, насколько ему позволяет состояние¹⁸.

---

¹⁸ Инструкция за 1303 г. настаивает на этом: комиссары короля должны были демонстрировать, насколько ордонанс «снисходителен, особенно к простому люду». Само собой разумеется, что

Сбор этих субсидий

Но, после того как «повелели» истребовать эти субсидии, надо было их «собрать». Тут-то и начинались трудности.

В самом деле, были сеньоры, оспаривавшие это право короля. Таким в 1297 г. оказался граф Фуа. Когда Жан де ла Форе, королевский клерк, попытался собрать субсидию с жителей графства Фуа, вопреки их воле и воле графа, прокурор означенного графа выразил протест: «В подобном случае граф и его люди не обязаны платить субсидии; их иммунитет существует с незапамятных времен; наместники короля на Юге, коннетабль Франции и монсеньор Робер д'Артуа, признали, что граф и его люди освобождены от обложения налогом; таким образом, речь идет о „новой повинности“; и Жан де ла Форе, не предъявивший своих полномочий, хотя от него этого потребовали, действовал вопреки намерениям короля, ведь король заявил, что никого не будут принуждать, — он хотел, чтобы щедроты были добровольными...» Правительство

оценка имущества и доходов каждого была непростым делом. Рекомендовалось добиваться от податных принесения клятвы, привлекать уважаемых людей для выслушивания этих клятв или расследования, обращаться к старым налоговым реестрам и т. д.: «*Super hoc inquirere potestis per taxationes antiquas, vel per vicinos, vel saltem per juramenta ipsorum quos ad financiam teneri noveritis*». Тем не менее обманов было много: «Иные якобы никогда не оценивали свой несобранный урожай, или не получали доходов от ростовщичества, другие же сократили годовое потребление пищи, расходы на свои потребности, на брак детей, которым еще предстояло вступить в брак... и многое другое...».

должно было заставить людей платить. И хотя оно было достаточно сильным, чтобы не бояться восстаний, могущества для того, чтобы занять непримиримую позицию, ему не доставало. Поэтому в ход шли разнообразные приемы.

Используемые приемы

Легко понять, что король поначалу мог обращаться к людям своих вассалов и арьер-вассалов только через посредство их сеньоров. В самом деле, чтобы убедить сеньоров признать претензии короны, следовало беречь их самолюбие и предлагать им приманки; а ведь их самолюбие не страдало, только если они сохраняли за собой право самостоятельно созывать и вести в королевское войско контингенты своих сеньорий; приманку же они получали, если после того, как люди короля назначили сумму обложения их людей, они были вольны сами взимать с народа несколько бóльшую сумму и оставлять разницу себе. То есть, когда появлялось «повеление» оказать помощь (в виде контингентов или субсидий), комиссары короля получали величайшую свободу действий для ее «сбора» при условии, что добьются «как можно больше». Они могли позволить сеньорам самим собирать субсидию на их землях, следя за этим сбором совместно с сеньориальными служащими; ради единожды уплаченной суммы соглашаться на сделку с общинами, которые способу обложения, рекомендованному королем, предпочитали местные виды «талли»; оставлять сеньорам, которые позволят им орудовать на своих землях, долю, в 1296 г. составлявшую треть для важнейших баронов и четверть для прочих сеньоров, обладавших правом высшего суда. Им всегда было разрешено

при надобности признавать, что настоящее обложение предпринято без ущерба старинным иммунитетам, только на сей раз (*has vice*), «из чистой любезности», и что оно избавит от всяких последующих просьб. В марте 1303 г. комиссары получили приказ «собирать самых зажиточных жителей города или нескольких городов, в зависимости от земли», и старательно растолковывать им преимущества ордонанса: «Вы должны уметь говорить с народом ласковыми словами и давать ему понять, какое проявили великое неповиновение, устроили мятежи, причинили нам и королевству ущерб наши фламандские подданные. Вы должны взимать эти деньги, вызывая как можно меньше скандалов и потрясений для простого люда, и разъяснять им, как, делая эти выплаты, они спасутся от опасностей для себя самих и от очень больших расходов». Им особенно рекомендовалось, кроме того, не собирать эту субсидию на землях баронов без разрешения: «И вопреки воле баронов не берите эти деньги на их землях, но держите эту статью в секрете, ибо если они о ней узнают, это нанесет нам очень большой вред. Всячески угождая им, как только сможете, уговаривайте их, чтобы они благоволили терпеть этот сбор. Имена же тех, кто будет против, срочно пишите нам, чтобы мы дали совет, как их образумить; и говорите с ними красивыми словами, так учтиво, чтобы не вызвать негодования».

Требовалось ли согласие податных на сбор субсидий?

Таким образом, экстраординарные субсидии, какие можно было требовать «в случае необходимости» с простолюдинов домена и простолюдинов

из владений сеньоров (и с самих дворян, если они лично не служат), подвергались обсуждению, и для их сбора в определенной мере требовалось согласие, как и в случае десятины, взимаемой с церкви. Иногда люди короля договаривались лично с магистратами городов, с вельможами, но чаще всего они вели переговоры сразу со всеми дворянами провинции, созванными на собрание, или с городскими нотаблями, представлявшими города целой области. Люди короля произносили перед ними речи, давали им обещания, отвечали на ходатайства. Они с легкостью соглашались на то, что было, например, обещано в 1304 г. «дворянам Тулузского сенешальства» и «бюргерам и жителям городов Руанского бальяжа», собравшимся перед комиссарами субсидии (*superintendentes in negocio prosecutionis subsidii*), а именно: что выплата субсидии избавит не только от военной службы, но и всех других налогов, реквизиций или «принудительных займов»; что она прекратится, если будут заключены мир или перемирие; что для оценки имущества будут полагаться на клятву податных; что королевским монетам будут возвращены вес, закон и стоимость монеты Людовика Святого и т. д.

Региональные хартии, пожалованные в связи со сбором субсидий

Филипп Красивый декретировал сбор большого количества субсидий, которые его комиссары в провинциях *просили* у знати и простонародья или, скорей (но все эти термины слишком конкретны), *добивались* от них. Уверенно полагают, что комиссары не везде говорили одним и тем же

тоном: они были требовательными в разговорах со слабыми и покладистыми — с сильными. Самых решительных упрямцев улещивали личными милостями. Когда собрания не довольствовались обычными уступками, им делали уступки дополнительные. Так, 6 апреля 1297 г. Филипп Красивый подтвердил хартию реформирования, которую его комиссары обсудили совместно с прелатами, знатью и консулами Руэрга, — нужно было преодолеть неприятие жителей этого края, утверждавших, что они освобождены от налогов на содержание войска; на эту Руэргскую хартию за апрель 1297 г. ссылались еще в XV в. Так, в 1304 г. «бароны, знать и прочие жители Овернского бальяжа» получили особую хартию — Хартию овернцам, равным образом предназначенную для того, чтобы признать финансовые льготы; король в ней гарантировал дворянам Оверни их права высшего суда, вплоть до права ношения оружия. Другие региональные хартии такого рода даровались, конечно, на таких же условиях.

Но это не все. То ли Филипп Красивый хотел заранее обеспечить себе поддержку со стороны знати в целом, то ли, что вероятней, вся знать, испытывая более сильное давление, чем когда-либо, требовала компенсаций через посредство своих «конфедераций», возможно, не исчезнувших со времен Людовика IX¹⁹, только король издал

---

¹⁹ См. выше, с. 178. Для первых лет XIV в. есть прямые доказательства активных действий знатных людей, иногда объединявшихся с незнатными соседями, в защиту своих прав. Знать и общины провинций очень часто посылали к королевскому двору депутатов, чтобы выдвигать свои претензии, излагать жалобы. В 1303 г., в 1308–1309 г., в 1313 г. эти

довольно много ордонансов, где официально признавались привилегии знати в целом. В любом случае эти ордонансы были платой дворянам за покорность.

депутации особо настойчиво осаждали Филиппа Красивого. В 1308 и 1313 гг. речь шла о феодальном эде, отличавшемся от экстрафеодального налога ради обороны королевства, эде, который в 1308 г. требовали в связи со свадьбой Изабеллы, дочери короля, с Эдуардом Английским, а в 1313 г. — в связи с посвящением Людовика, старшего сына короля, в рыцари. Похоже, королевское правительство охотно приравнило бы этот эд, который должны были платить только вассалы и который предусматривался ленными договорами (а некоторые ленные договоры оговаривали освобождение от него), к экстрафеодальному эду, платить который должны были все «верные», то есть все. Но возникло сопротивление. «Знатные и незнатные люди частей Нормандии, — писал король в сентябре 1308 г., — явились к нам, выразив сомнение, что мы имеем право взимать в Нормандии субсидию на свадьбу нашей дочери одновременно с наших вассалов и с людей наших вассалов». В 1309 г. в Париж послали депутатов с аналогичными заявлениями на этот счет многие сеньоры, аббатства, города и сельские общины Керси и Перигора. Среди бумаг, найденных в доме Г. де Ногаре после его смерти, были доверенности, данные протестующими: «*Procuratoria eorum qui comparuerunt... ratione maritagii domine Isabellis et ratione rerum emptarum a personis innobilibus a nobilibus personis*». Интересен протест города Сен-Кантен, текст которого сохранился (Archives anciennes de la ville de Saint-Quentin / publ. par E. Lemaire. Saint-Quentin: C. Poette, 1888–1910. 2 vol.). Король был вынужден предоставить много отсрочек, скидок и полных освобождений от налогов.

Хартии в подтверждение привилегий знати в целом

Еще при Филиппе Смелом были запрещены новые «признания» путем простого обещания верности, наносившие ущерб сеньорам; основополагающий акт Филиппа Красивого в 1287 г. четко определил необходимые условия действительности будущих «признаний», «дабы пресечь мошенничества и козни, на каковые сетовали подданные»: отныне никто не будет считаться «горожанином короля» [bourgeois du roi] (и не выйдет в этом качестве из-под юрисдикции своего сеньора), если на самом деле не живет в месте, на принадлежность к жителям которого претендует, и не выполнил некоторых формальностей. 13 марта 1302 г. ордонанс, вызванный к жизни «неоднократными жалобами», определил, что комиссары короля больше не будут эксплуатировать наследство внебрачных детей и иностранцев, которые умерли на землях сеньоров, имеющих право высшего суда, «в отсутствие противного обычая».

Великий мартовский ордонанс 1303 г.

Великий ордонанс «ради реформирования королевства» за март 1303 г., обнародованный в критических обстоятельствах и много раз переиздававшийся (в частности, в 1309 г.), содержал статьи, включения которых, очевидно, требовали сеньоры: в будущем король больше ничего не приобретет во фьефах и арьер-фьефах прелатов и баронов без их согласия, «кроме как в случае, относящемся к нашему королевскому праву»; запрет привлекать людей прелатов и баронов

к королевскому суду, «кроме как в случае подсудности или в любом другом, рассмотрение какового причитается нам»; прелаты и бароны смогут наказывать на своих землях всех сержантов короля, совершивших уголовное преступление, «если оные сержанты не находились при исполнении обязанностей», а обладатели права высшего суда смогут следить за исполнением обязательств, заверенных королевской печатью; их люди будут апеллировать к своим сеньорам, по старинному обычаю, и т. д. В 1306 г. вновь разрешили судебный поединок, отмененный Людовиком IX: «Некогда мы запретили, ради общей выгоды королевства, войны всякого рода и все вызовы на поединок; но некоторые человекоубийства остались безнаказанными, потому что обвиняемых не удалось уличить путем следствия; поэтому мы смягчаем наш запрет...» 1 мая 1307 г. король велел сенешалю Тулузы прислать в центральный суд Парижа дела, рассмотренные в суде сенешальства, где как будто следовало вынести решение о поединке²⁰. Что касается частных войн, то в 1309 г. Филипп Красивый писал Клименту V, что в его королевстве, «и особенно в Реймской провинции», это зло, которое очень трудно искоренить. Когда королевский сержант из суда тулузского вигье уведомил графа Фуа об ордонансе, запрещающем частные войны во время войны

---

²⁰ Тем не менее в начале XIV в. судебные поединки были редкостью. Один парижский романист того времени отметил, что в Париже многие поединки заканчивались тогда без пролития крови. Вот его обычная формулировка: «Когда они (бойцы) на месте боя стали как нельзя суровее наступать друг на друга, многими советами и уговорами их убедили примириться, и означенное поле было покинуто».

короля с врагами королевства, граф сказал: «Я не подчинюсь, потому что у меня есть королевские грамоты, разрешающие мне воевать...»

В результате каких действий были сделаны все эти уступки? В точности это неизвестно, так как о поведении оппозиции в царствование Филиппа Красивого еще очень мало знают. Но результаты наводят на мысль, что недовольные предпринимали энергичные усилия. Несомненно, большинство компенсаций, какие им предоставлялись, были иллюзорными из-за оговорок, которыми власти сопровождали эти компенсации, используя тот же прием, что и при даровании хартий церквям; но все-таки некоторые из них выглядят довольно серьезными.

III. Общие совещания с нацией по 1314 г.

Политические собрания в XIII в.

Итак, нельзя сказать, что политической жизни во Франции абсолютно не было. Во всех церковных провинциях проводились поместные соборы, где рядом с прелатами сидели представители капитулов и низшего духовенства. Почти везде собирались знать и бюргеры либо их депутаты, чтобы совещаться, по отдельности или вместе²¹.

С другой стороны, по очень старинному обычаю король приглашал к себе тех из своих людей, у которых ему было угодно спрашивать советов или одобрения. При важных обстоятельствах двор короля наполнялся прелатами, сеньорами и прочими особами, которые обычно при нем не появлялись, но которых попросили туда прийти. Без четкой периодичности, без определенных полномочий. Эти совещательные собрания не всегда происходили одинаково: они могли быть очень многочисленными и тогда, включая в свой состав людей, прибыв-

---

²¹ О большинстве этих собраний подробностей не известно; о собраниях в Лангедоке см. *Histoire générale de Languedoc*. T. IX. Toulouse: J.-B. Paya, 1845. P. 248; *Dognon P.* Les institutions politiques et administratives du pays de Languedoc: du XIIIe siècle aux guerres de religion. Toulouse: E. Privat, 1895. P. 201.

ших со всех концов королевства, становились в некотором роде национальными; бывали собрания, где присутствовало лишь несколько баронов и прелатов из земель по соседству с местом, где располагался двор. Место, время встречи, состав и повестка дня — все зависело от воли короля, которую не ограничивала никакая традиционная процедура.

Прежде чем слово «парламент» приобрело во Франции особый смысл²², им иногда называли собрания такого рода. Подобные «парламенты» часто собирали Людовик IX и Филипп III. Людовик IX несколько раз приглашал к себе бюргеров добрых городов, чтобы давать разъяснения «насчет монет». Большие пленарные собрания, созывавшиеся перед Египетским крестовым походом и в 1284 г. (перед Арагонским крестовым походом), были очень торжественными. В серьезных обстоятельствах короли XIII в., как и их предки, считали полезным, а то и необходимым привлекать к выпуску своих актов, для усиления их авторитетности, нацию, представленную видными особами. В этом опять же содержались зародыши политической жизни.

Как совещался с нацией Филипп Красивый

Правительство Филиппа Красивого было вынуждено поощрять развитие этих зародышей, поскольку у него был повод чаще, чем это делали прежние короли, заручиться поддержкой нации по случаю особенных событий. Для этого король последовательно использовал два приема, какими располагал, чтобы получить общественное одобрение: он то приглашал представителей трех

---

²² См. ниже, с. 208.

сословий — духовенства, знати и простолюдины — к себе, то посылал делегатов от своего двора давать советы духовенству, знати и простолюдины на месте (так сказать, на их комиции).

Совещание в 1290 г.

В марте 1290 г. Николай IV написал Филиппу Красивому, что принял его посланцев и в то же время «посланцев графов, баронов и общин королевства» (*comitum, baronum ac universitatum seu communitatum regni nuntios*). Других следов совещания 1289–1290 гг., созванного по поводу переговоров, какие тогда велись между Францией и Арагоном, не осталось. Собирались ли бароны и депутаты общин королевства у короля? Опирались ли Филипп Красивый на поддержку, какой комиссары добивались на местных собраниях? Этот вопрос не прояснен.

Совещание в 1302 г.

Мы видели, что в ответ на созыв папой Бонифацием Вселенского собора король в феврале 1302 г. известил знать, церкви и города королевства, что желает «обсудить со своими прелатами, баронами и прочими верными некоторые дела, интересующие короля и королевство»²³. Действи-

---

²³ В повестке, направленной общинам Бокерского сенешальства, приглашали депутатов со всеми полномочиями, чтобы слушать и соглашаться, *не отговариваясь необходимостью снести со своими доверителями*, «*absque excusatione relationis cujuslibet faciendae*». Из этой формулировки, похоже, можно сделать вывод, что королевское правительство уже сталкивалось с проволочками, к каким в XIV в. обычно прибегали депутаты провинциальных Штатов, чтобы замаскировать отказ.

тельно, в Париж прибыло множество знатных людей, епископов, аббатов, прокуроров капитулов и представителей добрых городов. Каждое из трех сословий (знать, духовенство, простонародье), проведя обсуждения по отдельности (как в 1284 г.), одобрило политику короля и скрепило печатями написанные в соответствующем духе письма, которые (как в 1290 г.) были отправлены в Рим. Это собрание 1302 г. было первым, которое описали хронисты. Вот почему большинство историков называет его первыми «Генеральными штатами» Франции. Но событие 1302 г. не обладало качеством новизны, какое ему приписали. Современники не увидели в нем ничего необычного. Само название «Генеральные штаты» стало использоваться лишь намного позже появления совещаний такого рода. Некорректно говорить, что «в 1302 г. бюргерство впервые приняло участие в государственных делах», потому что в некоторых ассамблеях XIII и даже XII в. уже участвовали представители трех классов нации. Не факт, что «новизна в 1302 г. заключалась в том, что созыву народного элемента придали форму регулярного представительства»: ведь не доказано, что в 1302 г. созыв представителей добрых городов не производился по аналогии с прецедентами. Ассамблея 1302 г. вследствие исключительной важности конфликта, приведшего к созыву этого собрания, была более многочисленной, более примечательной и оказалась больше на виду, чем любая другая, вот и все: не нужно началом ее работы датировать «зарождение национального представительства», и никакого подражания «парламентам» Англии там, конечно, не было.

Совещание в 1303 г.

В 1303 и 1308 гг. тоже состоялись большие совещания в связи с делами Бонифация и тамплиеров. Процедура, какой следовали в том и другом году, полностью известна²⁴.

В 1303 г. речь зашла о будущем соборе, направленном против Бонифация. В Париже прошли собрания знати, прелатов и простонародья. Королевство стали объезжать комиссары, собирая заявления о поддержке со стороны как отдельных нотаблей, так и разнообразных организаций — капитулов, монастырей, простонародных общин и т. д. Гильом де Плезиан, Дени де Санс и виконт Нарбоннский, комиссары на Юге, созвали в Монпелье депутатов от знати и городов трех сенешальств — Бокера, Каркассона и Родеза, которые посовещались по отдельности и выразили единодушную поддержку. В то время знали, что делать, чтобы добиться единодушной поддержки²⁵.

Совещание в 1308 г.

В 1308 г. королевское правительство хотело получить одобрение мер, которые приняло и еще намеревалось принять против тамплиеров, в виде

---

²⁴ Документы, относящиеся к этим совещаниям, вскоре опубликует Ж. Пико в сборнике под названием: *Documents relatifs aux Etats généraux et assemblées réunis sous Philippe le Bel* / publ. par G. Picot. Paris: Imprimerie nationale, 1901. [Collection de documents inédits sur l'histoire de France], листы из которого, напечатанные в ограниченном количестве, мы видели.

²⁵ См. выше, с. 81.

открытого проявления народных чувств. С этой целью 24 марта разослали циркуляр архиепископам, епископам, аббатам, деканам и прево капитулов и всем церковным учреждениям, призывая их поддержать короля в том, что он предпринял в защиту веры. Встреча была назначена в Туре, куда должен был приехать король, через три недели после Пасхи. Аналогичный циркуляр «мэрам, эшевенам, консулам и общинам выдающихся мест королевства», который призывал каждый «выдающийся город» прислать двух депутатов, датируется 25 марта. Некоторым баронам такие послания были адресованы лично. В то же время сенешали и бальи получали указания передавать все эти повестки «без промедления, специальными гонцами». Большинство прелатов и знатных людей приехали сами. Те, кто не имел такой возможности, прислали доверенных лиц; некоторые в качестве своих представителей выбрали рыцарей или клириков, близких ко французскому двору: так, духовенство Буржской епархии представляли Филипп де Морне (который был канцлером Франции), Пьер де Бурж, Пьер де Прюне, Рено д'Обиньи и Санш де ла Шармуа, клирики из канцелярии или Счетной палаты, в то время как Гильом де Ногаре получил доверенности от восьми из основных сеньоров Юга — Эймара де Пуатье, графа Валентинуа, Амори, виконта Нарбоннского, сеньоров Турнеля, Апшье, Юзеса, Эмарга, л'Иль-Журдена и епископа Вивье. Всем этим доверенным лицам следовало, в границах своих полномочий, не обсуждать, а одобрять то, что будет угодно королю, *ad obediendum, ad audiendum mandatum domini regis* (Аваллон), *ad audiendum ea que per dominum regem ordinabuntur* (Сен-Вандрий), «видеть и знать за-

коны и ордонансы нашего государя короля и повиноваться таковым, согласно повелению нашего означенного государя короля и его людей» (Монтьераме), и т. д. Доверенности от городов содержали те же формулы повиновения, предписанного заранее: оба депутата от каждого города посылались только затем, чтобы «выслушать и передать волю короля» (Сен-Дени-ан-Франс), «дабы передать ордонанс нашего означенного государя короля и наших магистров» (Ла-Рош-Гийон), «дабы выполнить волю нашего государя короля Франции» (Васси), «дабы выслушать ордонансы, каковые он издал насчет тамплиеров и других дел» (Вокулёр), и т. д. Представителей простонародья было, кстати, исключительно много: ведь простые деревни, как Оффе в бальяже Ко, считались «выдающимися местами» (*loci insignes*), и от них как от таковых приглашали делегатов. В выборах, проходивших в городах и деревнях, принимали участие либо все жители, либо «самая большая, сильная и здоровая часть бюргеров». Иногда мероприятие проходило два этапа: вначале происходил отбор представителей, а затем они голосовали по поставленному вопросу. Некоторые общины простодушно осмелились доверить своим депутатам передачу требований местного значения: например, депутатам от Феррьер-ан-Гатине их доверители поручили просить пособие на ремонт церкви Сент-Элуа-де-Феррьер, а депутатам от Бетюна — позволение назначить муниципальные пошлыны.

Другие совещания

Совещания 1302–1303 и 1308 гг. были самыми общими из тех, какие организовало правительство Филиппа Красивого, потому что только

дела Бонифация и тамплиеров казались достойными того, чтобы оправдать нечто вроде национального референдума. Но много было и других²⁶.

Финансовая компетенция собраний

Теперь невозможно не задаться вопросом: в какой мере собрания того времени обладали финансовой компетенцией? При каких условиях власти «повелевали» предпринимать бесчисленные сборы налогов в ту эпоху?

Король, как мы сказали, имел право требовать от своих «верных» службы либо субсидий взамен этой службы, «в случае необходимости». Но кто был судьей, принимавшим решение о «случае

---

²⁶ Хронология ассамблей при Филиппе Красивом, которую составил А. Эрвьё: *Hervieu H. Recherches sur les premiers États généraux et les assemblées représentatives pendant la première moitié du quatorzième siècle*. Paris: Thorin, 1879, оставляет желать много лучшего.

Впрочем, история совещаний, устроенных с 1302 г. последними Капетингами по прямой линии, в большой мере искажена, потому что историки прежде всего старались различать собрания, которые точно соответствовали определению «Генеральных штатов», введенному позже, в XV в., и те, которые ему не соответствовали. Вопрос, было ли такое-то собрание времен Филиппа Красивого или его сыновей сессией «Генеральных штатов» или не было, вызывал споры, которые совершенно бессмысленны, потому что этого строго определенного понятия и самого выражения «Генеральные штаты» в то время не существовало. Мало того, что «многообразие форм совещаний и недостаточная точность документов не всегда позволяют понять, имеем ли мы дело с настоящими Генеральными штатами»; даже задаваться таким вопросом уже значит впадать в анахронизм.

необходимости»? Король со своим Советом, более или менее укомплектованным прелатами и баронами, которые постоянно пребывали при дворе или находились там проездом. Именно на одобрение собраний дворцовых советников, прелатов и баронов, несомненно, довольно малочисленных (прелаты и бароны играли там декоративную роль), и ссылался Филипп Красивый в своих декретах о сборе налогов. После катастрофы при Куртре, в августе 1302 г., король велел, чтобы каждый принес в Монетный двор половину своей серебряной посуды, «с одобрения некоторых наших друзей и верных прелатов и баронов»; в марте 1303 г. объявили о сборе пятой части «по совету наших верных прелатов, баронов и других советников»; в октябре 1303 г. эд «наложили» на Шато-Тьерри «после совещания наших прелатов и баронов, решение которых мы смогли получить», и т. д. То есть предоставление согласия здесь было чистой имитацией. Настоящее согласие на исполнение повелений короля (в той мере, в какой такое согласие достигалось) давали комиссарам короля местные собрания знати и бюргеров после переговоров с первыми о способах исполнения.

Собрание 1314 г.

До конца царствования Филиппа Красивого с представителями податных советовались именно таким образом — не на пленарных ассамблеях, собираемых перед сувереном, а на местных собраниях, которые созывали представители суверена. Этот метод был надежней. Потом, подавлять возможное сопротивление всегда было проще в мелких «Штатах», раздробленных на бальяжи и сенешалства, чем на «Генеральных штатах». Однако

в первые годы XIV в. такого расчета могло и не быть. В октябре 1303 г. Филипп Красивый извинялся, что не созвал пленарную ассамблею для обсуждения субсидий: «Потому что мы не смогли собрать всех наших прелатов и баронов королевства так скоро, как требовала срочная нужда...» И когда в августе 1314 г. решились, переживая худшие затруднения, созвать во дворце на острове Сите в Париже собрание, похоже, довольно сходное с собраниями 1302 и 1308 гг., чтобы посоветоваться с духовенством, знатью и «простонародьем» о новых фискальных мерах, каких требовали приготовления к войне, эта ассамблея не стала вступать в споры. 1 августа — сообщают «Большие хроники Сен-Дени» — бароны, епископы и по несколько бюргеров от каждого города королевства, которые были приглашены, собрались в Париже. Ангерран де Мариньи, рыцарь, «коадьютор короля и правитель королевства», взошел на помост, где сидели король, прелаты и бароны. Обратившись к «народу», он объяснил, почему король созвал их. Он вознес хвалу Парижу и рассказал историю отношений между французскими королями и Фландрией со времен Филиппа Августа. Он сказал, сколько король потратил на войну с фламандцами, — столько денег, что просто удивительно! Он объяснил, что граф и города Фландрии не хотят исполнять мирный договор, хотя скрепили его своими печатями. Наконец, он «заявил бюргерам коммун, собравшимся здесь, что желает знать, окажут ли они ему помощь против фламандцев или нет. Тут, по желанию Ангеррана, поднялся его государь король Франции оттуда, где сидел, чтобы увидеть, кто пожелает оказать ему помощь. Встал Этьен Барбет, парижский бюргер, и заговорил от имени одного

города: он сказал, что они все готовы оказать ему помощь, каждый по мере своих возможностей, и идти туда, куда он захочет их повести, за их собственный счет. И после одного Этьена все бюргеры, которые явились от имени коммун, ответили в том духе, что охотно окажут помощь; и король поблагодарил их».

Зарождение «Генеральных штатов»

Таким было скромное зарождение «Генеральных штатов» во Франции. Большие пленарные ассамблеи времен Филиппа Красивого просто-напросто брали на себя выполнение желаний короля. Но единственно в силу того факта, что они состоялись, были созданы прецеденты и наметились идеи. Советники Филиппа Красивого не отдавали себе отчет, что поступали неосторожно, поощряя столь частыми совещаниями политическую активность в стране. Сами они от нее не пострадали, это правда; но первые последствия возникли почти сразу же, а через сорок лет современники Этьена Марселя едва не довели их до крайности.

Через несколько недель после августовского «парламента» 1314 г. возникло движение против королевской власти, которое долго считали одним из самых своеобразных эпизодов в истории средневековой Франции, но оригинальность которого преувеличена. История предыдущих отношений Филиппа Красивого с духовенством, знатью и просто народом, сегодня известная лучше, чем прежде, позволяет отчетливо видеть характер и масштабы этого движения.

IV. Движение 1314 г.

Движение 1314 г., по рассказу одного современника

Вот как зарождение движения «союзников» описывает Годфруа Парижский. В 1314 г. объединились французские бароны по всему королевству — бароны Франции, Пикардии, Нормандии, Бургундии, Шампани, Анжу, Пуату, Бретани, Оверни, Гаскони и т. д. Они решили сказать королю, что больше не позволят ему облагать податных тальей без сопротивления. Они сказали ему, что он нарушил клятву, данную при коронации, введя новые налоги. Его предшественники не нуждались в обложении подданных тальей, чтобы царствовать со славой. Он же «съел свой народ» — сотые доли, пятидесятые доли, деньги тамплиеров, евреев, ломбардцев и т. д.; может быть, он и не получил от этого ничего, но его близкие получили позолоченные дворцы. Король подчинился, пишет Годфруа: сбор нового налога, о котором вышло повеление, был приостановлен.

Провинциальные лиги духовенства, знати и простолюдов

И верно, в некоторых провинциях образовались лиги. Например, акт Бургундской лиги, датированный ноябрем 1314 г., заключили меж собой

несколько баронов, «от своего имени и от имени прочих дворян герцогства Бургундского», аббаты, деканы и приоры от имени духовенства и «простонародье» одиннадцати городов «от имени всех городов герцогства, больших и малых». «Мы поклялись, — записали они, — защищать друг друга от всех неразумных начинаний короля». Они условились собираться самое меньшее раз в год в Дижоне, на следующий день после Фомина воскресенья, «чтобы давать указания о том, что послужит общей пользе, и оценивать, что было сделано и что надо будет сделать». Были выбраны два комиссара на год, сир де Курсель и сир де Грансе, рассудить которых, если понадобится, должен был третий комиссар, сир д'Антиньи; они должны были выступать суверенными арбитрами по всем разногласиям между лигерами, особенно знатными, «будь то из-за войны или судов, будь то из-за движимого или недвижимого имущества, будь то по какой бы то ни было другой причине».

Конфедерации между лигами

Лига герцогства Бургундского и лига графств Оксера и Тоннера, уже объединившиеся с лигой «знати и простонародья Шампани» (к которой принадлежал Жуанвиль), 1 декабря вступили в союз со «знатью и простонародьем стран Вермандуа, Бовези, Артуа, Понтьё и земли Корби». «Весьма превосходный и весьма могущественный монарх, наш дражайший и весьма грозный государь Филипп, — гласит акт этой конфедерации, — ввел и собрал несколько талий, податей, необоснованных поборов, провел ряд изменений монетного курса и совершил ряд прочих поступков, от которых знать и простонародье королевства пострадала».

ли и обеднели; не похоже, чтобы это способствовало чести и пользе короля и королевства, как и общей пользе. В связи с этими нареканиями мы несколько раз смиренно и благочестиво просили и умоляли означенного нашего государя короля не вести себя так. Он этому никак не внял и еще в настоящем году пожелал обложить необоснованными налогами знать и простонародье королевства. Мы с чистой совестью не можем этого потерпеть; ибо тем самым мы утратили бы свою честь, свои льготы и вольности и оказались бы навсегда в рабстве, мы и те, кто придет после нас. Мы просили короля и его совет, чтобы нашу жалобу рассмотрели. Он нам ответил, что это право короля и что король достаточно могуществен, чтобы принуждать и карать мятежников. После этого король и в самом деле показал, перейдя к угрозам, что намерен получать от нас означенные блага силой, а не по праву». Лига Вермандуа, Бовези, Артуа, Понтьё и Корби обязалась помогать лиге Бургундии, Оксера, Тоннера и Шампани из-за налога, какого требовали в настоящее время, и в будущем в случае появления каких угодно «новшеств», исходящих от короля или от кого-либо другого. Координировать общие действия должен был совет из двадцати четырех рыцарей, по двенадцать от каждой группы лиг. Это соглашение было двусторонним, вечным и заключалось без ущерба «долгу, верности и оммажам», какие причитались королю Франции. Каждая из лиг, составивших конфедерацию, выступала не только от своего имени, но «от имени своих помощников и союзников». Лига Форе, соединившаяся с Бургундской лигой, была, таким образом, включена в состав конфедерации.

Шампань, Бургундия, Артуа были апанажными землями, но в движение были вовлечены и земли королевского домена. Лиги определенно были в Нормандии, Лангедоке, а также Пикардии и Вермандуа. Впрочем, неизвестно, создавали ли, по примеру объединений Севера и Востока, объединения Запада и Юга собственные конфедерации.

Филипп Красивый уступил; новый налог, ставший поводом для волнения, был «аннулирован». Апеллянты (*appellantes et conquerentes*) были приглашены в Париж на второе воскресенье поста, чтобы изложить свои доводы. И король готовился, чтобы удовлетворить недовольных, еще раз переиздать ордонанс о реформировании, обнародованный в марте 1303 г.²⁷, но умер.

---

²⁷ Dufayard Ch. La réaction féodale sous les fils de Philippe le Bel // Revue historique. 1894. LV. P. 289.

V. Тетради лиг 1314 г. и ордонансы Людовика X

Восхождение Людовика X на трон. Две формы реакции

При Людовике X надо различать две формы реакции на предыдущее царствование. При дворе короля мстили лично советникам покойного короля — так, например, Карл Валуа добился казни Ангеррана де Мариньи. В стране провинциальные лиги, душой которых было мелкое дворянство, продолжали оппозиционную кампанию, начатую в 1314 г. Но обе этих реакции, одновременные, не были связаны друг с другом. Дядья короля, принцы из королевской фамилии, вельможи двора не действовали заодно с лигами. Напротив — Карл Валуа и другие «королевские» родственники (*royaux*) не могли без досады смотреть на то, что в их собственных имениях организуется сопротивление произволу. Таким образом, что бы об этом ни говорили, Людовик X не был «вождем феодальной реакции», и ни Карл Валуа, ни королевские родственники не были «сообщниками» этой мнимой реакции.

Провинциальные хартии Людовика X

Хотя лиги не нашли при дворе Людовика X ни вождей, ни покровителей, тем не менее они были в состоянии выдвигать требования новому королю.

И через несколько месяцев после восшествия на трон, весной 1315 г., Людовик X пожаловал им хартии — Хартию бургундцам, Хартию пикардийцам, Хартию шампанцам, Хартию нормандцам и т. д. В состав некоторых из этих хартий были *in extenso* [полностью (*лат.*)] включены тетради лигеров с ответами двора, постатейными. По ним ясно видны и политика лиг, и политика короля²⁸.

Хартия шампанцам. Требования и ответы

Вот, в качестве примера, статьи «знатных и прочих особ» графства Шампанского, сформулированные очень ясно, с ответами двора. «Мы привыкли, — заявляют шампанцы, — давать свои земли собственным слугам, знатым и прочим, в вознаграждение за службу, отдавая их во фьеф и получая за них оммаж; нам в этом препятствуют». (Ответ: «Пусть они это делают, но отдают только знатым особам, и чтобы от этих щедрот фьеф не слишком уменьшался».) «Королю не надо ничего видеть и ничего знать в наших землях, кроме как в пяти случаях: изъян в законе, апелляция на неправильный приговор, охрана церкви со старинных времен, королевские горожане и неисполнение обязательств, заверенных королевской

---

²⁸ Провинциальные хартии 1315 г. в большинстве содержатся в первом томе «Ордонансов» (*Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique. Premier volume. Contenant ce qu'on a trouvé d'ordonnances imprimées, ou manuscrites, depuis Hugues Capet, jusqu'à la fin du règne de Charles le Bel. Paris: imprimerie Royale, 1723*), где их текст воспроизведен очень неточно.

печатью». (Ответ: «По нашей милости мы не будем вершить суд на землях сеньоров, имеющих право высшего суда, кроме как в вышеупомянутых случаях или в других, где по королевскому праву он будет причитаться нам».) «Король не может ничего приобретать в наших баронствах, землях, фьефах, арьер-фьефах или цензивах». (Ответ: «Мы не будем без их согласия ничего приобретать в их фьефах в виде покупки или по иному добровольному договору, но будем оставлять себе то, что достанется нам, изъятое за вероломство вассала или иным путем, рекомендуя, если нам будет угодно, сюзерену человека, способного обслуживать этот фьеф, либо выплатив за него компенсацию».) «Королевские сержанты и прево на наших землях судят наших людей и подвергают их пытке, вопреки нашим обычаям и вольностям». (Ответ: «Это было запрещено прежними ордонансами»). «Мы не подлежим суду согласно порядкам, какие предусматривает обычай Шампани». (Ответ: «Обычай будет соблюдаться, кроме случаев, когда суд причитается нам на основе подсудности или суверенитета».) «Прежние ордонансы о королевских горожанах не выполнялись». (Ответ: «В дальнейшем они будут выполняться».) «Если наши люди, обязанные платить нам талью, или менморт, или формарьяж, или денежный оброк и т. п., покидают наши земли и переходят под юрисдикцию короля, король не может и не должен их принимать. Мы привыкли следить за ними, взимая с них каждый год назначенные талью, формарьяж и менморт». (Ответ: «Принято, кроме как для случаев, когда эти люди отказались подчиняться своему сеньору и об этом отказе (*désaveu*), который зафиксировал назначенный для этого сержant, сеньор был должным

образом уведомлен».) «Дворяне Шампани подсудны королевским бальи, а не прево». (Ответ: «Да, при рассмотрении дел о наследстве и о корпоративной чести, при наличии состава преступления, если нет соглашения, предусматривающего обратное».) «Встарь, когда шампанского дворянина подозревали в преступлении, следовало выслушать его оправдания, а если кто-то обвинял его, он мог защищаться путем судебного поединка, если не хотел, чтобы его дело расследовали». (Ответ: «Мы желаем, чтобы оправдания тех, кого задержали по обвинению в преступлении, были бы выслушаны. Если по их делу проведено какое-то расследование, пусть их не судят и не приговаривают на основе этого единственного расследования».) «Люди короля подвергают шампанских дворян пытке, вопреки обычаям и кутюмам». (Ответ: «Мы желаем, чтобы ни одного дворянина не подвергали пытке, если нет столь веского доказательства преступления, которое бы побуждало это сделать по правовым и разумным основаниям. И чтобы никого не судили и не приговорили, если он стоит на своем, отказываясь признаваться, достаточно долгое время после пытки».)

Дополнения и разъяснения

Эти ответы не смогли удовлетворить шампанцев. Те вздумали попросить у короля «дополнений» и «разъяснений». Он их дал. Вот только дополнения дополнили немного, а объяснения почти ничего не объясняли. Лигеры, в частности, отметили, что король заявил: «Во многих своих ответах мы ссылались на наше королевское право и нашу верховную власть». Тогда лигеры призвали короля объяснить на этот счет. Он объяснился,

не объясняясь, в таких выражениях: «Мы желаем, чтобы сержанты и прево никогда не вмешивались в дела, относящиеся к праву и суверенитету короля, на землях дворян, имеющих право высшего суда, без особого поручения своего бальи или его заместителя». Но шампанские дворяне были очень упорными: это объяснение датируется маем, а в сентябре они настояли на новом. Людовик X наконец подчинился: «Мы даровали дворянам Шампани ответы на прошения, каковые они принесли, отметив случаи, касающиеся нашего королевского величества; они попросили определения; вот оно: *Компетенция королевского величества распространяется на случаи, рассмотрение которых по праву или по старинному обычаю может и должно причитаться верховному монарху и никому другому!*»

Другие хартии

У всех провинциальных хартий 1315 г. — один и тот же характер, и в них можно найти большинство претензий, перечисленных в Хартии шампанцам. Тем не менее лиги бургундцев, пикардийцев, нормандцев и т. д., каждая со своей стороны, предъявляли особые требования²⁹.

---

²⁹ Хартия нормандцам — самая знаменитая из провинциальных хартий 1315 г., так как нормандцы веками оставались привязаны к ней как к символу своей провинциальной индивидуальности. Много места в ней занимают технические и местные процедурные вопросы (права третины и десятины, срок давности и т. д.). Хартия лангедокцам (*Histoire générale de Languedoc*. Т. IX. Toulouse: J.-B. Paya, 1845. Р. 360) содержит интересные сведения о традиционных правах знати этой провинции.

Что в них написано

Если рассматривать эти документы в комплексе³⁰, то статьи всех хартий довольно легко классифицировать по нескольким большим рубрикам. В первую очередь лигеры повсюду требовали, чтобы соблюдались старинные обычаи знати — сохранялись турниры, частные войны и судебные поединки. Пикардийцы и бургундцы считали очень важным, чтобы дворянам было дозволено «воевать между собой, ездить верхом, направляться куда угодно и носить оружие, без того чтобы их принуждали заключать перемирия, давать гарантии мира и т. д.»; они также не хотели, чтобы дворян кстати и некстати привлекали к суду и чтобы их судили королевские чиновники: «У дворян не должно быть, — заявляли бургундцы, — иных судей, кроме дворян». Выражалось недовольство всеми новшествами, наносившими вред сеньориальной юстиции, — ростом численности табеллионов и сержантов короля, «признаний», «королевских случаев». Лигеры во всеуслышание жаловались, что притязания людей короля на доходы, получаемые от бастардов, приобретения, какие король делает в сеньориях, помехи, какие король чинит приобретению дворянских фьефов незнатными людьми, подрывают и обесценивают сеньориальную собственность. Наконец, и прежде всего, лигеры выступали против того, чтобы король напрямую при-

---

³⁰ Людовик X издал несколько общих хартий (об упразднении службы королевских табеллионов на землях обычного права, о регламентации права реквизиции, осуществляемого королевскими поставщиками, и т. д.), которые следует сопоставить с его провинциальными хартиями. Они явно входят в число уступок, какие в 1315 г. были получены лигами.

зывал людей из сеньорий в королевское войско. Бургундцы не хотели, чтобы вассалов герцога Бургундского, графа Форе и сира де Божё призывали непосредственно в королевское войско, равно как и обязывали откупаться от военной службы: «Наши люди, — гласит Хартия лангедокцам за январь 1316 г., — не будут принуждать подданных дворян платить нам субсидии, кроме случая, когда, согласно общему праву, данное лицо не освобождено от этой повинности, и в отсутствие противного обычая или случая, когда означенные подданные сами расположены помочь нам... Дворяне в своих имениях будут осуществлять набор в войско сами, кроме как при созыве арьербана».

Требования лигеров

Таким образом, лигеры в 1314 г. хотели только возврата к прошлому, ретроградных реформ, восстановления «добрых обычаев» и установлений времен Людовика Святого, которые они, ошибаясь, считали сильно отличавшимися от современных обычаев. Их дерзость не заходила дальше обращения к «реестрам монсеньора святого Людовика» и просьб возвратить в силу старинные ордонансы. В самом деле, почти все статьи провинциальных хартий 1315 г. текстуально уже содержались в ордонансах, изданных Филиппом Красивым в годы кризиса, с 1302 по 1304 г. К тому же Людовик X прямо подтвердил Великий ордонанс 1303 г., конституции Людовика IX и даже Фридриха II. Лигеры образца 1314 г. почти не выражали иных желаний, кроме исправления некоторых обычаев из административной практики, уже сто раз выявленных и осужденных. И протестовали лишь против тех из них, которые наносили ущерб дворянам. То есть

их программа не была ни новой, ни смелой, ни способной объединить вокруг себя сторонников. Отличие их поведения от поведения английских баронов при Иоанне Безземельном, Генрихе III и Эдуарде I было разительным.

Чего лигеры стоили

Людовик X, со своей стороны, отвечал лигерам так же, как много раз отвечал недовольным Филипп Красивый, то есть уступками, которые сводились на нет недомолвками и уклончивыми формулировками. Он не пожаловал ничего или почти ничего, что не даровалось бы ранее и что он, по обыкновению, не обесценил бы оговорками. Это ясно видно из приведенного выше краткого анализа Хартии шампанцам. Процедура никогда не варьировалась: выяснялись обычаи; если расследование подтверждало правоту лигеров, обычай должен был сохраниться, *«если только»* случай не окажется таким, что с обычаем придется не считаться»; чиновники короля, которые будут уличены в преступлении, будут уволены и никогда не вернутся в должность, *«если только»* в данном случае не будет принято особое решение...» И так далее.

Отсутствие гарантий

Обещания реформ, содержащиеся в хартиях 1315 г., были даны неохотно, с едва скрытым намерением не считаться с ними. Как лигерам, наученным опытом, не пришло в голову потребовать гарантий? Они не потребовали никаких; шампанцы, бургундцы, лангедокцы добились лишь того, что предоставлялось уже не раз без результатов, поддающихся оценке, — в день вступления в должность чиновники короля должны были клясться,

что будут верно соблюдать хартию провинции. Не доказывает ли это, что оппозиционное движение 1314–1315 гг. не было столь продуманным, столь грозным, как, что довольно естественно, заставляют предположить документы, в своем роде почти уникальные в нашей истории, — Акты ассоциации и конфедерации в польском духе за ноябрь 1314 г.³¹?

Впрочем, есть и другие основания считать, что лигеры были скорее робкими. Бургундцы просили Людовика X взять на себя обязательство «не проявлять никакой нелюбезности к дворянам Бургундии, ни к одному из них, из-за союзов, какие они заключили». Овернцы хвалились тем, что не действовали заодно с другими провинциальными объединениями: «Они служили нашему дорогому государю и отцу и нам, как могли; и в то время, когда другие земли нашего королевства выдвигали к нам требования и оказывали на нас давление, они не пожелали на нас давить; они по-прежнему этого не хотят; и они ждут от нашей милости, чтобы мы пожаловали им то, что было пожаловано другим...»

---

³¹ Эти акты ассоциации и конфедерации сохранились лишь случайно. 17 мая 1315 г. Людовик X поручил Карлу Валуа затребовать учредительные акты лиг Вермандуа, Артуа, Шампани, Бургундии, Форэ и т. д. Король обещал ответить «союзникам» на Троицу. Если он ответит в назначенный день, акты следовало уничтожить в присутствии делегатов лиг; в противном случае их следовало вернуть. Акты действительно были переданы Карлу Валуа, который сохранил их в своих архивах. В 1328 г., после вступления на престол Филиппа Валуа (Филиппа VI), архивы дома Валуа были переданы в Сокровищницу хартий Франции.

VI. Деятельность лиг и их исчезновение при Филиппе V

Общественное мнение и лиги

По «сказам» и политическим песням 1315 г. и последующих лет можно понять, какие чувства лиги 1314 г. вызывали у парижского бюргерства, очень приверженного монархической идее. Автор «Сказа о союзниках», в частности, заявляет, что «союзники», столь гордые своей «благородной кровью», своими действиями быстро обнаружили пагубные намерения. Не один поначалу обманулся, вскоре раскаявшись в этом. Они вербовали себе сторонников, требуя восстановления «старых добрых обычаев»:

Раскрашенной видимостью,
Снаружи доброй и красочной,
Привлекали они союзников,
Ради того, чтобы был возвышен
Добрый обычай и восстановлен.
Так они говорили сначала...

Но быстро выявился их злой умысел. Это заговорщики: они, безумцы, хотели посягнуть на «священную корону», которую прославили их предки. Они взялись за оружие, «не бросив вызов», хотя такое поведение не было оправдано какой-либо несправедливостью по отношению к ним. Разве они не имели свободного доступа к королю? Разве ко-

роль не был готов выслушать их доводы? Конечно, они пожалеют о своих насильственных действиях. Король сумеет обуздать беспорядки:

Они устроили смятение
В марте. Но, словно иней,
Вскоре растает их след...

Пусть они остерегаются и «не доводят до крайности свое безумие», уже зашедшее слишком далеко. Вот они уже как зверь, которого нагоняют борзые. Автор призывает короля покончить с ними. В заключение он пишет:

Ты должен быть твердым камнем
И закаленным клинком и мечом,
Чтобы сохранить свои владения
И чтобы не испытала при тебе
Пренебрежения и позора Франция,
Чьей короной ты был коронован...

Похоже, в самом деле лиги вскоре стали повсюду пугать мирных людей, которые поначалу одобряли их или даже присоединялись к ним. Люди стали догадываться о том, что происходит. Среди лигеров были робкие и горячие: «Одни стремились к тому, чтобы были упразднены дурные обычаи, другие намеревались стать хозяевами добрых городов и сельской местности». Те из дворян, кто был робок, заблаговременно покинули движение, вместе с клириками и представителями простонародья. Во главе движения встали самые пылкие, и их бессистемная деятельность, выражавшаяся в эксцессах, через недолгое время повлекла за собой вмешательство королевской власти, которую поддерживали все, кто был заинтересован в сохранении общественного мира. Кризис 1315 г. не ослабил королевское правительство; оно легко одержало победу.

С другой стороны, хотелось бы знать, как функционировала организация, описанная в актах ассоциации и конфедерации 1314 г. К сожалению, по провинциям Запада и Юга документов нет³². Но деятельность лиг Артуа, Пикардии, Шампани и Бургундии после составления хартий известна немного лучше.

Лига Артуа

Дворяне Артуа объединились не только против королевского произвола, но и против своей графини Маго д'Артуа и ее главного советника Тьерри д'Ирсона, которого обвиняли в нарушении «добрых старинных обычаев». Но в этой местности движение раньше, чем в других местах, отклонилось в сторону, потому что на него повлиял вопрос наследования. У графини Маго графство давно оспаривал ее племянник Робер д'Артуа; его сторонники, которых среди лигеров было много, попытались лишить графиню владений. Из-за этого лига раскололась: все, кто не поддерживал Робера, вышли из нее, в том числе сиры де Лик и де Недоншель, «вступившие в союз не для оскорблений и бесчинств, а только затем, чтобы требовать возрождения старинных нравов и обычаев и хранить их». Эшевены Эра отказались присоединяться «к дворянам Артуа, которых называли союзниками». Эшевены Кале, узнав, что «рыцари и дворяне Артуа сказали весьма превосходному монарху, нашему

---

³² Известно только, что в Нормандии королевские чиновники были обязаны давать дворянам клятву: «Бальи и его виконты не смеют больше мне помогать, — писал сеньорам Счетной палаты комиссар короля, находившийся тогда в этой провинции, — из страха, что их сочтут клятвопреступниками» (Bibliothèque nationale. Ms. fr. 23256, fol. 10 v°).

государю королю Франции, что Тьерри д'Ирсон несколько раз совершал вымогательства у добрых городов Артуа и что города Артуа жаловались на это», заверили, что ничего подобного не было. Аналогичные заявления сделало большинство городов, коллегияльных церквей, капитулов и монастырей Артуа. Тогда «союзники» из Артуа, дворяне из партии Робера, перешли к насилию: «Госпожа де Пуатье (дочь Маго д'Артуа, жена будущего Филиппа V), ее брат и их друзья обедали в усадьбе Вис; туда явились союзники — многочисленные жандармы, с обнаженными мечами, на конях. Они швырялись грязью в лицо и на одежду госпоже де Пуатье, которая смиренно просила выслушать ее». Дело было в 1315 г. Вмешался король (Людовик X); он велел рассмотреть в своем суде притязания союзников и аргументы в защиту графини и в конечном счете передал Артуа «под ее руку», чтобы восстановить мир. Но этого было недостаточно. Местные «союзники», уже слишком разгоряченные, чтобы посчитаться с королевским покровительством, разграбили замок графини в Эдене (обезглавив там статуи королей, стоявшие вдоль стен), и началась война.

Лига Пикардии

«Союзники» из Артуа вступили в конфедерацию непосредственно с лигами Вермандуа, Бове-зи, Амьенуа, Корби и Понтьё. Поддержали ли пикардийцы в массе своей дело артуасцев? Известно только, что Жан Пате, клирик, и Тома де Марфонтен, рыцарь короля, с 1315 по 1318 г. несколько раз ездили «к союзникам из Артуа, Вермандуа и прочих земель Пикардии, чтобы вести с ними переговоры о мире и о соглашении и чтобы сообщать им волю короля». Впрочем, исход этого конфликта,

затянувшегося на несколько лет, никогда не вызывал сомнений. В ноябре 1316 г. подчинился Робер д'Артуа, в феврале 1319 г. на конференции в Мондидье от мятежников откололись союзники из Амьенуа; наконец, в марте 1319 г. на конференции в Компьене уполномоченные дворян Вермандуа убедили дворян Артуа принять предложения о соглашении, выработанные людьми короля. В 1320 г. маршал Матье де Три и коннетабль Гоше де Шатильон разрушили последние замки тех, кто, как сир де Фьенн и Ферри де Пикийни, упорно желал продолжать борьбу. Последовали штрафы, конфискации; кое-кого изгнали; а некий Алар де Сент-Альдегонд был колесован и обезглавлен в Париже «за союз с баронами Пикардии и Артуа».

Лиги Шампани и Бургундии. Их роль после открытия наследства Людовика X...

В Шампани и в Бургундии, как и в Артуа, масла в огонь подлил вопрос престолонаследования.

Людовик Сварливый, умерев 5 июня 1316 г. в Венсенне, оставил только дочь, Жанну; его жена Клеменция Венгерская была беременна. Впервые Капетинг умер, не оставив наследника мужского пола. Если королева разрешится девочкой, кому достанется корона? А кому пост регента, прежде чем королева родит и потом, если она родит сына? Ситуация, ставившая подобные вопросы, была бы очень опасной для королевской власти, если бы у движения 1314 г. было столько же мощи и глубины, сколько и размаха³³.

---

³³ *Viollet P. Comment les femmes ont été exclues en France de la succession à la couronne. Paris: Imprimerie*

Три принца могли считать, что у них есть права на наследство Людовика X, — его брат Филипп (Длинный), граф де Пуатье, его дядя Карл Валуа и герцог Эд Бургундский, брат Маргариты Бургундской (первой жены Людовика X) и, соответственно, дядя Жанны, старшей дочери покойного.

Филипп Длинный быстро захватил пост регента, якобы временно. Карл Валуа, предприняв, возможно, несколько слабых попыток стать самостоятельным игроком, далее был озабочен в основном тем, чтобы за содействие регенту ему платили: он очень нуждался в деньгах. Наконец, в сентябре 1316 г. было заключено соглашение между Филиппом и Эдом Бургундским: если королева родит дочь, за дочерьми Людовика X будут сохраняться права на корону, пока принцессы не вступят в детородный возраст; казалось, Филипп привлек герцога Бургундского на свою сторону.

...и после восхождения Филиппа V на трон

В сентябре королева родила сына, который скоро умер. Отныне предстояло выбирать только между Жанной, дочерью Людовика X и Маргариты Бургундской, и регентом Филиппом. 9 января 1317 г. Филипп организовал себе коронацию в Реймсе, чтобы на его стороне была сила свершившегося факта. Но с коронацией оказалось связано несколько инцидентов. На ней не присутствовал ни один светский вельможа, за исключением Карла Валуа и Маго д'Артуа. Старая герцогиня Агнесса Бургундская, дочь Людовика Святого, выразила

---

nationale, 1893; *Petit J.* Charles de Valois (1270–1325). Paris: A. Picard et fils, 1900.

протест от имени Жанны. Герцог Бургундский со своей стороны заявил, что не приедет на церемонию, и потребовал, чтобы решение насчет прав Жанны приняли пэры.

Тут обе стороны стали искать поддержки общественного мнения.

Собрание в Париже (февраль 1317 г.)

В феврале 1317 г. в Париже собралась ассамблея, в которой участвовали магнаты и дворяне, прелаты, парижские бюргеры и доктора Парижского университета. Она единодушно одобрила то, что сделал Филипп; кроме того, по словам одного хрониста, она якобы выдвинула принцип «женщины королевскую власть во Франции не наследуют». В то же время новый король разослал по всему королевству комиссаров с инструкциями, из которых мы приведем несколько отрывков: «Они пригласят к себе всех прелатов и прочих духовных особ, баронов-баннеретов и прочих дворян каждой провинции, всех, кого только смогут собрать, и расскажут им, так любезно, как только смогут, как новый король обрел королевское достоинство, сколь велико его желание сохранить с ними добрый мир, искоренить все новые притеснения, восстановить добрые обычаи святого Людовика и т. д. Потом от имени короля попросят их воздержаться от союзов, какие некоторые из них заключили либо, возможно, хотели бы заключить из-за обид, которые им причинили, в том, о чем они говорят. Пусть как можно наглядней представят им величайшие неприятности, опасности для тела и души, ущерб светским владениям, какие могут повлечь и уже повлекли за собой подобные союзы. Они смогут

представить отдельно старейшим и мудрейшим, которые позже объяснят остальным, какой великой опасностью это грозит, то ли из-за возбуждения народа, то ли по многим прочим причинам. Примеры следует взять из сведений о том, что происходит в Ломбардии и в других странах. Ведь народ мало уважает дворян... Так они будут говорить с теми, кто признается, что он союзник. Тех, кто не союзники, они именем короля попросят не входить в эти союзы и возьмут с них клятву, что те туда не вступят».

Один парижский романист добавил, что «король лично посетил несколько городов своего королевства и что он до такой степени пленил сердца простого люда и горожан Парижа, что не только Париж, но и все коммуны королевства обещали помогать ему против всех и, в частности, против союзных баронов, если те на него нападут».

Собрания союзников

С противоположной стороны в январе 1317 г. состоялась ассамблея «баронов, дворян, духовных лиц, бюргеров и пр. герцогства Бургундского» и «еще нескольких мудрецов извне», на которой «узурпация» Филиппа подверглась осуждению. 10 апреля в Эноне, близ Жуаньи, провели большое собрание «дворяне Шампани». Решения, принятые в Эноне, были посланы всем друзьям Жанны. Экземпляр, адресованный Иоанну III, герцогу Брабантскому, сообщал, что госпожа Жанна тщетно пыталась добиться обсуждения своих прав с участием сторон перед пэрами королевства и «приглашенными вместе с ними мудрыми и добрыми людьми Французского королевства, как клириками, так и мирянами». «Граф де Пуатье», то есть

Филипп V, ответил угрожающими приготовлениями. «Нам дали понять, что он намеревается нанести нам вред, нам и нашей стране, если сможет. Вот почему, дражайший сир и друг, мы просим вас как нашего сира, друга, товарища и союзника помочь нам защитить наши земли и честь. Граф Бургундский, граф Неверский, мы и наши союзники с этой стороны на Пасху объединим свои силы против того, кто хотел бы наброситься на наших союзников и товарищей».

Казалось, на Пасху 1317 г. неизбежно разразится война. Однако проявления враждебности позволил себе всего один из друзей Жанны — Людовик Неверский, поддерживавший связи с мятежниками в Артуа; его быстро усмирили — речь идет о маленькой «Неверской войне» весной 1317 г. Ни бургундцы, ни шампанцы не шелохнулись. Они согласились принять участие в «конференциях». Уже на конференции в Мелёне (в июне-июле) они отказались отстаивать для Жанны права на корону Франции; теперь они требовали для нее только Шампань и Наварру. После этого переговоры затянулись. Но 27 марта 1318 г. все уладилось: герцог Бургундский женился на дочери Филиппа V с перспективой получения ею Артуа и Франш-Конте; для племянницы он согласился на 15 тыс. турецких ливров ренты с перспективой получить Шампань в случае, если Филипп V умрет, не оставив детей мужского пола.

В тот же период Карл Валуа одержал победу над лигой, угрожавшей его власти в апанажах Мэн и Анжу.

«Союзники» не сделали ничего.

VII. Совещания и собрания при Филиппе V и Карле IV

Собрания в 1317 г.

Тем не менее введенный Филиппом Красивым обычай очень часто апеллировать к общественному мнению закрепился. Кроме того, в первые годы XIV в. король настолько часто обращался к подданным за одобрением и за денежной помощью, как через комиссаров, совершавших турне по провинциям, так и через пленарные собрания представителей нации, что для нации начался процесс политического воспитания. Полагают, что некоторые его признаки можно найти в истории периода с 1317 по 1328 г.

В начале 1317 г. Филипп V, не удовлетворившись созывом в Париже собрания, о котором мы говорили, разослал повсюду комиссаров, чтобы распустить то, что оставалось от лиг, и добиться одобрения своего восшествия на престол, о котором нельзя было сказать, что его легитимность не вызывает сомнений. В то же время (опять-таки с целью привлечь на свою сторону население, в частности, простой народ) он повелел видным городам баляжей Санлиса, Вермандуа, Амьена, Орлеана, Макона, Санса, превоства Парижа и пяти баляжей Нормандии прислать на воскресенье 6 марта в Париж депутатов, чтобы обсудить «некоторые

нужды, касающиеся нас и состояния Французского королевства, общего блага и процветания добрых городов и всех наших подданных». Подобный же призыв (в Бурж, на воскресенье 27 марта) был направлен более чем ста городам бальяжей и сене-шалств Центра и Юга.

Собрание депутатов городов Севера (Лангедой-ля) произошло в назначенном месте и в назначенное время. Состоялось несколько сессий. Депутаты предъявили прошения: «Пусть в королевстве соблюдают доброе право и доброе правосудие, пусть народ содержат так, как было привычно во времена святого Людовика; пусть им будет позволено в случае смут отражать силу силой». В итоге 12 марта 1317 г. был составлен ордонанс: отныне в каждом городе должен был иметься капитан, командующий местными ополченцами, которым разрешалось носить оружие; все капитаны городов в каждом бальяже будут подчинены генерал-капитану, назначаемому королем. Этот ордонанс, отвечавший желаниям представителей городского населения, похоже, начал выполняться.

Ассамблея депутатов Юга состоялась в назначенном месте и в назначенное время и заседала несколько дней. Депутаты высказали замечания; нововведения королевских чиновников, наносившие ущерб привилегиям и льготам городов, были отменены; здесь тоже попросили о «возвращении ко временам святого Людовика». Ордонанс от 7 апреля удовлетворил эти желания.

В апреле в Париже было созвано общее собрание, в котором участвовали дворяне Севера и Юга, прелаты и уполномоченные аббатств и капитулов Севера и Юга, депутаты от добрых городов Севера и Юга, уже принимавшие участие в собрании 6 марта,

и, вероятно, некоторые из депутатов, ранее заседавших в Бурже. Судя по повесткам и доверенностям, написанным для этого созыва, похоже, должен был обсуждаться вопрос крестового похода. Обсуждался ли он, неизвестно.

Собрания в 1318 г.

Весной 1318 г. король велел изложить собранию прелатов и баронов «причины войн и смут, опустошающих страну», и попросил ему помочь. Судя по письму Филиппа V, датированному 28 мая, прелаты, посоветовавшись, ответили, что «они смогут дать королю благоприятный ответ только после созыва провинциальных соборов». Не исключено, что и бароны тоже ответили: они не могут ручаться за всю знать. В самом деле, к тому времени Филипп V созвал четыре больших собрания: в Париже, через две недели после дня святого Ремигия, — уполномоченных добрых городов бальяжей Севера (троеч четверо от доброго города); в Бурже, на восьмой день после Праздника всех святых, — дворян Берри, Ниверне и Оверни; в Тулузе, на 18 декабря, — уполномоченных добрых городов бальяжей и сенешальств Юга; также в Тулузе, на Рождество, — знати Юга.

Из письма Филиппа от 17 ноября 1318 г. следует, что дворяне Берри, приняв во внимание военные расходы, пожаловали «по собственной воле, из чистой щедрости, пятнадцатую часть от всех продуктов, урожая и доходов с их земель в течение года». Но они оговорили, что им будет позволено избрать сколько-то достойных людей для сбора этой подати; полученные деньги будут передаваться на хранение, чтобы их тратили исключительно на военные нужды; этот акт великодушия не используют

как прецедент, неприятный для дворянства Берри; чиновники короля не смогут никого принуждать платить пятнадцатую долю, вотированную дворянами, кроме как по прошению означенных дворян или избранных ими сборщиков; если войны не будет, собранные деньги будут возвращены; если она будет, этот вклад избавит местных дворян от всякой военной службы. Знать Перигора и Керси тоже вотировала пятнадцатую долю на аналогичных условиях, уже вошедших в традицию. Депутаты городов Севера и Юга со своей стороны обязались предоставить контингенты, которые будут содержаться за их счет.

Оставались дворяне бальяжей Севера (Шампани, Нормандии и т. д.) и сенешальств Запада (Сентонжа, Пуату, Лимузена), то есть регионов, где «союзники» прежде были наиболее многочисленными. К ним пока не обращались. Филипп V созвал их всех вместе, в свою очередь, 12 ноября 1318 г. на 10 февраля 1319 г. в Париж. Считалось, что они настроены против короля, и, несомненно, поэтому им решили предоставить слово после остальных. Эта предосторожность оказалась излишней. Они воздержались от приезда. Из Шампани не приехал никто. Те, кто прибыл из Нормандии, заявили, что они недостаточно многочисленны, чтобы говорить от имени знати провинции. Чтобы преодолеть это пассивное сопротивление, сочли за благо разобратся со всеми по отдельности. Знать Шампани созвали еще раз на вербное воскресенье в Провен, где должен был присутствовать король; знать Нормандии — в Лизьё, на март, на собрание в присутствии епископа Амьенского и Робера д'Артуа; знать Вермандуа и Пикардии — в Компьень, в палату королевского дворца; знать Пуату — в Пуатье;

знать Турени — в Тур; знать Сентонжа, Ангума и Лимузена — в Ангулем; знать Парижского превоства и Орлеанской области — в Париж. Был ли успешным результат этого дробления? Во всяком случае, не вызывает сомнения, что шампанцы не побоялись еще раз проявить строптивость, коль скоро король написал некоторым из них: «Вы и некоторые из означенных дворян не явились к нам, что вызывает наше неудовольствие, ибо нужда, ради которой мы вас приглашали, в день заседания в Провене удовлетворена не была».

Процедура созывов

Из-за того, что в тот период собрания созывались часто, процедуру их созывов решили сделать регулярной. До тех пор королевская канцелярия оставляла бальи и сенешалям заботу о созыве дворян и общин их округов, потому что «она не знала их имен и названий». При центральном дворе стала ощущаться потребность в точном списке знати, духовенства и городов всего королевства. В декабре 1318 г. и в январе 1319 г. король сообщил бальи и сенешалям, что ему нужно знать имена и численность прелатов, аббатов, priоров монастырей, баронов, дворян, названия городов и прочих видных мест на подведомственной им территории: «Нам приходится часто им писать, — заявил он, — мы хотим знать, кому пишем...»

Собрания 1320 и 1321 гг.

28 апреля 1320 г. от прелатов, баронов и представителей нескольких добрых городов потребовали явиться лично или прислать уполномоченных в Понтуаэ через три недели после Троицы, чтобы обсудить монетный вопрос. В июне 1321 г.

состоялось новое собрание «прелатов, баронов, [представителей] коммун городов и еще некоторых особ». На повестке дня стояли вопросы монет, мер и весов, отчуждений территории королевского поместья и «поездки за море», то есть крестового похода. Правительство спросило, не уместно ли провести переплавку и унификацию монет, унификацию мер и весов и, сверх того, «какую помощь [участники] соизволят оказать королю, если примут решение, что исполнение упомянутых выше действий будет благом». Прелаты, переговорив меж собой, заявили, что в принципе вполне одобряют предложенные меры; но «что касается означенной помощи, они желают посоветоваться с прочими прелатами, капитулами церквей и монастырями», которые съехались бы на провинциальные соборы; они запросили сведения и пообещали, что окончательный ответ дадут к 1 декабря. Есть основания думать, что депутаты городов тоже попросили о возможности снестись с последними. Ту же тактику проволочек уже применяли в подобных обстоятельствах в 1318 г.

Как и в 1318 г., было принято решение выяснять мнения по отдельности. Людям короля поручили изложить планы и просьбы короны духовенству каждой церковной провинции, созвав его на соборную ассамблею. Другие комиссары отдельно опрашивали делегатов Лангедойля и делегатов Лангедока. Но снова не раз возникло сопротивление: в июле 1321 г. бюргеры, собравшиеся в Париже, ответили, что не могут оказать помощь, что выкуп монет их не касается и что «им вполне достаточно своих локтей»; окончательный ответ депутатов от городов бальяжей Амьена и Вермандуа, переданный 10 октября в Орлеане графу Булонскому и сиру де Сюлли, делегатам короля, тоже

содержал категорический отказ: «Item, на просьбу о помощи означенные уполномоченные отвечают, что, поскольку вышеназванное совещание сочло, что все названное [изменение монет, весов, мер и т. д.] отнюдь не будет полезным и у добрых городов ныне незачем просить о помощи, ибо их весьма обременяют войны, рыцарство, свадьбы и бесплодность времени...»

Собрания при Карле IV

Когда Филипп V в 1322 г. умер, не оставив детей мужского пола, третий сын Филиппа Красивого Карл Маршский, который во время предыдущего царствования несколько раз выказывал в отношении брата яростную враждебность, без труда наследовал ему под именем Карла IV, в ущерб племянникам. И на сей раз никто не помыслил воспользоваться случаем, чтобы нарушить спокойствие.

В царствование этого монарха можно обнаружить след собраний, состоявшихся в 1323 г. в баляжах и в 1325 г. в сенешальствах Лангедока. Во время войны с Англией в 1326 г. король созвал в Мо прелатов и баронов, чтобы попросить у них помощи и совета; потом по провинциям были разосланы комиссары. В поручении, данном герцогу Бургундскому и епископу Шартрскому, которые ехали в герцогство Бургундское и «в части Макона и Лиона», говорилось, что король пожелал избавить особ и депутатов, которых поначалу собирався пригласить к себе на пленарное собрание, от дорогостоящего переезда; комиссары опишут баронам, дворянам, бюргерам и местным жителям причины войны и нужды королевства, выслушают их жалобы на королевских чиновников и договорятся с ними о помощи, какую надлежит оказать.

VIII. Заключение

Почему Франция не была свободной страной?

Почему Франция не была свободной страной? Тот, кто решил бы, что способен ответить на этот вопрос, выказал бы чрезмерную смелость. Тем не менее в истории первых лет XIV в. обнаруживается одно обстоятельство, которое, несомненно, было одной из причин этого знаменательного факта: в эпоху, которая стала решающей в политической жизни страны, между сословиями нации не было согласия. Дворяне, объединяясь в 1314 г. в лиги, для проформы упоминали духовенство и простой народ в своих хартиях конфедерации; но в реальности классовый эгоизм обрекал их на изоляцию. Духовенство они ненавидели; объединяясь с ним против королевского произвола, они в то же время просили у короля поддержки против духовенства: «Наши чиновники, — гласит Хартия перигорцам и керсийцам за июль 1319 г., — не станут препятствовать дворянам захватывать движимое имущество церковников; они не потерпят, чтобы служители церкви злоупотребляли своей юстицией, урезая юрисдикцию дворян». «Простой люд», бюргеров и прочих они презирали и боялись; нечто

вроде жакерии, вспыхнувшей в 1315 г. в Сансской епархии, было подавлено сообща людьми короля и местными дворянами; чтобы разубедить дворян подавать дурной пример революционного волнения, люди короля в 1317 г., как мы видели, напоминали им, что «народ не любит дворян...» Народ их на самом деле не слишком любил. Впрочем, все эти люди — дворяне, клирики и богатые бюргеры, которым существовавшее положение вещей было выгодно, были заинтересованы в его сохранении, сколь бы ни раздражали их некоторые проявления королевской власти. Они бы охотно сказали, подобно жонглеру:

Те, кто имеет такие владения
И людей, чтобы облагать податью,
Не должны беспокоить своего господина,
От которого получают всю поддержку,
И доставлять ему неудовольствие³⁴.

Из-за этой неспособности объединяться и ультраконсервативных инстинктов высших классов во Франции инициативу объединять сословия нации на общих собраниях брали на себя короли: «Генеральные штаты» не были навязаны последним Капетингам по прямой линии, как английским Плантагенетам — «парламенты». Но, в конце концов, обычай совещаться с нацией, каким бы ни было его происхождение, к моменту восшествия на трон династии Валуа существовал. А если он существовал, значит, шансы на утверждение представительных институтов и нравов свободных людей были утрачены не все.

---

³⁴ Le Dit de Jean le Rigolé // Romania. 1878 (28). P. 597.

Политика Франции в конце XIII в.

Внешнюю политику последних Капетингов по прямой линии диктовала в основном сама природа вещей. Французское королевство было первой державой Европы; разумеется, его лидеры пытались этим пользоваться, чтобы расширять его территорию за счет территорий врагов и соседей, — абсолютное бескорыстие Людовика Святого было случаем исключительным. А ведь в конце XIII в. у французского короля были естественные враги — оба монарха, имевшие владения одновременно в королевстве и за его пределами, то есть герцог Гиенский (король Англии) и граф Фландрский (князь Священной Римской империи), в то время как на востоке однородная масса королевства притягивала к себе земли бывшей Лотарингии и бывшего Арльского королевства, которые, наполовину отколовшись от империи, дрейфовали между Германией и Францией. Опасность заключалась в следующем: вместо того чтобы нацелиться на Гиень, долину Роны и левый берег Рейна, растрачивать национальную энергию на преждевременные или абсурдные действия за Альпами или за Пиренеями. Такую ошибку совершил Филипп Смелый. С 1285 г. и до пришествия династии Валуа ее избегали.

Значит ли это, что замыслы правительства Филиппа Красивого и его сыновей во внешней политике были ясными, глубоко продуманными и выполнялись последовательно? Некоторые историки допускали, что да. Но в этом можно усомниться: ведь людям того времени, высказывавшим реалистические планы, не давали возможности попытаться их осуществить, а лица, обладавшие властью, судя по реальным фактам, похоже, четких планов не имели.

Глава V

Франция и соседние страны: с 1285 по 1328 г.

I. Идеи Пьера Дюбуа. — II. Юг и Восток. — III. Англия. — IV. Фландрия. — V. Священная Римская империя

I. Идеи Пьера Дюбуа

Пьер Дюбуа

Некий Пьер Дюбуа, современник Филиппа Красивого, написал много трудов по всевозможным вопросам, политическим и социальным. Он обладал журналистским темпераментом. Одной из тем, увлекавших его, была внешняя политика Франции; он познакомил короля со множеством пылких и причудливых измышлений на эту тему.

Он был нормандцем; учился в Парижском университете, где слушал лекции Фомы Аквинского и Сигера Брабантского. В 1285 г., в период Арагонского похода, он уже начал размышлять о том, как управляют государствами.

Его сочинения

В 1300 г. он служил адвокатом в Кутансе; в этом году он написал первый из своих трудов, который сохранился, — «о способах быстрее завершать войны и судебные процессы»: «*Summaria brevis et compendiosa doctrina felicitis expeditionis et abbreviacionis guerrarum ac litium regni Francorum*» [Краткое изложение учения о прекращении войн и споров во Французском королевстве (*лат.*)]. Через два года ссора между Филиппом и Бонифацием дала ему повод написать несколько памфлетов,

очень яростных, против папы; он сообщает, что мэтр Ришар Ленеvé, архидьякон Ожа, лицо, пользующееся особой королевской милостью, взялся показать один из них королю. В январе 1304 г. Жан де ла Форе, другой его знакомый при дворе, получил от Пьера Дюбуа просьбу представить королю в Тулузе небольшой новый текст — несомненно, переработку «Краткого учения». Большой трактат «De recuperatione Terrae Sanctae» [О возвращении Святой земли (*лат.*)], автор которого хотел бы, чтобы его экземпляры были посланы королю Англии Эдуарду I (умер в июле 1307 г.) и папе Клименту V, тоже содержит много соображений, которые уже содержались в сочинении 1300 г., но были разработаны в новом ключе. В 1308 г. кутансский адвокат вновь взялся за литературный труд — с бóльшим пылом, чем когда-либо: поношения по адресу тамплиеров, вторая редакция «Возвращения», которая была показана Филиппу Красивому, еще два сочинения, по вопросу Священной Римской империи и по Восточному вопросу, — вот перечень его работ за этот год. Сегодня известна дюжина записок или документов, принадлежавших его перу; нет сомнений, что этот неутомимый советчик, не брезговавший драть с одного вола две шкуры, сочинил еще много.

Его положение и влияние

Чтобы оценить политические идеи Дюбуа по достоинству, надо бы знать, насколько его уважали современники. По ощущениям людей нашего времени, заговоривших о Дюбуа после открытия его произведений (то есть приблизительно лет пятьдесят тому назад), этот человек, «находившийся на жалованье» у Филиппа Красивого, якобы

«пользовался величайшим авторитетом в советах короны», якобы «вдохновлял политику» короля, его перо «правительство несколько раз мобилизовало ради подготовки общественного мнения». Тем не менее доказательства этого ни разу не приведены. Главный довод, на который можно сослаться в подтверждение этих гипотез, — то, что несколько маленьких текстов нормандского политика были переписаны в реестр XXIX Сокровищницы хартий Франции и дошли до нас, так сказать, в ранге официальных документов. Но вот аргументы в пользу противоположной гипотезы: Пьер Дюбуа очень часто предлагал свои услуги, и нет никаких сведений, что их принимали; он жаждал играть роль первого плана — и никогда не участвовал в советах, на которых принимались решения: он оставался адвокатом в Кутансе. Он воспроизвел обвинение, какое столь часто произносилось по адресу Филиппа Красивого, а именно, что тот слишком покорно подчиняется мнению советников; значит, в число советников, близких к королю, он не входил. Наконец, он был одержим навязчивыми мыслями, высокомерен, груб и желчен, как непризнанный изобретатель: он был убежден, что все его планы усердно старается разрушить Сатана, что против него объединился весь ад. Впрочем, если его высокопоставленным друзьям и покровителям, Анри де Ри — виконту Канскому, Ришару Леневи и Жану де ла Форе, не удалось добиться, чтобы его выделили из массы ходатаев и составителей прошений, в этом нет ничего странного: этот логик, этот идеолог, этот прожектор хоть и оставался пламенным монархистом, но был по натуре человеком непочтительным и революционером. Пьер Дюбуа принадлежал к типу людей, которых правительства никогда не

подпускают близко, к которым они всегда относятся с подозрением, пусть иногда не без удовольствия смотрят, как те стараются ради их выгоды. Что злобная риторика Дюбуа против врагов короля, Бонифация и тамплиеров, воспринималась с симпатией в верхах, это вполне вероятно; особенно она понравилась составителю сборников, переписывавшему в реестр Сокровищницы хартий самые интересные (на его взгляд) документы из архивов короны при Филиппе Красивом. Но в то, что тексты Пьера Дюбуа хоть мало-мальски изменили соотношения на политических весах, мы совершенно не верим.

Даже если допустить, что идеи Пьера Дюбуа представляют собой не убеждения советников Филиппа Красивого, на которых была возложена ответственность за власть, а просто мысли Пьера Дюбуа, то есть провинциального юриста, ум которого был независимым, смелым, сумбурным и несколько склонным к химерам, познакомиться с ними все равно очень интересно. Во всяком случае, «Краткое учение», трактат «О возвращении» и маленькие тексты 1308 г. дают понять, как в начале XIV в. выглядели для современника главные проблемы международной политики.

Его идеи. «Summaria doctrina»

Автор «Summaria doctrina» прежде всего выдвигает принцип, что весь мир должен подчиняться французам. Франция — это страна, находящаяся в самом выгодном положении: опыт доказал, что светила находятся здесь в лучшем аспекте и оказывают на это королевство более благоприятное влияние, чем на остальные. Это доказывается тем фактом, что отвага и характер потомков французов, рожденных в зарубежных странах, приходят в упа-

док — самое меньшее в третьем или в четвертом поколении; это определенно выявлено на примере местных жителей, покинувших родину. Но как добиться, чтобы мир был подчинен французам, «самым разумным из людей», не нарушая справедливости?

В первую очередь надо договориться с папой. «Через посредство короля Сицилии добьются от римской церкви, чтобы короли Франции стали отныне сенаторами Рима через представительство и хранили бы патримоний церкви, обязанные каждый год передавать папе доходы, которые тот теперь будет получать с него; взамен Франция обретет повиновение замков и городов патримония, ей принесут оммаж Тоскана, Сицилия, Англия и Арагон, вассальные страны Святого престола». Пьер Дюбуа не видит, что могло бы помешать осуществлению такой комбинации. Когда властителем церковных государств станет король Франции, они будут больше производить, потому что он будет ими лучше управлять. Что касается папы, то его долг — отказаться от мирской власти, сохранение которой было во все времена столь трудным и вызвало столько кровопролитий; он без колебаний передаст в пользование такому честному и могущественному человеку, как король, свои территориальные владения в форме постоянного эфитевзиса под гарантию получения пенсии. «Ему надлежит избавиться от своих земных занятий и сохранить свои обычные ресурсы, более не заботясь о первых; если он не захочет обрести столь великое преимущество, его все упрекнут в скупости, гордыне и дерзком самомнении...»

После этого королю следует захватить Ломбардию. Ломбардия — очень богатый край, который теоретически принадлежит королю Германии, но

на самом деле не повинуется никому. «Надо добиться от этого короля, чтобы он уступил свои права, если вправду, как говорят, Германское королевство уже стало или вот-вот должно стать наследственным в его семье; если это ложный слух, надо договориться с курфюрстами империи. Тем самым будет положен конец бесчинствам, какие ломбардцы творят против других наций, грабёжам, убийствам, ростовщичеству и многим другим грехам, в каких они заведомо виновны». Но если ломбардцы, когда-то давшие отпор стольким императорам и королям, откажутся подчиниться? Тогда с ними следует обойтись вот как: «Король будет разорять их страну, пока они не передадут в его руки богатства мира, присвоенные ими благодаря коварству». Подобной добычи никогда не было взято, и бесчисленное множество наемников захочет принять участие в этом походе, не требуя залогов, в надежде получить свою долю: «Вам достанется, государь, неисчерпаемый источник воинов, которых хватит на все войны, какие могут приключиться. Получив ресурсы этого народа, Ваше Величество без колебаний и без страха сможет приступить к великим начинаниям, о каких я говорю».

Восточная империя, Кастилия и Венгрия запросто будут присоединены к Франции. В самом деле, рука наследницы императоров Константинополя, Екатерины де Куртене, свободна — Филипп получит ее для брата [Карла Валуа] или для кого-нибудь из своих, а тот в благодарность признает себя человеком короля. В Кастилии царствует узурпатор; король восстановит на престоле инфанта де ла Серда, внука Людовика Святого, на условии, что корона Кастилии отныне будет подчиняться короне Франции. Король Сицилии [Карл II Анжуйский]

предпримет завоевание Венгрии, которой жаждет завладеть, при французской помощи, предоставленной на аналогичных условиях.

«Что касается Германии, — в заключение пишет Дюбуа, — едва ли пройдет очень много времени, прежде чем королю этой страны придется просить у вас помощи. С другой стороны, сыновей вашей сестры [Бланки, недавно вышедшей за сына Альбрехта I], которые должны унаследовать трон и некоторые провинции этого королевства, можно будет воспитать у вас во дворце, так что благодаря им вы однажды увидите, что ваши чаяния исполнились».

Совершив это, король, по примеру римских императоров, управлявших большим количеством провинций, и татарского хана, который, не двигаясь с места, посылает наместников сражаться и править от своего имени, останется у себя дома, под благотворным влиянием созвездий Франции, «дабы заниматься зачатием детей и формированием армий, в качестве распорядителя и распределителя всего, что будет делаться по эту сторону южного моря».

Трактат «De recuperatione Terrae Sanctae»

Трактат «De recuperatione Terrae Sanctae» делится на две части. Первая, по мысли Пьера Дюбуа, представляла собой циркуляр, подлежавший рассылке папе и государям Европы; вторая была адресована королю.

В первой части этот замечательный человек считал себя обязанным принять дипломатические меры предосторожности: он чувствовал, что рассылать папе и иностранным государям достоинства небосвода Франции и проповедовать им

естественное верховенство французов было бы проявлением дурного вкуса. Его основная мысль заключалась в том, что нужно отвоевать Святую землю и ради этого положить конец братоубийственным конфликтам, опустошающим Запад и Восток христианского мира: «Немцы и испанцы, хоть они и очень воинственны, давно перестали помогать Святой земле из-за своих гражданских войн; войны между независимыми городами Генуей, Венецией, Пизой, городами Ломбардии и Тосканы еще сильнее препятствуют совместному действию всех христиан». Стало быть, средств против этого нет? Вот их четыре или пять. Собор провозгласит мир между всеми католическими нациями; будет создан международный арбитражный суд. Выборный характер империи — причина смут; надо будет попросить, чтобы Германское королевство и империя были навсегда признаны владениями нынешнего короля (*regi moderno*), а после него — его потомков. С другой стороны, сколько войн было начато ради защиты патримония Святого Петра! Дюбуа не смог удержаться от того, чтобы не вставить здесь свою теорию об уступке церковных государств, в постоянный эмфитевзис, «какому-нибудь великому королю или князю» (*alicui magno regi seu principi*), воздержавшись от того, чтобы уточнять какому. Наконец, дела Испании будут улажены к величайшей выгоде для идеи крестового похода: инфанты де ла Серда некогда были обделены доном Санчо, их дядей по отцу; пока последствия этой несправедливости будут сохраняться, мир между христианами останется под угрозой; по счастью, есть способ все исправить: папа передаст королевство Гранаду (где Фердинанд IV, сын дона Санчо, терпит сарацин, которые платят ему дань) старшему

из инфантов де ла Серда; за младшим он признает королевство Португалию или какое-нибудь другое из тех, какие удерживает, вопреки всякому праву, сын дона Санчо; ему оставят Кастилию на условии, что он поможет будущему королю Гранады изгнать сарацин. После этого Испания, вся целиком, будет в состоянии послать в Палестину огромную армию. Эта армия поступила бы очень хорошо, если бы по дороге завоевала Сардинию; пусть ее отдадут Федерико, принцу сицилийских Арагонцев, в обмен на Сицилию, которую означенный Федерико вернет ее законным властителям, то есть Анжуйскому дому. Последнее слово: когда крестоносцы будут возвращаться с победой, с их стороны было бы добрым делом пройти через Грецию и от имени Карла Валуа, представляющего в Константинопольской империи права Екатерины де Куртене, напасть на узурпатора Палеолога, который отказывается оттуда уходить. Но прежде всего следует созвать в Тулузе вселенский собор, «конгресс» всех прелатов и всех христианских государей.

Во второй части этого маленького текста Пьер Дюбуа сбрасывает маску, он больше не старается скрыть под прозрачным покрывалом общих интересов свои патриотические амбиции. По его словам, он задается целью продемонстрировать преимущества своей системы. Прежде всего для папы: «Папа Климент, оставив королю Франции свои светские владения, укрытый от миазмов Рима, будет долго жить в добром здравии на родной французской земле»; там он назначит столько кардиналов-французов, что папство выскользнет из хищных рук римлян. Далее, и главным образом, — для Франции, для короля, его детей и родственников. Система, предложенная автором, обеспечит за Францией

левый берег Рейна или по меньшей мере Прованс, Савойю, права империи в Лигурии, в Венеции и в Ломбардии. Через посредство Карла Валуа, Анжуйцев и новых королей Гранады и Португалии король получит контроль над Испанией и Италией¹.

Ценность идей Пьера Дюбуа

Вечный мир между христианами при гегемонии Франции — в этом, если описать ее вкратце, состояла мечта нижненормандского законника. Пути и средства, какие он предлагал, были нелепыми: Пьер Дюбуа, раздающий королевства с горделивым презрением к трудностям практического осуществления своих замыслов, напоминает деревенских умников, которые, комбинируя союзы между властителями, целые дни перекраивают по своему вкусу карту мира. Правительству Филиппа Красивого пришлось недешево заплатить за знание, что Англия и Арагон не готовы запросто признать себя вассалами Франции и что если ломбардские города дают понять, что готовы сопротивляться французам столь же энергично, как и города Фландрии,

---

¹ До смерти Альбрехта I Пьер Дюбуа мечтал о расширении Франции за счет империи: французский король повлияет на папу, тот — на курфюрстов, и трон империи станет наследственным в доме Габсбургов, которые за это предоставят Франции территориальные компенсации. Во время междуцарствия, начавшегося после смерти Альбрехта I в мае 1308 г., идея передачи императорской короны Капетингскому дому с помощью папы стала сюжетом его небольшого сочинения, где были вновь кратко изложены химерические идеи, которые он все время мусолил. В том же году он воспроизвел их еще в одном тексте, где рекомендовал создать для одного из сыновей Филиппа королевство на Востоке.

о которых Дюбуа не говорит, это стоило бы принять во внимание. Государственный муж, посвященный в реальные отношения между Францией и империей, несомненно, не счел бы, что уступки Арльского королевства, левого берега Рейна и долины реки По можно добиться миром.

Оригинальность идей Пьера Дюбуа

Тем не менее грандиозные проекты из трактатов «De abbreviatione» и «De recuperatione», не будучи планами «гениального мужа» и даже здравомыслящего человека, не были и идеями безумца. Чувства и иллюзии, вдохновлявшие их, разделяли многие. Идеи Пьера Дюбуа даже не столь оригинальны, как кажутся. Иоанн Яндунский в «Трактате о прославлении Парижа» тоже писал: «Монархическая власть над всем миром подобает преславному и полновластным королям Франции». Глупыми и горделивыми патриотическими штампами, порожденными самодовольством и невежеством, какие проникали даже в документы, выходившие из королевской канцелярии, литература того времени была переполнена. За границей чванство французов вошло в поговорку. Во Франции не дожидались поражения Бонифация и переноса Святого престола в Авиньон, чтобы требовать установления господства государства над церковью и передачи патримония святого Петра королю Франции, которая на первый взгляд кажется фантазией Дюбуа: «Церковь за горами [римская], — говорили еще в 1273 г. Филиппу III, — должна бы радоваться, если ее светскими владениями будет управлять король...» Французские принцы на самом деле претендовали на престолы Западной и Восточной империй. Наконец, мысль укреплять верховенство Франции,

поддерживая интересы капетингских принцев в Италии, Испании и Венгрии, была слишком естественной, чтобы не приходить в голову всем; опять-таки и в этом тексты Дюбуа служили не более чем эхом общественного мнения.

Чего не хватает в записках Дюбуа, так это разумной оценки очень грозных сил, противостоявших экспансии Франции. Огромная ошибка этого поверхностного писателя заключалась в том, что он верил: чтобы разрешить все проблемы, достаточно «приручить» папу и воспользоваться его влиянием к выгоде короля. Прискорбно, что мы не знакомы со взглядами государственных деятелей того времени так же хорошо, как со взглядами Дюбуа. Хотелось бы знать, лучше ли люди, которым полагалось непосредственно руководить делами, понимали соответствующую ситуацию во Франции и в соседних странах в ту критическую эпоху европейской истории или они так же строили грандиозные прожекты. Конечно, положение Франции тогда было очень выгодным. Казалось, она вот-вот аннексирует огромные куски имперской территории. Но произвести аннексии оказалось не так-то просто, это хорошо показал ход событий, и через четыреста лет Людовик XIV еще вел споры из-за клочков земли, которые некогда присвоил Филипп Красивый.

Здесь невозможно воспроизвести в виде общей таблицы, хронологической и синхронистической, разные партии, какие играло правительство Франции с 1285 г., хоть они и были до некоторой степени связаны. Поэтому придется по отдельности рассматривать игру короля с каждым из главных партнеров — королевствами Юга, Англией и Фландрией, Священной Римской империей.

II. Юг и Восток

Ликвидация арагонских дел

В то время, когда Филипп Красивый вступил на трон, Франция вела войну с Арагоном в интересах Святого престола и итальянских Анжуйцев.

Поскольку все люди, игравшие в Арагонском крестовом походе роли первого плана (Карл Анжуйский, Мартин IV, Филипп III, Педро III), к тому времени уже умерли, здравый смысл диктовал то же, что и личные чувства нового короля (который по матери принадлежал к Арагонскому дому и которого во Франции долго называли «арагонцем»): с этой катастрофической авантюрой надо покончить. Но ликвидация сложных проблем, созданных этим конфликтом, затянулась на десять лет. В это время король Франции имел разрешение от папы на сбор десятины для продолжения войны, которую решил не вести, а его брат Карл Валуа, король Арагона *in partibus*, получил за счет Анжуйцев почетную компенсацию: чтобы он отказался от нелепых притязаний на корону, ему отдали руку Маргариты, дочери Карла II Анжуйского, принесшей ему в приданое графства Анжу и Мэн. Окончательное примирение по договору в Ананьи произошло только в 1295 г. Королю Майорки, союзнику Филиппа III, арагонцы вернули то, что было отнято у него, еще позже. Долина Вальд'Аран и после 1295 г., так же как до него, осталась

предметом споров между Францией и Арагоном; наконец, в 1312 г. комиссары обоих королей передали этот вопрос на арбитраж кардиналу Тускульскому, который вынес решение в пользу Арагона, так что через двадцать семь лет после того, как французы заняли эту долину во время похода 1285 г., она была навсегда возвращена прежним хозяевам.

Отношения с Арагоном после договора в Ананьи

С 1295 г. переписка, которую вели меж собой короли Франции и Арагона, была дружеской, но сдержанной. В 1302 г. Филипп попытался втянуть Арагон в свой конфликт с Бонифацием: «Папа, — передал он королю Хайме II, — всего лишь человек; он смертен; его милость преходяща; он вам не родственник; король же и его люди связаны с вами и вашими людьми кровными узами и союзными отношениями; подумайте также, что папа вполне может напасть на вас, если сумеет восторжествовать над королем Франции в мирских делах». Но Хайме воспринял эти авансы холодно: «Этот скандал между папой и королем нам очень не нравится, — ответил он. — Если папа нам напишет, мы поступим как подобает, *ut decebit*». В том же году Хайме в свою очередь попытался втянуть Францию в свою войну с Кастилией ради инфантов де ла Серда: «Один только король Арагона может помочь инфантам, и тем не менее соображения, побуждающие его к этому, способны подвигнуть и французов, ведь Французский дом имеет обыкновение защищать справедливость, *domus Franciae consuevit justiciam persequi*». Но Филипп ответил: он очень подробно знакомил арагонского короля с тем, что думает по этому поводу, но так ничего ему и не втолковал. После

1302 г. появлялись планы заключения браков, планы встреч между королями, в связи с которыми было пролито немало чернил в канцеляриях Франции и Арагона, но задуманное не осуществилось.

Отношения с другими пиренейскими королевствами

Остальные три пиренейских королевства тоже не создавали хлопот последним Капетингам по прямой линии. Королева Жанна, жена Филиппа Красивого, оставила свою корону Наварры сыновьям, которые соответственно титуловались «королями Франции и Наварры». Не имеющий политического веса король Майорки и Руссильона, сеньор Монпелье, со времен Филиппа III был сателлитом Франции, хотя посягательства французов на его город Монпелье нередко давали ему повод для жалоб. Наконец, французский двор делал выгодные предложения дону Санчо Узурпатору, воцарившемуся в Кастилии в ущерб инфантам де ла Серда, пока не был заключен мир с Арагоном. А инфантам Филипп неизменно отказывался помогать; он довольствовался тем, что держал на службе их сторонников, бежавших из Кастилии, — в начале XIV в. во французских армиях было очень много кастильских наемников, как и наваррских: именно тогда сформировался тот поток, который полтора века будет выбрасывать во Францию множество испанских головорезов вроде Родриго де Вильяндрандо, лютых швейцарцев, служивших королям из династии Валуа.

Отношения с Италией

В Италии общий мир 1295 г. не принес, как надеялись, Анжуйцам спокойствия. Правда, король Арагона отказался от Сицилии; но Арагонцы,

обосновавшиеся на Сицилии после Сицилийской вечерни, провозгласили независимость острова без его согласия. Таким образом, продолжилась война между неаполитанскими Анжуйцами, примирившимися с Арагоном, и сицилийскими Арагонцами. Бонифаций VIII, заклятый противник арагонских притязаний, с привычным пылом ринулся в эту борьбу. Он велел проповедовать крестовый поход против Федерико, принца сицилийских Арагонцев, и (как в свое время при подобных обстоятельствах Мартин IV) обратился к французам.

Король Франции предоставил действовать брату.

Карл Валуа, овдовев после смерти Маргариты Сицилийской (31 декабря 1299 г.), в январе 1301 г. женился на Екатерине де Куртене, имевшей права на престол Восточной империи. Бонифаций и Филипп одобрили этот брак: папа — лишь бы Карл отправился в Италию сражаться с его врагами, в частности с сицилийцами, король — при условии, что Карл, уладив дела с Анжуйцами и гвельфами, не предпримет поход на Константинополь без его одобрения и вернется во Францию по первому требованию.

Карл Валуа в Тоскане и на Сицилии

Весной 1301 г. Карл повел за горы пять сотен латников; компанию ему составляли Ги де Шатильон, графы Оксера, Сансерра, Жуаньи и Арманьяка, а также флорентиец «Муш», банкир французского двора. Но уже первая задача, какую папа предложил ему, замирение Тосканы, оказалась ему не под силу. Республики Тосканы терзали клики — гибеллинов, черных гвельфов, белых гвельфов. Иностранец, не знающий местных страстей, ставя ногу в эти кипящие муравейники, мог их лишь

разворошить. Карл Валуа, который, по словам флорентийца Дино Компаньи, «не был знаком с коварством тосканцев», 1 ноября вступил во Флоренцию с мечом в ножнах; несколько дней после этого черные гвельфы, друзья папы и «Муша», под его покровительством убивали гибеллинов и белых гвельфов и брали за них выкуп, как было заведено в подобных случаях. Поскольку к одной из партий, пострадавших от этих бесчинств, принадлежал Данте, имя вождя французской экспедиции в связи с этим подверглось гиперболическим поношениям. Едва ли проще, чем замирить Тоскану, было изгнать Арагонцев с Сицилии. Поход начался весной 1302 г.; через три месяца численность франко-неаполитанской армии сократилась вдвое из-за климата. Тем временем Филипп Красивый, разбитый при Куртре и поссорившийся с Бонифацием, отозвал брата обратно. Пришлось срочно вступать в переговоры. Был восстановлен *statu quo ante* [прежнее положение (*лат.*)]. Виллани очень хорошо подытожил достигнутые результаты — в таких словах: «Мессер Карл пришел в Тоскану миротворцем и покинул ее в состоянии жестокой войны; в Сицилию он поехал воевать и там заключил позорный мир»².

---

² Цит. по: Джованни Виллани. Новая хроника, или история Флоренции / пер. М. А. Юсима. М. Наука. 1997. С. 242; *Del Lungo I. Da Bonifazio VIII ad Arrigo VII: pagine di storia fiorentina per la vita di Dante*. Milano: Ulrico Hoepli, 1899; *Petit J. Charles de Valois (1270–1325)*. Paris: A. Picard et fils, 1900. Для Карла Валуа итальянский поход должен был стать лишь прелюдией к предприятию против Восточной империи. Несмотря на неудачу, он позже годами вел переговоры, то сам, то через брата-короля, со всеми монархами Средиземноморья (вплоть до Армении и Сербии), чтобы

Филипп Красивый и гвельфы

Шли годы. Произошло покушение в Ананьи. Святой престол был перенесен в Авиньон. Сцепившиеся меж собой гвельфы и гибеллины все еще ждали, «как мессию», иностранца, который поможет им против враждебной партии. В 1310 г. Климент V под влиянием кардиналов-«бонифацианцев» попытался примирить анжуйского короля Неаполя, сторонника гвельфов, со Священной Римской империей, сторонницей гибеллинов; но поскольку такое примирение дало бы Святому престолу точку опоры, чтобы противостоять требованиям французского двора, посланцы Филиппа Красивого в Авиньоне постарались его сорвать. Они сговорились с посланцами гвельфских городов Лукки и Флоренции, и речь шла о том, что король Франции лично гарантирует независимость гвельфам Тосканы, если она окажется под угрозой. Между тем Роберту Анжуйскому, королю Неаполя, после неудачи бонифацианцев пришлось вновь брать на себя защиту гвельфов от гибеллинов Севера, вдохновленных триумфальным переходом императора Генриха VII через Альпы летом 1312 г. Оказавшись под угрозой, он, естественно, обратился к Франции. Если бы Генрих VII не умер в августе

осуществить этот химерический замысел. В 1309 г. его человек Тибо де Шепуа, бывший великий магистр арбалетчиков Франции, с горсткой французов и венецианцев попытался повторить в борьбе с греками подвиги участников Четвертого крестового похода, но не преуспел. После этого Карл счел более удобным передать свои притязания на Константинополь в приданое старшей из дочерей, которых родила ему Екатерина де Куртене; она вышла за Филиппа Тарантского, одного из сыновей неаполитанского короля.

1313 г., итальянские события, возможно, привели бы к разрыву между империей и Филиппом Красивым, — ведь Филипп написал письмо «знати Рима»; казалось, он склонен помочь королю Неаполя. Во всяком случае, последний еще в 1314 г. настоятельно просил поддержки у французского двора.

Поход Филиппа Валуа в Ломбардию

Несколько позже *reali di Francia* [представители французского королевского дома (*тосканск.*)] получили просьбы о вмешательстве одновременно от всех сторон: от Роберта Неаполитанского, от папы Иоанна XXII, недовольного Робертом Неаполитанским, и даже от гибеллинских тиранов Ломбардии, которые больше не надеялись что-либо получить от Германии. В то время как Анжуйцы вызвали к Карлу Маршскому (будущему Карлу IV), Иоанн XXII предложил Филиппу, сыну Карла Валуа, заменить Роберта Неаполитанского в роли защитника гвельфов. После этого повторились события 1301 г.: король Франции, Филипп V, воздержался от активных действий; но он позволил кузену Филиппу Валуа (будущему Филиппу VI) повести в Ломбардию банды «пастушков», перебитых по дороге, и французских рыцарей. В августе 1320 г. войско Филиппа Валуа встретилось близ Верчелли с гибеллинами Галеаццо Висконти. Почему не произошло сражения? Почему Филипп в следующем году вернулся «ограбленным»? Виллани уверяет, что тот был обманут «коварством» ломбардцев, как ранее его отец — «коварством» тосканцев.

Таким образом, неудачные вылазки Карла Валуа и его сына за Альпы еще в начале XIV в. предвещали злополучные Итальянские походы королей династии Валуа.

Планы крестового похода

Между тем при Филиппе Красивом и его сыновьях испанские и итальянские дела, так занимавшие Филиппа III, уже не поглощали Францию всецело. И крестовый поход против неверных, который у Людовика IX был навязчивой идеей, тоже отошел на второй план. На самом деле о нем часто думали, о нем постоянно говорили. Раббан Саума, посол Аргуна, царя татар, отметил в своих «Воспоминаниях», недавно переведенных с сирийского, что Филипп Красивый в сентябре 1287 г. ему сказал: «Если монголы, которые вовсе не христиане, чтобы взять Иерусалим, сражаются с арабами, тем более должно сражаться и нам и выступить с войском, если пожелает наш Господь»³. Падение в 1291 г. Акры, последней франкской крепости в Сирии, привело к новому всплеску ораторского пыла: провинциальные соборы вели совещания во всем христианском мире. С тех пор вопрос «заморской переправы» оставался излюбленной темой прожектеров; у Пьера Дюбуа в этом было много конкурентов. Сотни папских и королевских посланий посвящались этому вопросу, который официально и, может быть, искренно обсуждался в Пуатье в 1307 г., во Вьенне в 1312 г. Почти каждый год торжественно принимали крест. Постоянно собирались выступить «следующей весной», чтобы освободить Палестину и помочь христианам Кипра и Армении. Карл IV в 1307 г. поручил бюргеру из Фижака по имени Гильом Боннемен миссию к египетскому султану. Но никто так и не выступил.

---

³ Цит. по: История мар Ябалахи III и раббан Саумы // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 705.

III. Англия

Истоки войны между Францией и Англией

В первые годы царствования Филиппа Красивого все предвещало мир между Францией и Англией. Эдуард I, король Англии, провел в своем герцогстве Гиенском годы с 1286 по 1289-й; он принес оммаж, каким был обязан; он выступил посредником, чтобы ускорить завершение «крестового похода» в Арагон. Зачем бы ему было хотеть войны? На его острове ему противились валлийцы и шотландцы; его власть над гасконской знатью была непрочной; ничто не позволяло ему думать, что возможен реванш за партии, проигранные его дедом Филиппу Августу; в Англии свирепствовал масштабный политический кризис. С его стороны нападать было бы безумием, а он был очень мудр.

Непосредственные причины вспыхнувшего конфликта темны; англичанин Джон из Трокелоу объясняет поведение короля Франции влиянием тех из его советников, которые вечно искали поводов к ссорам (*quibus turbatio regni placebat*). Но глубинные причины очевидны: в Средние века мир между Англией и Францией всегда был нестабильным, аномальным, и любой инцидент мог его нарушить.

Можно хорошо знать и постигать,
Что англичанин никогда не любил француза.
Между ними стоит яблоко раздора –
Сегодня у них мир, завтра война⁴.

Приблизительно с 1290 г. английские, гасконские, нормандские и фламандские моряки занимались пиратством в отношении друг друга. Виноваты в этом были все стороны. В портах эти люди дрались меж собой. Говорят, именно в связи с эпизодом такого рода, за который потом нормандцы и французы, байоннцы и жители Пяти портов мстили друг другу, французский двор и счел своим долгом в декабре 1293 г. начать процедуру, которую всегда использовали капетингские короли, чтобы объявить войну Плантагенетам, своим вассалам: вызов короля Англии как герцога Гиенского в Парижский парламент и в случае неявки – приговор о лишении прав. Эдуард, конечно, приложил усилия, чтобы уладить дело миром; его брат Эдмунд Ланкастер, супруг графини Шампанской (она, как считалось, имела влияние на обеих королев – Марию, вдову Филиппа III, и Жанну, жену Филиппа Красивого), со своей стороны предложил передать людям короля крепости в Гиени, пока расследование не установит виновных. Эта попытка примире-

---

⁴ «Сказ о восстании Англии и Фландрии»: *Le dit de la rebellion d'Angleterre et de Flandres // Nouveau recueil de contes, dits, fabliaux et autres pièces inédites des XIIIe, XIVe et XVe siècles / mis au jour... par A. Jubinal. Paris: Pannier, 1839–1842. 2 t. T. 1. P. 73.* Автор этого произведения очень хорошо понимал, что прочный мир между Францией и Англией невозможен, пока английские короли стоят одной ногой на континенте: «Да будет море границей и разделителем – между Англией и Францией».

ния провалилась. Почему? Потому что, — говорят английские историки, — Филипп проявил самое возмутительное лицемерие⁵: он принял предложенные крепости, открывавшие доступ в Гиень, и отдал приказ о вторжении в герцогство. Потому что, — говорят французские историки, — англичане «первыми нарушили соглашения» и потому что новые насилия англо-гасконцев, какие те совершили, уже передав пограничные крепости, оправдывали энергичные меры⁶. Сегодня, похоже, доказано, что, как и полагали английские писатели, Эдмунд Ланкастер в ходе этих предварительных переговоров был нагло обманут.

Завоевание Гиени

Как бы то ни было, французский король организовал захват герцогства: кампанией 1294 г. руководил Рауль де Нель, коннетабль Франции, кампанией 1295 г. — Карл Валуа, возглавлявший «второе и большое войско Гаскони», а в 1296 г. оккупацию большей части страны завершил Робер д'Артуа. В то же время, поскольку можно было предвидеть,

---

⁵ *Tout T. F.* Edward the First. London and New York : Macmillan, 1893. P. 182.

⁶ *Boutaric E.* La France sous Philippe le Bel: étude sur les institutions politiques et administratives du moyen âge. Paris: H. Plon, 1861. P. 390. «Коварство» англичан во Франции в XIII в. уже вошло в поговорку. Современник событий 1295 г., монах из Сийи (в епархии Се), воспроизвел такое обвинение против них: «Они ласково говорят „walecome“, *Intus sunt pleni fraudibus* [внутри они исполнены мошенничества (лат.)]» (*Mussafia A.* Über eine altfranzösische Handschrift der k. Universitätsbibliothek zu Pavia // Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. 1870 (64). S. 581).

что король Англии «сделает вид, будто намерен переправиться сюда», из Средиземного моря доставили корабли, экипажи и флотских плотников.

Планы вторжения в Англию

Мощный флот был тем более необходим, что французы решили напасть на английские порты, а то и захватить Англию. В ноябре 1295 г. Эдуард I писал: «Король Франции, обманным путем отнявший нашу землю Гасконь, теперь хочет предпринять завоевание нашего королевства, уничтожить английский язык...» Эскадра под командованием Матьё де Монморанси высадила десант в Дувре. Некий Томас де Турбевиль был казнен в Англии за попытку передать французам порт на побережье. Бенуа Зашари [Бенедетто Дзаккариа], гемузнец, «адмирал французского короля», в 1297 г. советовал «предать страну [Англию] огню и пламени». В то время спешно создали военно-морской флот.

Союзники обоих противников

Однако Эдуард был не в состоянии всерьез защищать свои континентальные владения. Зимой 1294 г. его действия парализовало восстание валлийцев. В 1295 г. на него напали шотландцы — в том году был подписан первый из бесчисленных союзных договоров, заключенных в Средние века между Францией и Шотландией. Он искал союзников.

«В 1295 г., — пишет автор анонимной «Записки» конца XIII в., — король Англии, говорили, что за фунты стерлингов, заключил союз с государями стран, окружавших королевство, которые все должны были напасть на таковое одновременно, со всех сторон». Он обращался прежде всего к монар-

хам, государства которых, опиравшиеся на Альпы и на Рейн, граничили с Францией на севере, востоке и юго-востоке. Использовали и привлекли на сторону Англии в том числе и короля Германии Адольфа Нассауского, который был небогат.

Этой коалиции правительство Филиппа Красивого, за турецкие ливры, немедленно противопоставило другую, нейтрализовавшую ее. И поскольку король Англии пожелал нанять против Франции немцев, это создало ему врагов вплоть до Норвегии: норвежский король, получивший «некоторую сумму денег для начала», пообещал оказать поддержку своим флотом.

Наконец, в начале 1297 г. Эдуард I, который отделился от валлийцев и шотландцев, разбив их, объявил о намерении высадиться в Нидерландах, чтобы дать коалиции, сформированной на его средства, сигнал, которого она, казалось, ждет.

Позиция графа Фландрского

Самым надежным из его союзников (и единственным надежным, не считая графа Барского, его зятя) был Ги де Дампьер, граф Фландрский.

Граф Фландрский, вассал Франции и империи, из-за владений, входивших в состав королевства, находился по отношению к французскому королю в положении, аналогичном положению короля Англии в Гиени: ему приходилось переживать те же неприятности — высокомерные распоряжения, вмешательства и придирки в связи с апелляциями, которые недовольные вассалы без конца направляли верховному сюзерену, и т. д. Лично Ги де Дампьер поддерживал дружеские отношения с Эдуардом с 1292 г.; в августе 1294 г. договорились о браке Филиппины Фландрской с наследником

английской короны. Король Франции, узнав об этом плане, вызвал графа в парламент, в Париж; там он настолько подчинил себе последнего, что маленькую Филиппину поместили в Лувр; Ги вернул себе свободу, лишь пообещав не вводить своих детей в семью английского монарха или любого другого врага короля. Правда, Филипп Красивый и граф, по видимости, помирились в январе 1296 г., в период, когда французская дипломатия пыталась рассорить Эдуарда и его германских союзников. Но в 1296 г. король опять повел себя сурово: он ввел во Фландрии пятидесятину для покрытия расходов на войну с Англией; когда люди графа попытались собрать эту подать, города Фландрии предложили, что сами внесут в королевскую казну то, что согласны заплатить, вместо пятидесятины, в форме торговой операции; когда Филипп взял под охрану Гент, Брюгге, Ипр, Лилль и Дуэ, граф был вынужден передать эти пять городов в руки короля и стерпеть, чтобы там поселились королевские «хранители»; когда вспыхнула война между домом Дампьеров и его извечным врагом Жаном д'Авеном, графом Эно, король захватил Валансьен, жители которого из ненависти к Жану д'Авену уже пригласили фламандцев. Доведенный до крайности этими унижениями, как и многими другими, Ги де Дампьер принял отчаянное решение и 2 февраля 1297 г. подписал договор о наступательном и оборонительном союзе с Эдуардом.

Первая кампания Филиппа Красивого во Фландрии

Граф Фландрский был для англичан надежным союзником, потому что, бросая вызов сюзерену, он компрометировал себя; но со своими феодальными

контингентами, с дворянами, которые содержали себя за счет имений, и с немецкими, брабантскими, лотарингскими наемниками, каких ему позволяли набрать довольно расстроенные финансы, он был не в состоянии дать отпор королю Франции. Среди его собственных вассалов все, у кого были основания для недовольства им, и особенно патрициат крупных городов, называли себя сторонниками французов, *лелиартами* (людьми лилий). Он не мог рассчитывать на военные контингенты городов, где в то время верховодила партия лелиартов. Так что к тому времени, когда Эдуард I высадился в Слэйсе, 23 августа, Ги де Дампьер был уже побежден. Кампания 1297 г. во Фландрии стала для французов столь же легкой, как и кампании 1294, 1295 и 1296 гг. в Гаскони. В результате сражения при Вёрне 20 августа, выигранного Робером д'Артуа, капитулировал Лилль. Брюгге, который английский король рассчитывал сделать своей операционной базой, открыл ворота победителям.

Перемирие в Вив-Сен-Бавоне

Так что обоим союзникам, графу и королю, не оставалось ничего лучшего, кроме как запереться в городе Генте, расположенном на самой границе Франции и империи. Там они ждали «короля Германии», Адольфа Нассауского, который не пришел. Между тем приближалась зима; бароны и духовенство Англии, в то время куда сильнее настроенные против собственного короля, чем против Франции, волновались, требуя подтверждения конституционных хартий; на горизонте только что появился национальный герой Шотландии Уильям Уоллес. Прямо на улицах Гента каждый день шли бои между наемниками Эдуарда и фламандцами. То есть

враги французского короля находились в крайнем расстройстве, когда в октябре было подписано перемирие в Вив-Сен-Бавоне. То, что французы, доселе столь удачливые, не продолжили наступление более энергично, можно объяснить только их изнурением. В самом деле, казна и армии королей XIII в. не годились для того, чтобы осуществлять продолжительное и мощное усилие.

Временное разрешение англо-французского конфликта

Перемирием в Вив-Сен-Бавоне война с Англией была в принципе закончена, потому что вследствие вмешательства Ги де Дампьера военная активность королевского правительства оказалась направленной против Фландрии. Тем не менее переговоры о мире затянулись, как обычно, на несколько лет: в Средние века дипломатия отличалась тем, что протоколами и нескончаемыми проволочками запутывала самые простые вопросы, а вопросы, которые ей предстояло обсуждать после событий 1294–1297 гг., были сложными. Что станет с Гие-нью? Покинут ли оба короля взаимно своих союзников — Фландрию и шотландцев?

Соглашения 1298 г.

В то время на переговорах в качестве арбитра председательствовал Бонифаций VIII; поскольку он тогда проводил политику умиротворения Филиппа Красивого, он был очень жёсток в отношении Ги Фландрского, просившего, чтобы его включили в число участников договора. 27 июня 1298 г. был установлен временный *модус вивенди* между Англией и Францией; о Фландрии, о которой англичане со своей обычной беззастенчивостью по-

спешили забыть, не было сказано ни слова; участь Шотландии и Гиени тоже осталась нерешенной. Следуя указаниям папского приговора, Эдуард I женился на дочери Филиппа III, а его старший сын летом 1299 г. был обручен с Изабеллой, дочерью Филиппа Красивого⁷.

Договор 1303 г.

Наконец, 20 мая 1303 г. в Париже мирный документ был составлен окончательно. Но за пять лет, в течение которых шло обсуждение, обстоятельства сильно переменились: Филипп Красивый, в 1297 г. одерживавший победы на всех фронтах, теперь испытывал серьезные затруднения из-за папы, фламандцев и мятежей в Гиени, особенно в Бордо⁸. Договор 1303 г. просто восстановил

---

⁷ Июньские соглашения 1298 г. были восприняты во Франции с неодобрением и, так же как вмешательство Людовика IX в дела Англии в 1264 г., привели к появлению народных пародий на англо-французском жаргоне: «Когда король Дадорд хотел кушат, король Филиппот совсем разделся и стал перед Дадордом резат еда... И король Дадорд сказал: “Бедный король Филиппот, я буду хазяин, а ты будеш мой слука”. И Филиппот сказал: “Та, та, я коворю вам та”. Так фсё и пошло...» (*Nouvelle charte de la Pais aus Englois* (1299) // *Romania*. 1885 (54). P. 280). Автор «Сказа о восстании» умоляет Филиппа Красивого и графа Валуа сохранять бдительность и не допускать, чтобы англичане обманули их «сладкими речами».

⁸ Осенью 1301 г. епископ Сполетский, папский легат, на обратном пути из Англии проехал через Гиень. Французский двор узнал, что тот собирал дворян, прелатов и бюргеров страны (*generales conventiones majorum, prelatorum et communitatum latentes et publicas*), чтобы читать и комментировать письма папы с целью возбуждать смуты (*ad concitationem populi*).

ситуацию, в которой Эдуард I и Филипп соответственно находились десять лет назад; Гиень была возвращена; Шотландией пожертвовали; между Францией и Англией был заключен союз.

Эдуард II

В 1307 г. Эдуард I умер. Эдуард II, женившийся в 1308 г. на дочери Филиппа Красивого Изабелле, неизменно относился к тестю с сердечной почтительностью. Личными обращениями он добился, чтобы король Франции перестал официально поддерживать самые наглые провокации французских чиновников против людей английского короля, как на границах аквитанского герцогства, так и внутри него⁹. Но с 1317 г. инциденты, аналогичные тем, какие стали поводами к войне в 1294 г., начались снова, — пиратство байоннцев и нормандцев, аресты, казни или убийства королевских сержантов в Гиени и даже переговоры между Англией и Фландрией. Как и в 1294 г., английский король, занятый

Двор послал комиссаров, чтобы бороться с этой пропагандой и утверждать, что в компромиссном решении, принятом под покровительством папы, никоим образом не было речи о посягательстве на местные привилегии. Экземпляры циркуляра от 10 декабря 1301 г., какие возили с собой комиссары, сохранились в архивах городов Дакса и Ажена.

⁹ Взаимное нарушение прав и провокации, неизбежные последствия ложного положения, в какие договоры 1259 и 1279 гг. поставили короля Франции и короля Англии как его вассала за Гиень, в царствование Эдуарда II привели к нескончаемым расследованиям с обеих сторон. В 1310 г. оба короля условились провести общий пересмотр и ликвидацию взаимных претензий. Ради этого их комиссары впервые собрались вместе 27 апреля 1311 г. в городе Перигё. Но ни о чем так и не договорились.

в собственной стране своими баронами и шотландцами, просил только о мире. На сей раз французский двор не был склонен к войне: Филипп V и Эдуард II в 1320 г. публично примирились, без пролития крови.

Дело Сен-Сардо

В начале царствования Карла IV отношения между обоими королевствами были хорошими: шотландцы в битве при Блэкморе [при Олд-Байленде] взяли в плен французских посланцев, сражавшихся в рядах английской армии, — кравчего Анри де Сюлли и маршала Робера Бертрана. Но то, что случилось в 1294 г., чего избежали в 1317–1319 гг., в 1324 г. произошло снова — причиной этого стало «дело Сен-Сардо».

Парламент принял несколько решений о неправе людей герцога Гиенского, не желавших допускать строительства бастиды в месте под названием Сен-Сардо близ Ажена. В ноябре 1323 г. англо-гасконцы разграбили и сожгли эту бастиду. Когда великий магистр арбалетчиков Франции подошел к замку Монпеза в Ажене́, чтобы осуществить репрессии, его захватили в плен и потребовали за него выкуп. Тщетно Эдуард II предлагал компенсации за то, что было сделано без его ведома в Сен-Сардо и в Монпеза. 7 июля 1324 г. Карл IV уведомил английских посланников, что намерен наложить руку на Гиень и Понтёё.

Новое завоевание Гиени

Кампанию 1324 г. в Гаскони провел Карл Валуа, возглавлявший еще кампанию 1295 г.; после взятия Ла-Реоли 22 сентября оставалось взять только Бордо, Байонну, Сен-Север и несколько замков.

Эдуард II попал тогда в очень жалкое положение. У него были плохие отношения с Изабеллой, его женой, которая ненавидела Диспенсеров, его фаворитов. С 6 августа 1323 г. он просил Карла IV об экстрадиции врага Диспенсеров, укрывшегося во Франции, — некоего сэра Роджера Мортимера Вигморского, отношения которого с Изабеллой были заведомо подозрительными. Но поскольку из Парижа ему писали, что «единственный способ добиться доброго мира — это послать королеву Изабеллу» к королю Франции, ее брату, он отправил ее к последнему. В марте 1325 г. Изабелла оказалась рядом с Мортимером.

Через несколько месяцев договорились, что Эдуард II уступит свои титулы герцога Гиенского и графа Понтьё сыну (будущему Эдуарду III) и последний в этом качестве возьмет на себя права и обязанности отца. В самом деле, юный Эдуард, которому было тринадцать лет, 10 сентября получил Гиень; 12 сентября он отплыл во Францию, 14 сентября принес оммаж.

Трагическая гибель Эдуарда II

Между тем при французском дворе завязалась интрига, достойная романов. Изабелла решила вернуться в Англию лишь затем, чтобы избавиться от мужа. В заговор с ней вступили Мортимер и английские изгнанники, жившие в Париже. Когда с ней соединился сын, подчинявшийся ей во всем, она обручила его с дочерью графа Эно, чтобы приобрести друзей в Нидерландах. В письмах Эдуарду II она называла его «сладчайшее сердце», но настраивала всех против него. До какой степени в тайны был посвящен Карл IV? Это неизвестно, но известны результаты авантюры: Изабел-

ла, Мортимер и юный Эдуард 24 сентября 1326 г. высадились на побережье Суффолка; Эдуард II бежал, был схвачен, признал себя недостойным власти и трагически погиб.

Мир 1327 г.

31 марта 1327 г. Понтьё и часть Гиени были возвращены новому королю Англии, который обязался выплатить королю Франции, своему дяде, репарации¹⁰.

---

¹⁰ Карл Красивый вернул не всю Гиень, где в 1326 г. пришлось провести новую кампанию, чтобы отразить нападения англичан и англофильской знати. См. *Longnon A. Atlas historique de la France: depuis César jusqu'à nos jours. 1ère partie, de 58 avant J.-C. à 1380 après J.-C.* Paris: Hachette, 1912. P. 253; *Histoire générale de Languedoc. T. IX.* Toulouse: J.-B. Paya, 1845. P. 440.

IV. Фландрия

Оккупация Фландрии французами

Король Англии «заключил свой мир, — пишет автор анонимной «Записки», — и оставил фламандцев в состоянии войны».

В январе 1300 г. старого графа Ги де Дампьера покинули все: Англия, король Германии, Голландия (которая достанется Жану д'Авену, преданному другу Франции). Сроки перемирия истекли, и графство Фландрия за несколько месяцев было целиком оккупировано французами. Графа Ги и его старшего сына взяли в плен.

Со следующего года Фландрией от имени короля стал управлять Жак де Шатильон, дядя королевы. Страну посетили Филипп, королева и двор. Состоялись пышные приемы в Дуэ, Лилле, Генте, Брюгге, Ипре и т. д. В сентябре король созвал «рененгес» (renenghes, парламент и счетную палату Фландрии). Черного льва на знаменах заменили лилии. Началось строительство нескольких укрепленных замков. Новые хозяева устраивались поудобней.

Но крупные города Фландрии, которыми управлял капиталистический патрициат, были переполнены пролетариями и мало походили на «добрые города» Франции, в основном весьма смирные. В каждом аристократия и «ремесла» [métiers, цеха],

богатые и бедные испытывали лютую ненависть друг к другу: тот, кто опирался на одну из сторон, для другой был врагом. Существовала взаимная зависть: Брюгге и Гент, например, соперничали меж собой. Эти могущественные республики, самые богатые в мире (их башни-беффруа и крытые рынки и теперь, когда они мертвы, выглядят очень внушительно), не привыкли к покорности властителям. А коль скоро люди короля привыкли, чтобы им повиновались, конфликты стали неизбежными.

Мятежи в Брюгге

Во время въезда Филиппа в Брюгге толпа молчала; мятеж вспыхнул после его отъезда и был направлен против эшевенгов и богачей, которые, как почти везде, принадлежали к «партии лилий». Бальи короля велел заключить зачинщиков в крепость Стеен; народ их освободил. Жак де Шатильон, губернатор, приостановил действие вольностей города, приказал снести его стены и изгнал некоего Де Конинка (Короля), ткача, «малорослого и с тонкими конечностями, у которого никогда не было и десяти ливров», но к которому народ прислушивался. Конинк вернулся и стал хозяином Брюгге. 17 мая 1302 г. Жак де Шатильон занял город войсками. Утром 18 мая французские наемники были убиты или захвачены в плен в постелях: произошла *Брюггская заутреня*, «пятничная история в Брюгге», которую часто сравнивали с Сицилийской вечерней.

Сражение при Куртре

Так началась война между «ремеслами» Брюгге, которых немедленно поддержало большинство бургов и городов Западной Фландрии, и королем.

Первое столкновение случилось под Куртре 11 июля. Безрассудство вождей французского рыцарства, их презрение к рациональной тактике повлекли за собой катастрофу. Они сочли себя выше того, чтобы прибегнуть к помощи десяти тысяч арбалетчиков, по большей части итальянцев, находившихся в их распоряжении. Горя желанием лично искрошить пехоту фламандцев, они бросились в конную атаку. Тысячи всадников посыпались во рвы. На поле боя остались Робер д'Артуа, Пьер Флот и множество вельмож. Пленных не брали. В людской памяти прежде не было столь кровопролитной битвы, столь полного разгрома. Четырьмя годами раньше, 22 июля 1298 г., английское рыцарство, благоразумно использовав лучников, разбило при Фолкерке армию шотландцев, очень похожую на фламандскую армию, сражавшуюся при Куртре. Фолкерк и Куртре предвещали великие катастрофы Столетней войны: за пятьдесят лет англичане ничего не забыли, а французы ничему не научились.

Кампания 1303 г.

Это достопамятное поражение произвело глубокое впечатление на обе стороны и на весь Запад. Кампания 1303 г. не восстановила положение побежденных, ведь мало того что была потеряна Фландрия, но фламандцы вступили в Артуа. Дважды, в сентябре 1302 г. и в сентябре 1303 г., король приезжал на театр боевых действий лишь затем, чтобы немедленно вернуться. Наемники на королевской службе были склонны к неразберихе и панике. Население, говорящее по-фламандски, испытывало все больше ненависти к французам: во время взятия Теруанна отрубили голову статуе Лю-

довика Святого. Правительство Филиппа Красивого, в то время предпринимавшее заключительный натиск на Бонифация, с большой радостью согласилось 20 сентября 1303 г. на перемирие, и Ги де Дампьеру, освобожденному под честное слово, было разрешено вернуться во Фландрию, «чтобы говорить о мире», при условии возвращения в тюрьму, если мир не будет заключен.

Мир заключен не был. Он не мог быть заключен прежде, чем король, так легко отвоевавший Фландрию у графа и так быстро изгнанный фламандцами, в какой-то мере не компенсировал бы злополучное событие 11 июля 1302 г.

Кампания 1304 г.

Кампания 1304 г., может быть, с военной точки зрения известна лучше всех кампаний Средневековья, потому что подробные сообщения о ней оставило несколько очевидцев с той и другой стороны (Мелис Стоке, Гильом Гиар и др.). Было нанесено два мощных удара: Зирикзее, Монс-ан-Певель. Ги Намюрский, представитель Фландрского дома, осадил Зирикзее в Зеландии¹¹. Королевский флот, который состоял из французских, генуэзских и испанских кораблей и которым командовал генуэзец, дал бой, чтобы снять с этого города осаду, и этот бой завершился в его пользу; Ги Намюрский попал в плен. Монс-ан-Певель (18 августа) был очень крупной битвой, которая стала предметом весьма активных споров и в которой участвовало более

---

¹¹ Знать Зеландии к тому времени подняла мятеж против своего графа Вильгельма, сына и наследника Жана д'Авена, союзника французского короля; она помогала фламандцам, которые в свою очередь помогали ей против сторонников графа.

ста тысяч бойцов. Часть французского рыцарства дрогнула, и король лично оказался в опасности. К вечеру фламандцы, понесшие столь же большие потери, как и королевские войска, отступили.

Монс-ан-Певель

Битва при Монс-ан-Певеле отнюдь не стала катастрофой для побежденных, коль скоро армия, которую Жан Намюрский, брат Ги, привел в сентябре, чтобы снять осаду с Лилля, «была столь велика, — писал хронист, — что подобной у графа Фландрского никогда не было». Главное преимущество, которое дал этот день французам, состояло в том, что король (вернувший себе во владение Лилль, Бетюн, Дуэ, Орши) теперь мог согласиться на компенсации, какие ему давно предлагали «дети графа Фландрского».

«Соглашения пятого года»

Договор был обнародован в июне 1305 г. в Атис-сюр-Орж. Король Франции примирялся с новым графом Фландрским Робертом Бетюнским (Ги де Дампьер умер) и возвращал ему фьеф. Примирение сюзерена и вассала происходило за счет больших городов (Гента, Брюгге, Ипра, Лилля и Дуэ), стены которых следовало снести, а союзы расторгнуть. Чтобы искупить вину за Заутреню, три тысячи брюггцев должны были совершить паломничество. Наконец, граф обязывался выплатить репарацию, а именно 20 тыс. ливров ренты, 400 тыс. ливров наличными и содержание 500 латников в течение года; фламандцев, которые во время последней войны поддерживали французского короля, надлежало освободить от выплаты этих штрафов, а если они пожалуются, что потерпели

или терпят какой-то ущерб, совет графа с участием назначенных королем «достойных людей» должен был выплатить им подходящие компенсации. Вплоть до полного исполнения договора шателении Лилль, Дуэ и Бетюн, которыми король уже владел, и замки Кассель и Куртре, которые следовало ему сдать, должны были оставаться в его руках. Наконец, король оставлял за собой право в дальнейшем требовать ряд других гарантий, какие покажутся ему нужными.

Переговоры о соглашениях пятого года

Но нельзя сказать, что после заключения этого договора все кончилось. Еще надо было добиться согласия со стороны заинтересованных лиц — «простого люда» городов Фландрии, партии победителей при Куртре. А ведь «когда о соглашениях пятого года стало известно коммунам, — пишет Гентский анналист, — те, кто на них согласился, и дворяне стали предметами ненависти; опасались, что их всех перебьют, и это произошло бы, если бы договор немедленно пожелали исполнить согласно его букве». После этого еще несколько лет шли переговоры между королем, графом и городами. В 1308 г. брюггцы в записке, адресованной Роберту Бетюнскому, заявили, что ранее позволили «говорунам» графа и короля «постепенно» убедить себя одобрить под присягой соглашения пятого года лишь при условии, что будут сделаны некоторые смягчения, которых не предоставили; они вновь выразили энергичный протест против всего договора в целом; они потребовали его пересмотра. При французском дворе сочли, что такое сопротивление дает основание папе наложить

на фламандцев интердикт за отказ от исполнения договора, но Климент V уклонился от этого. В конечном счете пересмотр стал представляться неизбежным. В 1309 г. он произошел. В Париже в апреле в присутствии графа Фландрского, который «мольбами и угрозами» добился от них этого, представители всех фламандских городов за исключением Брюгге ратифицировали измененный и смягченный Атиссский договор. Брюгге, оставшийся в одиночестве, после этого уступил. Гильом де Плезиан, которого сопровождал граф Роберт, объехал все города Фландрии, чтобы принять от собравшегося народа изъявления согласия с этим договором.

За то, чтобы договор был одобрен, пришлось бороться с 1305 по 1309 г.; после этого придется бороться за то, чтобы он был выполнен.

Два года спустя после парижской ратификации выполнение договора пятого года по-прежнему оставалось «подвешенным». Сбор репараций («королевской тальи») шел плохо; король обвинял графа в том, что тот удерживает репарационные деньги для собственной выгоды; граф обвинял сборщиков-ломбардцев, что они прикармливают часть денег; сборщикам приходилось преодолевать строптивость податных, которые не желали платить либо утверждали, что освобождены от выплат как бывшие сторонники партии лелиартов; в городах лелиартский патрициат старался произвести раскладку «королевской тальи» так, чтобы все ее бремя легло на «ремесла». С другой стороны, лелиарты заявляли, что их преследуют; их обращения ко французскому двору влекли за собой еще более частые вмешательства французов, чем те, которые перед 1297 г. привели в отчаяние Ги де Дампьера.

Конференции в Турне. Первая

Все эти сложности в конечном счете должны были привести к ссоре. Она произошла в сентябре 1311 г. в Турне на конференции, в которой участвовали Карл Валуа, Ангерран де Мариньи, граф Роберт, его сыновья и представители фламандцев. Там обменялись едкими словами. Мариньи говорил о «доброте» и «милосердии», какие король выказал в Атисе: «Он не взалкал удержать Фландрию в составе своих владений, а ведь так поступил бы мало кто из богачей». Горожанам, еще раз пообещавшим не нарушать мира, «хоть он и кажется им суровым», Мариньи сказал: «Этот мир был не суровым, а снисходительным и милостивым; вам следует показать свою добрую волю делами».

Очевидно, что именно после этого было принято решение запугать графа Робера и его сына энергичными действиями, а прежде всего словами. Поочередно были конфискованы графства Невер и Ретель; Роберта Бетюнского и Людовика Неверского вызвали в парламент для оправданий в нарушении мира. В то же время добрых людей Фландрии пригласили, через прокуроров, явиться к королю, который не хочет, чтобы их, «как прежде, обманули болтуны», и который объяснит им положение вещей.

Вторая

Через месяц после первой конференции в Турне, в октябре 1311 г., состоялась вторая, от появления на которой граф воздержался, но делегаты городов выслушали чтение документа, вероятно, авторства Мариньи. Вот, согласно этому документу,

истина, которую должны были усвоить все фламандцы! «Король обладает суверенной и правосудной властью над Фландрией; граф имеет над ней власть только из корысти [seigneurie du profit]. Король обладает правосудной властью, ибо нет во Фландрии столь бедного человека, который, если бы граф захотел нанести ему ущерб, не мог бы, пожаловавшись на это королю, добиться справедливости и правосудия, хоть бы ради этого пришлось пустить в ход все силы королевства. Пусть добрые люди знают: во время процесса, который начнется, король готов воздать по справедливости всем, кто пострадал от юстиции графа. Этот процесс возбуждается не из-за поведения жителей Фландрии, как ходят слухи, не из-за былых оскорблений, которые король простил. Обвиняемый — один лишь граф, который перехватил и использовал для себя деньги, собранные для выплаты штрафов, предусмотренных договорами. Это сказано, разумеется, в назидание всем; ибо, надо полагать, нет такого глупца, который подумал бы, что если король так говорит, значит, он боится тех или других. Где те, кто был неверен французской короне? Где герцог Нормандский, который был могущественней, чем граф Фландрский? Где граф Тулузский, потерявший свое графство? И пусть добрые люди Фландрии не забывают: именно они заплатили за безумства последнего графа».

Эти приемы оказали на графа и на его сына неодинаковое воздействие. Людовик Неверский предстал перед парламентом за то, что «возбуждал народ Фландрии против короля и мира»; он открыто выразил протест, был заключен под стражу и бежал в имперскую Фландрию, откуда обращался с призывами к папе и к императору. Роберт Бе-

тунский уступил. 7 января 1312 г. его вызвали не в парламент, а в суд пэров для вынесения приговора о конфискации фьефа.

Понтуазское соглашение

В Артуа стояла королевская армия. 11 июля он смирился и ратифицировал в Понтуазе соглашение, наконец дававшее королю явные преимущества.

По условиям Атисского договора, граф Фландрский был должен выделить ренту в 20 тыс. ливров. Пока эта рента не выделена, король забирал доходы от шателений Лилль, Дуэ и Бетюн, которые удерживал в качестве залогов. В Понтуазе решили превратить этот временный режим в постоянный.

«Передача фландрских земель»

Граф подлежал освобождению за «передачу» короне всех прав на три шателении и зависимые от них территории. Такой была знаменитая «передача» фландрских земель, в результате которой к королевскому домену была присоединена часть валлонских земель. Надо ли говорить, что оценка «принадлежности», или зависимости, Лилля, Дуэ и Бетюна станет впоследствии неисчерпаемым источником дразг.

Войско 1313 г. ничего не делает

Тем не менее соглашения 1305–1309 гг. по-прежнему оставались мертвой буквой: репарации не выплачивались, укрепления не сносились, жалобы лелиартов звучали громче, чем когда-либо. В 1313 г. король пригласил графа и депутатов от «ремесел» Фландрии к себе в Аррас, в июле; в то же время он созвал в тот же город значительную

армию. Но на собрании в Аррасе граф обещал все, что от него требовали: что он будет способствовать соблюдению условий «мира», наказывать тех, кто «настраивает народ против мира» или «дурно говорит о короле», и т. д. После этого армию расформировали. Во Франции добрые бюргеры, о впечатлениях которых сообщает хронист Годфруа Парижский, полагали, не без видимых оснований, что фламандцы хотели выиграть время и что король позволил себя провести.

Разрыв 1314 г.

В следующем году произошел разрыв, причина которого неясна. В заявлении, равносильном объявлению войны, которое 26 июня 1314 г. зачитал в Генте Никола де Маршьен, графский клирик, содержится полный исторический очерк отношений между Филиппом и Фландрией, увиденных глазами фламандцев. Там сказано, что со времен Атиса люди короля не переставали посягать на юрисдикцию графа и разжигать ссоры между партиями — например, они пытались привлечь на свою сторону «ремесла», возбуждая их против богачей и против власти графа. Последняя претензия кажется странной, ведь французский двор до тех пор всегда опирался на города, на аристократов против народной партии. Тем не менее эта претензия была обоснованной. Французский двор теперь считал ловким ходом обхаживать героев Заутрени и Куртре.

Таким образом, через девять лет враждебные действия вновь начались там же, где их прервал Атисский договор. Когда капеллан кардинала Наполеона дез Юрсена Симон Пизанский в то время написал Мариньи, что фламандцы очень

разгорячены, Мариньи в ответ щегольнул горделивой уверенностью: «Этот сильный пыл меня не удивляет, брат Симон; это следствие зноя. Наши сеньоры тоже горячи и рвутся воевать... И воистину, брат Симон, знайте, что Французское королевство не позволит расчленить себя словами; для этого нужны другие дела. Знайте также, что граф Фландрский и его сын прежде станут хозяевами Французского королевства, чем вернут себе Лилль и Дуэ...»

Войско 1314 г. ничего не делает

Тем не менее кампания 1314 г. не могла польстить самолюбию ни того, ни другого противника. Как и войска, набранные в 1312 и 1313 гг., «фландрское войско» 1314 г. вернулось несолоно хлебавши. К резкому неудовольствию французов, которые испытывали стыд за все эти необъяснимые марши и контрмарши (и обвиняли Мариньи в том, что он позволил подкупить себя фламандцам, припертым к стенке), эта грандиозная демонстрация сил закончилась (в сентябре, близ Лилля) подтверждением прежних соглашений, уже столько раз подтвержденных.

Продолжалось топтание на месте. И за этими однообразными событиями, на которые каждый год впустую тратились дипломатические и финансовые ресурсы королевского правительства, устаешь следить. После смерти Филиппа Красивого в 1315 г. встал вопрос о принесении оммажа, по-прежнему спорный. Граф Роберт получил приказ лично принести в Париже оммаж, которым был обязан Людовику X. Он не подчинился. Суд пэров объявил его за это лишенным французских фьефов.

Войско 1315 г. ничего не делает

В августе Людовик X вступил во Фландрию. Но сезон был дождливым, и армия, огромного размера, увязла в грязи. Турнейский хронист Жиль ли Мюизи очень красочно описал жалкий вид этой армии, когда она входила в Турне. Короче говоря, «фландрское войско» 1315 года повторило судьбу «войск», которые в 1312, 1313, 1314 гг. отступили, не сделав ничего.

Новые переговоры

Людовик X умер. Начались переговоры. Фламандцы по-прежнему требовали, чтобы «строгости и темные места мирного договора, заключенного между покойным королем Филиппом и монсеньором Фландрским», были соответственно смягчены и прояснены. 1 сентября 1316 г. Филипп V на это согласился. Новые уступки, новые ратификации...

Но обещаниям 1316 г. фламандцы придавали ровно столько же значения, сколько обещаниям прошлых лет. В ответ на требования их выполнять они ссылались на проблемы с «гарантиями» мира. Клятвы короля и его людей, по их словам недостаточно в качестве гарантий; фламандцы хотели, чтобы пэры и знать Франции поклялись помочь Фландрии, если договор нарушит король, и т. п. При дворе Филиппа V настолько хотели покончить с этим делом, что король согласился передать эти необычные предложения на третейский суд папы. Иоанн XXII отчасти их одобрил. Тогда, в то время как посланники Франции при римской курии выразили согласие, посланники Фландрии к общему изумлению заявили, что не уполномочены подписывать третейский приговор. «Фламандцы, — сказал

однажды Людовик Неверский, — всегда считали условия мира [пятого года] невыполнимыми. Если бы их выполнили, Фландрия была бы потеряна...»

В 1318 г. снова начались официальные конференции с участием людей короля и фламандцев, а также созывы войска. В Компьене 11 октября 1318 г. люди короля снова обратили общее внимание на великодушную снисходительность короля Франции, «самого благородного и самого могущественного государя в мире», и на недобросовестность графа. В Аррасе было создано новое «фландрское войско» (шестое), чтобы выступить в августе 1319 г.

Войско 1319 г. ничего не делает

Это войско не выступило. Граф Роберт, покинутый гентцами, которые отказались переходить реку Лейе, наконец изъявил готовность «из уважения к Святой Церкви» выполнить «совет», то есть третейский приговор Иоанна XXII. В апреле 1320 г. он в Париже принес оммаж; в июле фламандцы одобрили проект брака между Маргаритой, дочерью короля, и наследником Фландрии Людовиком Кресийским, старшим сыном Людовика Неверского.

Но 18 марта 1321 г. Филипп V констатировал, что ни обещания 1316 г., ни позднейшие договоренности не выполнены, в таких словах: «Граф не требовал и не требует от своих чиновников клятвы сохранять мир; сеньору Ваттена, который во время войны поддержал нашу сторону, владения не возвращены; граф по-прежнему сносит замок Куртре и отдает нам камни от него; он не вернул нам ни Варнетон, ни Арденбург, ни некоторые территории, зависимые от Лилля, Дуэ и Бетюна; зато

он передал их своему сыну Роберту, который не пошел в паломничество, хотя должен...» Король повторил, что выполнил свои обязательства и что фламандцам следует сделать то же.

Вторая брюггская революция

В сентябре 1322 г. Роберту Бетюнскому наследовал Людовик Неверский. Чтобы противостоять посягательствам Роберта Кассельского, своего дяди, он был вынужден опираться на короля; и ле-лиартский патрициат, хозяин Гента, счел, что вновь настало его время. Но эта новая политика графского дома привела к народному восстанию, которое началось в июне 1323 г. в Брюгге и быстро распространилось на весь приморский регион от Звина до Нёфоссе. Конинком этой второй брюггской революции был Клас Заннекин.

Войско 1325 г. ничего не делает

В ноябре 1325 г. Карл IV организовал объявление повстанцам интердикта и собрал в Сент-Омере войско; в феврале 1326 г. жители Вёрне ждали вторжения французов. Но и это войско ничего не сделало. Мир, подписанный в Арке (близ Сент-Омера) 19 апреля 1326 г., еще раз предписал, чтобы полагающиеся короне штрафы были выплачены, а новшества, введенные мятежниками, отменены. Тем не менее через несколько недель после этого Западная Фландрия в большей степени, чем когда-либо, оказалась подвластна бандам, состоящим из брюггских рабочих, рыбаков и крестьян с побережья, которые вели охоту на лелиартов, дворян, богачей и клириков. Говорили, что эта грубая чернь (*popularium genus hominum naturaliter brutale*) творит зверские жестокости. Карл Краси-

вый умер, не успев помочь дворянам Фландрии и гентской аристократии их покарать. Выполнение этой задачи осталось за Филиппом Валуа.

Заключение

Итак, король Франции в конце XIII и в начале XIV в. пытался покорить оба больших фьефа на юге и севере королевства, которые еще не подчинялись его власти напрямую, — Гиень и Фландрию. Ему это не удалось. Филипп Красивый и Карл Красивый завоевали и вернули Гиень; брак Эдуарда II и Изабеллы, давший Эдуарду III права на французскую корону, с этой стороны уготовал стране ужасные беды. Филипп Красивый завоевал и потерял Фландрию; с 1305 г. Филипп Красивый и его сыновья выбивались из сил, навязывая фламандцам, не желавшим этого, мир, который тем не менее почти не менял взаимоотношений между Фландрским домом и королем, сложившихся еще при Людовике IX. Политика последних Капетингов по прямой линии в отношении Англии и Фландрии обошлась им очень дорого, но беды, какие Англия и Фландрия принесли династии Валуа во время Столетней войны, предельно убедительно показывают, что серьезных результатов эта политика не имела.

V. Священная Римская империя

Граница между Францией и империей

От Северного до Средиземного моря, от Голландии до Прованса в XIII в. с королевством граничили княжества, принадлежавшие к Священной Римской империи. У всех этих княжеств, больших и малых, — Голландии, Брабанта, Эно, Люксембурга, Бара, Лотарингии, Франш-Конте, Лиона, Дофине, Савойи и т. д. — случались ссоры с соседями, так что если в случае конфликта одно опиралось на императорскую власть, другое немедленно обращалось к Франции. Впрочем, главы этих феодальных государств меняли лагерь очень легко и очень часто: тот или иной князь, которого страх перед тем или иным императором привязывал к Франции, становился сторонником императора, если в результате выборов императорская корона доставалась его другу, а самые рьяные приверженцы империи порой позволяли королю привлечь их на свою сторону при помощи браков или просто субсидий. Большинство князьков бывшей Лотарингии и Арльского королевства таким образом торговали союзными отношениями. В результате возникали нестабильные комбинации, история которых очень сложна, но интереса не представляет¹².

---

¹² Эта история очень хорошо изучена; об отношениях Франции с большинством мелких стран бывшей

Франция и Германия во времена Рудольфа Габсбурга

Цель французской политики в этих регионах всегда, естественно, состояла в том, чтобы поддерживать французскую партию в каждом из пограничных княжеств и при возможности аннексировать некоторые из них.

К моменту восшествия на престол Филиппа Красивого у Французского дома был в империи свой человек в лице Оттона, пфальцграфа Бургундии (Франш-Конте). Немецкие хронисты того времени, говоря о вассалах пфальцграфа, называли их «французами». Когда в этот регион в 1289 г. пришел Рудольф Габсбург, король Германии, «чтобы отомстить за немецкую честь», граф д'Артуа с французскими, артуаскими и пикардийскими рыцарями помог своему зятю Оттону. 12 июня 1291 г. Оттон тайно обещал руку Жанны, своей дочери

Лотарингии в конце XIII и начале XIV в. существуют специальные работы. Для региона Юго-Востока их подытожил и рассмотрел П. Фурнье: *Fournier P. Le royaume d'Arles et de Vienne (1138–1378): étude sur la formation territoriale de la France dans l'Est et le Sud-Est. Paris: A. Picard, 1891.* Для Северо-Востока и Севера: *Bonnassieux P. De la réunion de Lyon à la France: étude historique d'après les documents. Lyon: Brun, 1874; Funck-Brentano F. Philippe le Bel et la noblesse franc-comtoise: étude historique. Paris: s. n., 1888 [Extrait de la «Bibliothèque de l'École des chartes», 1888]; Havet J. La frontière d'Empire dans l'Argonne: enquête faite par ordre de Rodolphe de Habsbourg à Verdun en mai 1288. Paris: H. Champion, 1881 [Bibliothèque de l'École des chartes. 42]; Welvert E. Philippe le Bel et la Maison de Luxembourg. Nogent-le-Rotrou: impr. de Daupeley-Gouverneur, 1884. [Extrait de la «Bibliothèque de l'École des chartes», t. XLV, 1884.]* Специальных работ по истории отношений последних Капетингов по прямой линии с Эно и Барруа нет.

и наследницы, одному из сыновей Филиппа Красивого, обязавшись добиться разрыва феодальной связи между Франш-Конте и империей.

В 1291 г. Рудольф Габсбург умер. В его царствование французское влияние по-прежнему просачивалось через все слабые места франко-имперской границы — в лотарингском регионе, в Лионе, где бюргеры отдали себя под охрану короля, в Эно, где город Валансьен, восставший против графа, претендовал на «принадлежность к Французскому королевству»: граф Эно, отказавшийся приносить королю оммаж за Остреван, был осужден парламентом, ему пригрозили, и он изъявил покорность.

Во времена Адольфа Нассауского

К новому королю Германии Адольфу Нассаускому, как мы видели, обратился Эдуард I с просьбой возглавить коалицию, направленную против Франции. 21 августа 1294 г. тот согласился. Через несколько дней он в высокопарных словах выразил намерение не терпеть более незаконное присвоение земель, прав и юрисдикции империи и отстаивать свое право на все, что было захвачено Филиппом Французским или его предшественниками¹³. «Когда король получил эти послания, — пишут „Хроники Сен-Дени“, — он созвал свой совет. Потом рыцари короля Германии отнесли его ответ их государю. Тот сломал на нем печать, которая была очень велика, но нашел там всего два слова:

---

¹³ Был сделан краткий пересказ этого документа (*Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques*. Т. 35. Deuxième partie. Paris: Imprimerie nationale, 1897. P. 415), того же рода, что и текст «*Scire te volumus*» по отношению к булле «*Ausculta fili*». См. выше, с. 71.

Nimis germanicum, „Слишком по-немецки!“ Этот ответ дали граф Робер д’Артуа и Большой совет короля». Интересно, что долго считалось, будто этот знаменитый анекдот отражает типичную для короля Филиппа Красивого высокомерную беззастенчивость¹⁴; но это не так, потому что еще в XII в. Вальтер Мап в своем сочинении «Забавы придворных» приписывал этот ответ Людовiku Толстому.

Адольф Нассауский, вещавший столь громко, был не в состоянии подкрепить свои слова делами. Против союзников Эдуарда I в империи, графов Гельдерна, Юлиха, Бара, Феррета, Савойи и др., дипломатия французского двора сумела быстро мобилизовать дофина Вьеннского, оммага от которого Филипп добился за пенсию в пятьсот турецких ливров, Тибо Лотарингского, графов Эно, Голландии и пр., наконец, графа Люксембурга и Альбрехта Австрийского, то есть будущих Альбрехта I и Генриха VII. С 1295 г. началось заключение многочисленных договоров между князьями империи и королем Франции. Самый своеобразный из них был подписан 2 марта 1295 г. в Венсенне с Оттоном Бургундским. Оттон, персонаж одиозный, обремененный долгами, уставший от забот, связанных с держанием большого фьефа, не ограничился подтверждением брачного контракта 1291 г.: он уступил свои имения непосредственно королю за капитал в сто тысяч ливров и пожизненную ренту в десять тысяч турецких ливров. После отречения он поехал прожигать жизнь в Париж. Он умер от раны, полученной в бою с фламандцами.

---

¹⁴ Так считал еще Э. Бутарик: *Boutaric E. La France sous Philippe le Bel: étude sur les institutions politiques et administratives du moyen âge*. Paris: H. Plon, 1861. P. 393.

Не исключено, что и самому Адольфу Нассаускому заплатили, чтобы он не пускал в ход свои отсыревшие молнии. Во всяком случае, он не сделал ничего; он не оказал ни малейшей помощи тем немногим союзникам Эдуарда, которые посмели бросить вызов Парижу, — графам Фландрскому и Барскому. Впрочем, в июле 1298 г. он погиб в сражении при Гёльхайме. И после того, как его сменил победитель при Гёльхайме Альбрехт Австрийский, бывший союзник Франции, в течение некоторого времени империя больше не выдвигала претензий.

Во времена Альбрехта Австрийского

8 декабря 1299 г. Филипп Красивый и Альбрехт Австрийский встретились в Катрво, между Вокулёром и Тулем.

Совещания в Катрво

Там был заключен давно готовившийся союз: сестра короля Бланка Французская должна была выйти за старшего сына Альбрехта, наследника Австрии и Штирии; инциденты на границе между Францией и империей, столь частые, в дальнейшем должны были рассматривать арбитры. Люди короля, пытаясь принять Франш-Конте во владение, уже столкнулись с противодействием местной знати, образовавшей против них «конфедерацию»¹⁵; теперь между дворянами Франш-Конте и королем было заключено перемирие; впоследствии разре-

---

¹⁵ 27 февраля 1294 г. в Безансоне двадцать восемь баронов Франш-Конте и аббат Люксёя заключили меж собой лигу «ради блага страны»; для руководства Лигой были назначены шесть комиссаров; лигеры платили взносы и под угрозой штрафа должны были выполнять некоторые обязанности. Ср. лиги времен Людовика Святого и лиги 1314 г. (с. 238) во Франции.

шать вопросы, по которым они расходились, призван был имперский суд.

Эти положения, ставшие известными благодаря подлинным и общедоступным документам, не особенно удивили современников, которых взволновала сама встреча как необычное событие. Во Франции и в Германии ходил слух, что Филипп тайно обязался добиться, чтобы империя и корона Германии стали наследственными в доме Габсбургов, а Альбрехт за это якобы уступил Филиппу обширные территории — долину Роны, левый берег Рейна. Эти сплетни воспринимались всерьез, хотя они доказывают лишь то, что общественное мнение приписывало Габсбургам намерение покончить с выборностью в империи, а французскому королю — виды на регион, расположенный к западу от Альп и Рейна. Помимо этого, ничего определенного нет: все, что было сказано, ранее и в наши дни, насчет «тайных» переговоров, якобы происходивших в Катрво, — не более чем догадки.

Сам по себе договор в Катрво (даже если официальный текст не сопровождался никаким секретным соглашением) был для Франции выгодным. В самом деле, бургундская знать, покинутая Альбрехтом, покорилась; весной 1301 г. произошло замирение Франш-Конте — пока имперский суд не принял юридического решения, которое он отложил *sine die* [на неопределенный срок (*лат.*)], бывшие имения Оттона стали французской территорией, где королевское правительство отныне принялось привлекать противников на свою сторону индивидуальными милостями. В ноябре 1300 г. под власть короля перешел город Туль, «ибо мы находимся в таком свободном положении, что можем искать и иметь хранителя, какого нам угодно,

не спрашивая согласия короля Германии». В следующем году перемирие между королем Франции и графом Барским, союзником Эдуарда I, было превращено в постоянный мир: Генрих Барский принес оммаж королю за свои земли на левом берегу Мааса, которые отныне стали называть «зависимым Барруа» [Barrois mouvant] от французской короны, а в 1303 г. он погибнет в Италии, сражаясь под знаменами Карла Валуа.

Такое согласие сохранялось два года. Его разрушила распря между Филиппом и Бонифацием. В разгар борьбы с французским двором Бонифаций попытался опереться на Альбрехта, которого поначалу поносил; Филипп же Красивый, когда-то просивший папу пожаловать его союзнику императорскую корону, в ответ поддержал Вацлава Чешского, претендента на корону Венгрии, против «Альбрехта, именующего себя римским королем». Но после смерти Бонифация Альбрехт, похоже, утратил интерес к тому, что происходит на западе. У правительства Филиппа руки оказались развязаны. Оно этим воспользовалось: на рейнские епископские кафедры (Кёльна, Майнца, Базеля, Констанца, Трира) были назначены люди, которые считались преданными королю Франции; Амадей Савойский и многие другие сеньоры Арльского королевства служили во «фландрском войске»; в 1307 г. верховенство короля признали в Вивье и в Лионе.

1 мая 1308 г. Альбрехта Австрийского убили.

Карл Валуа претендует на корону Германии

11 июня Филипп Красивый наделил всеми полномочиями послов мэтра Жерара де Ландри, мэтра Пьера Барьера и рыцаря Гуго де ла Селя, отправ-

лявшихся в Германию. 16 июня Карл Валуа разрешил тем же особам «обещать денежные суммы, в виде разовых выплат или пожизненных пенсий... ради продвижения лица, возвышения которого мы желаем всем сердцем». 9 июня французский король написал Генриху Хорутанскому, королю Чехии, предложив выдвинуть кандидатуру Карла Валуа, своего брата, в короли Германии.

Карл Валуа уверенно претендовал на власть над империей. Но очень похоже, что в этих обстоятельствах французский двор был плохо осведомлен о людях и реалиях Германии. Предвыборные интриги были более хитроумными, страх перед французами и ненависть к ним в Германии — более глубокими, чем думали советники Филиппа Красивого. Что же касается папы Климента, на влияние которого рассчитывали, то он лишь из осторожности скрывал недоброжелательность. 1 октября Климент V сообщил Филиппу, что Пьер Барьер и Гуго де ла Сель нашли лучший прием у архиепископа Кёльнского, но что он просит прощения за то, что не может написать курфюрстам снова, не получив от них ответа на первую депешу; он соглашался отправить в Германию в качестве представителя персону, какую пожелает король, но не запретил Балдуину Люксембургу, архиепископу Трирскому, поддерживать кандидатуру брата, графа Генриха Люксембурга: пусть сам король, которому граф Генрих приходится вассалом, и оказывает давление на этого нового претендента, если нужно. Между тем в ноябре Генриха Люксембурга единогласно избрали шесть присутствовавших курфюрстов, и Климент V поспешил одобрить его избрание. Еще в декабре 1310 г. Гильом де Ногаре упрекал Климента за быстроту, с какой тот утвердил выбор курфюрстов;

но папа, избавленный от тяжкого бремени, «менее скромный и менее терпеливый, чем прежде», в ответ вознес хвалу новому королю Германии¹⁶.

Император Генрих Люксембург

Генрих Люксембург был, несомненно, самым французским из князей Священной Римской империи. Он знал только французский язык; его императорские грамоты были написаны на французском. При Филиппе III он принадлежал к кружку королевы Марии. Он признал себя вассалом Филиппа IV, посвятившего его в рыцари и платившего ему пенсию. В 1302 г. он присоединился к протесту французской знати против Бонифация; в 1305 г. присутствовал в Лионе при коронации Климента V; в 1307 г. добился от папы, через посредство короля, возведения своего брата в сан архиепископа Трирского. Короче говоря, Генрих Люксембург всю жизнь был одним из должников, если не слуг короля.

Хотя Филипп, естественно, был уязвлен подобным выбором, в 1310 г. еще шла речь о том, чтобы продлить договор и повторить встречу в Катрво, и документы, которыми обменивались имперская и французская канцелярии, не отражают враждебности до 1311 г., когда Генрих, предъявив в Италии права империи против гвельфов и Анжуйцев, после

---

¹⁶ Отчет посланцев Филиппа авиньонской курии — см. *Wenck C. Clemens V. und Heinrich VII.: die Anfänge des französischen Papstthums. Ein Beitrag zur Geschichte des XIV. Jahrhunderts.* Halle: M. Niemeyer, 1882. S. 180. Когда избрали Генриха VII, Климент V осмелел и стал иногда занимать позицию, не столь предупредительную в отношении людей короля. С момента своего избрания и до конца 1308 г. папа странствовал по королевству, не рискуя покидать его. Весной 1309 г. он обосновался в городе Авиньоне, центре Конта-Венессен.

был вынужден предъявлять их повсюду. В 1310 г. Филипп Красивый оккупировал Лион и взял в плен архиепископа этого имперского города Петра Савойского; в том же году он принял под свое покровительство жителей Вердена, которые были подданными империи. *Casus belli* было много. По-настоящему мы не знаем, действительно ли к 1312 г. конфликт стал неизбежным, как утверждалось¹⁷. Как бы то ни было, 24 августа 1313 г. Генрих VII умер — третьим из «королей Германии», внезапную смерть которых пережил Филипп Красивый.

Новые притязания на императорскую корону

Французский двор, не сделавший никаких выводов из полного провала притязаний Карла Валуа в 1308 г., попытался еще раз воспользоваться вакансией. В ноябре 1313 г. Филипп Красивый, ободренный письмами архиепископов Майнцского

---

¹⁷ История отношений Генриха VII с Францией с 1311 по 1313 г. известна еще плохо. В одном письме Генриха VII королю говорилось: «Как и ваши предшественники, вы не по праву владеете территориями империи на востоке и на юге; знайте, что империя не настолько ослабла, чтобы мы не могли ее восстановить, дабы освободить эти провинции...» Филипп якобы ответил: «При всей несказанной надменности империя в старину избегала того, чтобы кичиться и угрожать без справедливого основания; король Франции, благодаря покровительству Божьего величия, сумел вернуть себе Галлию в прежних границах; он не страшится угроз...» Эти документы, которые опубликовал Дённигес (*Epistolae // Acta Henrici VII Imperatoris Romanorum et monumenta quaedam alia medii aevi* / ed. G. Doenniges. Pars II. Berolini: Nicolai, 1839. P. 230) и на которые часто ссылаются как на подлинные, внушают сомнение.

и Кёльнского, попросил тайно замолвить слово перед папой о своем сыне Филиппе, графе Пуатье, как о лучшем кандидате, способном сменить Генриха VII. Полагают, что он прислушался к Пьеру Дюбуа: «Если бы граф Пуатье был избран, король Франции, окруженный своими детьми, — королем Англии, своим зятем, и королем Германии, своим сыном, — мог бы без тревог покинуть свое королевство, и Святая земля легко была бы отвоевана... Король в этом деле движим не родственными чувствами, а стремлением к общественной пользе: конечно, он любит сына, но не так, как свою душу!»

Людовик Баварский и Филипп V

Граф Пуатье не получил ни одного голоса: продвинуть своего человека в императоры оказалось решительно труднее, чем в папы. Избран был Людовик Баварский. Но Баварца всецело поглощала борьба сначала с Австрийским домом, который по-прежнему претендовал на корону Германии, потому что раньше уже обладал ею, а потом с авиньонским папством, которое после скандального междуцарствия, случившегося после кончины Климента V¹⁸, представлял Иоанн XXII, уроженец

---

¹⁸ Междуцарствие продолжалось с 20 апреля 1314 г. по 7 августа 1316 г. Из двадцати четырех кардиналов, составлявших Священную коллегию, восемь были итальянцами, десять — гасконцами (племянниками или друзьями покойного папы) и шесть — «провансальцами» (три лангедокца, два нормандца, один керсиец). Племянники папы, виконт Ломани и Раймон Гильом де Бюдос, пытались запугать конклав, чтобы заставить его избрать гасконца. Итальянцы, со своей стороны, были очень раздражены на покойного Климента и его банду: «Девять лет назад, — писал кардинал Наполеон дез Юрсен французскому коро-

Каора, бывший приближенный анжуйских королей Неаполя. Людовику Баварскому было некогда заниматься западными границами империи. После смерти Филиппа Красивого и до смерти Филиппа V произошел один-единственный инцидент. Дело было в 1318 г. Жители Вердена, воевавшие со своим епископом, сослались на то, что ранее им была предоставлена королевская охрана; коннетабль Гоше де Шатильон устроил в окрестностях города небольшую демонстрацию военной силы; в этой связи было объявлено, что Верден расположен «во Французском королевстве».

Переговоры и кандидатуры при Карле IV

Карл IV в августе 1322 г. после расторжения первого брака женился на Марии Люксембургской, дочери покойного Генриха VII и сестре Иоанна Люксембурга, короля Чехии. Иоанн Люксембург был большим любителем дипломатических комбинаций; он снова впутал французского короля, своего зятя, в дела империи.

лю, — я покинул свой дом в Перудже, чтобы обрести папу-француза, ибо желал пользы для короля и королевства; и я надеялся, что он, внемля королевскому совету, будет мудро править Римом и вселенной и реформирует церковь. Избирая последнего папу, мы полагали великолепно возвысить короля и Французское королевство. Но, увы, если оценить действия покойного в отношении короля и королевства, видно, что при нем возникли опасные угрозы; ничто не было предусмотрено; предварительных мер не приняли...» (*Souchon M. Die Papstwahlen von Bonifaz VIII. bis Urban VI und die Entstehung des Schismas 1378. Braunschweig: Goeritz, 1888. S. 185*). Избрание Иоанна XXII закрепило «вавилонское пленение».

В письме венецианца Марино Санудо, написанном в 1327 г., можно прочесть: «Когда я был при французском дворе, король Чехии занимался тем, что добивался наследования трона империи; мне показалось, что окружение короля Карла не принимает это всерьез, *spernebant rem* [они отвергали это (*лат.*)]». Санудо добавляет: «Но позже король Чехии и граф Эно хотели сделать королем Арля и Вьенна, с согласия Баварца, Карла [Валуа], королевского дядю». Этот план тоже провалился.

Через некоторое время Карл IV получил другие предложения. Иоанн XXII в разгар своих знаменитых распрей с Людовиком Баварским, новым Фридрихом II, отлучил его; он объявил престол империи вакантным; он занялся поиском защитника интересов Святого престола. Если он не сам сделал это предложение, то велел передать, что предлагает империю Карлу, почти как Мартин IV в свое время предложил Филиппу Смелому Арагон — при условии, что тот лишит владений врага церкви. Это было неслыханным новшеством, ведь папы всегда стремились уравнивать влияние Франции с помощью империи, а влияние империи — с помощью Франции. Сам Климент V решительно пресек притязания французов на корону Германии. Но второй авиньонский папа, распаленный ненавистью, утратил чувство традиции Святого престола и представление о реальности. Известно, что окружение короля Карла придало этим посулам, похоже, немногим больше значения, чем планам Иоанна Чешского, известного прожектера. Кандидатуру Карла IV на императорский престол, окруженную тайной, которая, может быть, не скрывала ничего, продвигали, похоже, столь же вяло, как и кандидатуру Филиппа III в 1273 г. Вот все, что об этом

известно: в июле 1324 г. в Бар-сюр-Об с Карлом встретился некий Леопольд Австрийский из дома Габсбургов; исходя из того, что императорский престол вакантен, Леопольд обязался воздействовать на курфюрстов с расчетом на избрание Карла; Карл обязался, если его изберут, выплатить Леопольду пенсию и компенсации; 20 августа Иоанн XXII приветствовал заключение этого союза, который, по его мнению, «предвещал совершение очень большого шага в делах империи»; но год спустя король Франции еще не заплатил задатка, а Леопольд вернулся на родину, помирившись с Баварцем.

Заключение

Итак, история отношений Франции и Священной Римской империи с 1285 по 1328 г. складывается из изолированных мелких фактов, связать которые не удастся. Но соотношение выгод и издержек здесь, конечно, оказывается в пользу Франции. Затраты были почти нулевыми (походы в Бар, Лион, Верден); приобретения сделаны значительные (Франш-Конте, Лион, Вивье, Барруа, лотарингские епископства). И еще существенней, чем приобретения как таковые, было стихийное и мирное расширение французского влияния почти на всех территориях бывшей Лотарингии: большинство мелких князей этих земель подпало под влияние или оказалось буквально на содержании Филиппа Красивого и сыновей.

Именно на востоке, на линии наименьшего сопротивления, непременно произошла бы экспансия Франции, если бы Столетняя война — прискорбной прелюдией к которой стали действия Филиппа Красивого, как направленные против Англии, так и предпринятые во Фландрии, — не прервала эти начавшиеся перемены.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Ко всей книге

Источники

За редкими исключениями, хроники тех времен изданы — либо в *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. Paris: Imprimerie Royale; Imprimerie Impériale; V. Palmé; H. Welter, 1840–1894. Т. XX–XXIII, либо в соответствующих сериях соседних стран; но появление *Histoire littéraire de la France*. Paris: Impr. Nationale, 1898. Т. XXXII не значит, что все литературные тексты, появившиеся до воцарения династии Валуа, опубликованы. Многие архивные документы (письма, счета, следственные материалы и т. д.) не напечатаны и не введены в научный обиход. Еще необходима большая подготовительная работа; некоторая работа уже ведется.

Исторические работы

Большим авторитетом долго пользовалась книга:
Boutaric E. La France sous Philippe le Bel: étude sur les institutions politiques et administratives du moyen âge. Paris: H. Plon, 1861.

Но и сам Э. Бутарик, и другие эрудиты в своих исследованиях скорее еще раз обращаются ко многим вопросам, поставленным в этой работе, чем углубляют их понимание. Царствования Людовика X, Филиппа V и Карла IV изучены соответственно в работах:

Renvoisé A. Étude sur le règne de Louis X // *École nationale des chartes*. Positions des thèses soutenues par les élèves de la promotion de 1889.

Lehuteur P. Histoire de Philippe le Long, roi de France, 1316–1322. [Т. I: Le règne.] Paris: Hachette, 1897.

Couderc C. Étude sur le gouvernement de Charles IV, dit le Bel, et catalogue des mandements du règne // *École nationale des chartes*. Positions des thèses soutenues par les élèves de la promotion de 1886.

Основные монографии упомянуты для соответствующих глав.

К главе II

История распри между Филиппом Красивым и Бонифацием VIII, о которой теперь можно говорить спокойно, долго вызвала чрезмерные страсти. Галликанцы, янсенисты, ультрамонтаны в свое время бросали документы в лицо друг другу. Эти документы хранятся в Сокровищнице хартий Франции (J 478–493 и J 968–909, JJ 29 и т. д.) и в Архивах Ватикана. Галликанец Пьер Дююи, производивший классификацию каталожных ящиков Сокровищницы хартий, опубликовал (довольно некачественно) в 1655 г. большинство самых интересных документов из королевских архивов в своей «Истории распри между папой Бонифацием VIII и Филиппом Красивым, королем Франции»:

Histoire du différend d'entre le pape Boniface VIII et Philippe le Bel roi de France / publ. par Pierre Du Puy d'après Barbier. Paris: S. Cramoisy, 1655.

Реестры Бонифация VIII, хранящиеся в Архивах Ватикана, в настоящее время публикует Римская Французская школа. См. также тексты, опубликованные Кервином де Леттенхове:

Kervyn de Lettenhove J. Études sur l'histoire du XIIIe siècle // *Mémoires de l'Académie royale de Belgique*. 1854 (28).

Книга П. Дюпюи и книга А. Байе (Baillet A. Histoire des démêlés du pape Boniface VIII avec Philippe le Bel, roi de France. Paris: Barois, 1718) проникнуты ярой враждебностью к Бонифацию. В наши дни Бонифаций нашел апологетов, главный из которых — дон Тости: *Tosti L. Storia di Bonifazio VIII e de' suoi tempi: divisa in libri sei. Monte Cassino: Soggetti, 1846.*

Последними историками этой ссоры до нашего времени были Э. Бутарик, Э. Ренан, А. Мальмстрём, Ф. Рокен и А. Бодрийяр:

Renan E. Diverses pièces relatives aux différends de Philippe le Bel avec la Papauté // Histoire littéraire de la France. 1877 (27). P. 371–381; перепечатка: Renan E. Études sur la politique religieuse du règne de Philippe le Bel. Paris: Calmann Lévy, 1899.

Malmström A. Fjortonde århundradets första kulturkamp i dess förhållande till Reformationen. Lund: Ohlsson, 1882

Rocquain F. La cour de Rome et l'esprit de Réforme avant Luther. Paris: A. Fontemoing, 1893–1895. T. II. 1895

Baudrillart A. Des idées qu'on se faisait au XIVe siècle sur le droit d'intervention du Souverain Pontife en matière politique // Revue d'histoire et de littérature religieuses. 1898 (3). P. 193–224, 309–338.

Но Ж. Дигар, один из издателей реестров Бонифация, посвятил много лет подготовке издания: *Digard G. Philippe le Bel et le Saint-Siège de 1285 à 1304. [Paris: Librairie du recueil Sirey, 1936].*

[О Деле Бернара Сессе]

Histoire littéraire de la France. T. XXVI. Paris: Impr. Nationale, 1873. P. 540

Histoire générale de Languedoc. T. IX. Toulouse: J.-B. Paya, 1845. P. 216

Vidal J.-M. Documents sur les origines de la province ecclésiastique de Toulouse (1295–1318) // Annales de Saint-Louis-des-Français. 1901 (5/2).

К главе III [О Клименте V]

Биография Климента V работы Ренана в «Литературной истории» (*Renan E. Bertrand de Got (Clément V) // Histoire littéraire de la France. 1881 (28). P. 272–314*) была написана до публикации реестров Климента V (*Regestum Clementis papae V e Vaticanis archetypis. Romae: Typographia Vaticana, 1885–1892. 8 tomes en 4 vol.*). Книгу об отношениях Франции и Святого престола в понтификат Климента V, аналогичную книге Ж. Дигара об отношениях Франции и Святого престола в понтификат Бонифация VIII, еще предстоит написать.

[О тамплиерах]

О деле тамплиеров, которое веками было темным, а теперь стало очень ясным, опубликованы сотни томов, брошюр и статей; библиографические сведения можно найти в периодических изданиях:

Langlois C.-V. Der Untergang des Templers Ordens... // Revue historique. 1889 (40). Mai-Août. P. 168–179.

Salvèmini G. L'abolizione dell'Ordine dei Templari: a proposito di una recente pubblicazione // Archivio storico italiano. 1895 (198). 15. P. 225–264.

И в книге:

Gmelin J. Schuld oder Unschuld des Templerordens: kritischer Versuch zur Lösung der Frage. Stuttgart: W. Kohlhammer, 1893.

Основные тексты опубликовали Ж. Мишле и К. Шотмюллер:

Le procès des Templiers / publ. par J. Michelet. Paris: Impr. nationale, 1841–1851. 2 vol. [Collection de documents inédits sur l'histoire de France]

Schottmüller K. Der Untergang des Templer-Ordens. Berlin: E. S. Mittler und Sohn, 1887. 2 Bde.

Среди авторов, изучавших историю уничтожения ордена Храма, одни верят в виновность ордена, другие не верят. Видя эти противоречия, Наполеон I сказал: ничто никогда не будет известно.

Апологеты католичества долго считали себя обязанными осуждать орден, чтобы реабилитировать память папы, осудившего его: «Нельзя допускать, — писал один из них, — чтобы процесс тамплиеров служил поводом для патетических заявлений безбожников, направленных против Святого престола». Апологеты абсолютной монархии, всегда готовые правдами и неправдами поддерживать действия власти, питали те же чувства: по мнению таких историков, как Дюпюи, тамплиеры были виновны, потому что правительство Филиппа Красивого не могло совершить преступление. Такие мистические, гетеродоксальные секты, как масоны и розенкрейцеры, восхваляли рыцарей Храма за некоторые преступления, приписанные им Филиппом и Климентом, поскольку желали соединиться со старинным стволом; они усматривали глубину в бессмысленной символике, описанной обвинителями Храма. Наконец, такие независимые авторы, как Вильке, Хаммер-Пургшталъ, Мишле, А. Мартен, Луазелёр и Пруц, то ли потому, что неправильно истолковывали тексты, то ли потому, что были рады возможности уличить «пороки монахов», оказывались заодно с приверженцами непогрешимости папы или монарха.

Но некоторые люди уже давно разобрались в этом исключительном деле. Прежде всего, многие современники событий не позволили себя одурачить. В новые времена об истине интуитивно догадывались Лежён, Вольтер (в «Опыте о нравах»), Ренуар, Зольдау, Хавеман, Шотмюллер, Лавока. Окончательно свет на нее пролил Г. Ч. Ли (в третьем томе своей «Истории инквизиции в средние века»:

Lea C. H. A history of the inquisition of the Middle Ages. T. III. Cambridge: Cambridge University press, 1888. [Русский перевод: *Лу Г. Ч.* История инквизиции в средние века / пер. А. В. Башкирова. Т. III. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1912]], аргументацию которого воспроизвел Ю. Гмелин в упомянутом издании. См. также: *Langlois C.-V.* Le procès des Templiers, d'après des documents nouveaux // *Revue des deux mondes*. Janvier 1891. P. 382–422.

[Об Ордене перед Вьеннским собором]

Ehrle P. Ein Bruchstück der Acten des Concils von Vienne // *Archiv für Litteratur und Kirchengeschichte des Mittelalters*. 1888 (4). S. 361–470.

К главе IV

Источники и исторические труды, к которым можно обратиться: Реестры Гонория IV, Николая IV, Бонифация VIII и Климента V. Упомянутые ранее работы Э. Бутарика (Boutaric) и Ж. Дигара (Digard).

Fournier P. Les officialités au moyen âge: Étude sur l'organisation, la compétence et la procédure des tribunaux ecclésiastiques ordinaires en France, de 1180 à 1328. Paris: Plon, 1880.

Ehrle F. Ein Bruchstück der Acten des Concils von Vienne // *Archiv für Literatur- und Kirchengeschichte des Mittelalters*. 1888 (4). S. 361–470.

[О движении 1314 г.]

Dufayard Ch. La réaction féodale sous les fils de Philippe le Bel // *Revue historique*. 1894. LIV, P. 241–272. LV. P. 241–290.

Viollet P. Histoire des institutions politiques et administratives de la France. Paris: L. Larose, 1890–1912. 4 vol. T. II. 1898. P. 237 и далее.

*[О деятельности лиг
и их исчезновении при Филиппе V]*

Lehuteur P. Histoire de Philippe le Long, roi de France, 1316–1322. [Т. I: Le règne.] Paris: Hachette, 1897.

*[О совещаниях и собраниях
при Филиппе V и Карле IV]*

Hervieu H. Recherches sur les premiers États généraux et les assemblées représentatives pendant la première moitié du quatorzième siècle. Paris: Thorin, 1879. — Хронология этих собраний еще очень неточна.

К главе V

Исследовать отношения между Францией и соседними странами в ту эпоху трудно. О них сохранились лишь отрывочные сведения. С другой стороны, тенденциозные толкования историков Нового времени, принадлежавших к разным национальностям, вносят дополнительную путаницу: немцы, французы, бельгийцы с гордостью утверждали, что все, делавшееся в то время королями Германии или Франции либо графами Фландрии, было легитимным, умелым и славным.

Лучшее комплексное описание европейской политики во времена Филиппа Красивого до смерти Бонифация VIII содержится в уже упомянутом труде Ж. Дигара:

Digard G. Philippe le Bel et le Saint-Siège de 1285 à 1304. Paris: Librairie du recueil Sirey, 1936.

Периоду с 1316 по 1322 г. посвящено специальное исследование:

Lehuteur P. Histoire de Philippe le Long, roi de France, 1316–1322. [Т. I: Le règne.] Paris: Hachette, 1897. Р. 192 и далее.

[Об идеях Пьера Дюбуа]

Renan E. Pierre Du Bois, légiste // Histoire littéraire de la France. 1873 (26). P. 471–536.

Некоторые дополнительные замечания есть в моем издании трактата «О возвращении Святой земли»:

Dubois P. De recuperatione Terre Sancte: traité de politique générale / publ. par Ch.-V. Langlois. Paris: Picard, 1891. [Collection de textes pour servir à l'étude et à l'enseignement de l'histoire; 9.]

[О Юзе и Востоке]

Покойный Кадье собирал документы в архивах Испании, изучая историю отношений Филиппа Красивого с Арагоном и Кастилией; его бумаги мы держали в руках. Ср.:

Schiff O. Studien zur Geschichte Papst Nikolaus' IV. Berlin: Ebering, 1897. [Historische Studien; 5.]

Об отношениях с королем Майорки см.:

Lecoy de La Marche A. Les relations politiques de la France avec le royaume de Majorque (îles Baléares, Roussillon, Montpellier, etc.). Paris: E. Leroux, 1892. T. I.

По истории Наварры в ту эпоху хорошей книги нет. О Восточном вопросе:

Delaville Le Roulx J. La France en Orient au XIVe siècle: expéditions du Maréchal Boucicaut. Paris: Thorin, 1886. 2 vol.

Histoire de Mar Jabalaha III, patriarche des Nestoriens (1281–1317), et du moine Rabban Çauuma, ambassadeur du roi Argoun en Occident (1287) / trad. par Chabot J.-B. // Revue de l'Orient latin. I (1894) et II (1895). [Русский перевод: История мар Ябалаци III и раббан Саумы // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.]

[Об Англии]

- Gavrilovitch M.* Étude sur le traité de Paris de 1259 entre Louis IX, roi de France, et Henri III, roi d'Angleterre. Thèse d'université. Paris: E. Bouillon, 1899
- Jourdain Ch.* Mémoire sur les commencements de la marine militaire sous Philippe le Bel // Mémoires de l'Académie des inscriptions et belles-lettres. 1880 (30). 1re partie. P. 377–418
- La Roncière Ch. de.* Le blocus continental de l'Angleterre sous Philippe le Bel // Revue des questions historiques. 1896 (60). P. 401–441
- Bréquigny L.-G. de.* Mémoire sur les différends entre la France et l'Angleterre sous le règne de Charles-le-Bel // Revue de l'Agenais. 1885 (12). P. 560–572. 1886 (13). P. 187–190.

[О Фландрии]

- Funck-Brentano F.* Les origines de la guerre de Cent ans: Philippe le Bel en Flandre. Thèse présentée à la Faculté des lettres de Paris. Paris: H. Champion, 1896
- Van der Linden H.* Les relations politiques de la Flandre avec la France au XIVe siècle // Compte-rendu des séances de la Commission royale d'Histoire ou Recueil de ses Bulletins. 5e série. 1893 (3). P. 469–542
- Pirenne H.* Histoire de Belgique des origines à 1914. Bruxelles: Lamertin, 1900–1932, 7 vol.: T. 1, Des origines au commencement du XIVe siècle. Bruxelles: Lamertin, 1900. Livre III
- Le soulèvement de la Flandre maritime de 1323–1328: documents inédits / publ. par H. Pirenne. Bruxelles: Kiessling, 1900. [Académie royale de Belgique. Commission royale d'histoire.]

[О Священной Римской империи]

- Leroux A.* Recherches critiques sur les relations politiques de la France avec l'Allemagne, de 1292 à 1378. Paris: F. Vieweg, 1882

- Heller J.* Deutschland und Frankreich in ihren politischen Beziehungen vom Ende des Interregnums bis zum Tode Rudolfs von Habsburg. Göttingen: R. Peppmüller, 1874
- Bergengrün A.* Die politischen Beziehungen Deutschlands zu Frankreich während der Regierung Adolfs von Nassau. Straßburg; London: Trübner, 1884
- Henneberg H.* Die politischen Beziehungen zwischen Deutschland und Frankreich unter König Albrecht I., 1289–1308. Inaugural-Dissertation. Straßburg: Heitz und Mündel, 1891
- Niemeier A.* Untersuchungen über die Beziehungen Albrechts I. zu Bonifaz VIII. Inaugural-Dissertation. Berlin: E. Ebering, 1900
- Wenck C.* Clemens V. und Heinrich VII.: die Anfänge des französischen Papstthums. Ein Beitrag zur Geschichte des XIV. Jahrhunderts. Halle : M. Niemeyer, 1882
- Sievers G.* Die politischen Beziehungen Kaiser Ludwigs des Baiern zu Frankreich in den Jahren 1314–1337. Berlin: E. Ebering, 1896
- Schwalm J.* Beiträge zur Reichsgeschichte des 14. Jahrhunderts: Aus dem Vatikanischen Archive // Neues Archiv der Gesellschaft für ältere deutsche Geschichtskunde. 1900 (25). S. 559–584 (cp. *Wenck K.* Französische Werbungen um die deutsche Königskrone zur Zeit Philipp's des Schönen und Clemens V // Historische Zeitschrift. 1901 (86). S. 258–269).

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Последние Капетинги по прямой линии	5
I. Филипп Красивый и его сыновья	7
II. Окружение последних Капетингов.....	15
Глава II. Филипп IV и Бонифаций VIII	21
I. Филипп Красивый и предшественники Бонифация. Вступление Бонифация на Святой престол	24
II. Первая распря между Филиппом и Бони- фацием	30
III. Истоки второй распри. Разрыв	45
IV. Дело Бернара Сессе	51
V. Вторая распря (по ноябрь 1302 г.)	59
VI. Вторая распря, с ноября 1302 г. по июнь 1303 г.	72
VII. Покушение в Ананьи	81
VIII. Завершение распри при Бенедикте XI и Клименте V	97
Глава III. Филипп Красивый и Климент V.	
Дело тамплиеров	109
I. Орден Храма в начале XIV в.	112
II. Предпосылки процесса тамплиеров.....	121

III. Процесс тамплиеров. Первая стадия, до лета 1308 г.	126
IV. Процесс тамплиеров. Вторая стадия, до Вьеннского собора	135
V. Орден перед Вьеннским собором	146
VI. Завершение дела тамплиеров	154
Глава IV. Король и нация: с 1285 по 1328 г. . .	159
I. Французская церковь при Филиппе Красивом.	161
II. Знать и простонародье при Филиппе Красивом.	176
III. Общие совещания с нацией по 1314 г. . .	198
IV. Движение 1314 г.	209
V. Тетради лиг 1314 г. и ордонансы Людовика X.	213
VI. Деятельность лиг и их исчезновение при Филиппе V.	222
VII. Совещания и собрания при Филиппе V и Карле IV	231
VIII. Заключение	238
Глава V. Франция и соседние страны: с 1285 по 1328 г.	241
I. Идеи Пьера Дюбуа	243
II. Юг и Восток.	255
III. Англия	263
IV. Фландрия.	276
V. Священная Римская империя	292
Обзор литературы и источников.	306

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10"

Научное электронное издание

Серия «Parvus libellus»

Ланглуа Шарль-Виктор

ФИЛИПП КРАСИВЫЙ И ЕГО СЫНОВЬЯ

Франция в конце XIII — начале XIV века

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка издания *В. Ю. Трофимов*

Подписано к использованию 17.06.25
Формат 10,5×18,5 см
Гарнитура PT Sans

ООО «Издательство «Евразия»
197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н
Тел.: (812) 602-08-24
Сайт: <https://eurasiabooks.com/>
Эл. почта: eurasiaeditors@gmail.com

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: <https://www.intermediator.ru>
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru

Эпоха последних Капетингов (1285–1328) — время великих свершений французской монархии. Главным действующим лицом этой эпохи по праву является французский король Филипп IV Красивый — суровый и могущественный правитель, который был загадкой уже для своих современников. Его называли «железным королем» и «королем из мрамора». Именно в его царствование Франция достигла вершины своего могущества.

Филипп IV боролся с папством, отказавшись признать верховенство духовной власти над светской и положив начало «Авиньонскому пленению пап»; расширил владения французской короны, подавив сопротивление крупных сеньоров. При Филиппе блистательное французское рыцарство впервые потерпело поражение от пехотинцев, фламандских ткачей и ремесленников, в знаменитой битве при Куртре. И именно по распоряжению Филиппа в центре Парижа стали строить Собор Парижской Богоматери, впоследствии превратившийся в главный символ французской столицы. Наконец, правление Филиппа отмечено громким событием, оставившим по себе долгую память, — арестом, судом и казнью рыцарей-монахов из ордена тамплиеров.